

Соколова Ирина
Время звёзд

Annotation

История об одиночестве, любви и творческом начале. Ну и ещё немного приключений в фэнтези-мире.

Глава 1. Загадки

То, что у богини Неба отвратительный характер — общепризнанный факт, но сегодня эта стерва просто превзошла сама себя! Ибо достопочтенный купец таэ1 Геррен только что сообщил мне, презрительно ухмыляясь, что охрана в моём лице его каравану даром не нужна ("вам, нелюдям, довериться — себе дороже выйдет"). Сволочь!

Самое паршивое заключается в том, что это был последний караван на север, выходящий из города в этом месяце. А уехать мне край как нужно. Позарез.

Дипломатический конфликт с одним из лесных княжеств породил в астае2 Сэлис редкий для здешних мест всплеск ненависти к инородцам. К эльфам, если быть точным, других тут почти нет. Крупных потасовок пока что, хвала богине, не случилось, но исключительно в силу того, что большая часть чистокровных и не очень эльфов заранее отбыли из астая, а кто поумнее — и из Альянса Астэ. Мне, по идее, следовало бы последовать их примеру, вот только деньги закончились. Совсем. Ту мелочь, что болтается по моим карманам, средствами к существованию не назвал бы и самый последний нищий. Самое большее, что не неё можно себе позволить — это скудный ужин в недорогой забегаловке.

Ссутулившись и низко надвинув на лицо капюшон, я медленно бреду по грязной окраинной улице. Под ногами хлюпает, сверху моросит. Всё плохо. Настолько плохо, что хочется кого-нибудь побить. В городе оставаться нельзя, до более гостеприимных мест с моими деньгами добраться невозможно, продавать что-то из вещей нет никакого желания. Ещё и погодка как по заказу — низкие мутно-серые тучи, всё никак не проливающиеся нормальным дождем. Где-то за ними сейчас должно заходить солнце.

Так, главное — не отчаиваться и попробовать найти что-нибудь хорошее даже в этой паскуднейшей ситуации. Угу. Как же! На душе настолько паршиво, что намыленная верёвка и высокий табурет начинают казаться привлекательной перспективой. То-то Гармелю сюрприз будет, когда он всё-таки соберётся меня выселять.

От мрачных мыслей меня отвлекают громкие вопли из ближайшей подворотни. В подобных местах они крайне редко означают внезапную радость. Подхожу ближе — ну так и есть! Криминальная драма в одном действии. Персонажи: трое пахнувших вином и злобой мужчин и отчаянно вырывающаяся девица в порванной рубашке. Сюжет: как добиться благосклонности девушки, имея преимущество в силе и не желая тратить время на ухаживания и уговоры.

Вообще-то лезть в чужие дела — верх глупости, тем более для полуэльфа в Сэлисе. Но сегодня у меня просто руки чешутся кого-нибудь покалечить, так что защита чести и достоинства несчастной девчонки приходится весьма кстати. Отбрасываю за спину мешающий капюшон.

Первый из насильников так ничего и не понимает, падает, получив удар ребром ладони в основание черепа. Оставшиеся, отбросив женщину, разворачиваются ко мне:

— Жить надоело, полукровка?!

Дарю им самую обаятельную из своих улыбок, демонстративно перетекая в боевую стойку.

— Ну, тварь лесная, ты попал! — Подонки почти одновременно вытаскивают ножи. Уже интереснее. Одному хватает удара пальцами по горлу и носком сапога в пах, второму

приходится переломать рёбра.

— Т...т-таэ-э-э... — спасённая девушка сидит, съёжившись, на земле и безуспешно пытается собрать на груди остатки рубахи. Совсем молоденькая — лет четырнадцать, не больше. Светлые пушистые волосы собраны в три короткие тугие косички, как и положено незамужней жительнице астаев. И на удивление прилично одета для здешних мест — юбка из добротной ткани с ярко-жёлтой вышивкой по подолу, отделанная тонкими полосками кружев рубашка (от которой, правда, остались одни лохмотья), кожаные башмачки с металлическими пряжками. Заблудилась? На протянутый мной плащ она даже не обращает внимания. Накинув его девчонке на плечи, оборачиваюсь к её обидчикам. В сознание, пока что, никто не пришёл. Ну что ж, от всех в этом мире своя польза. Эти ублюдки, например, помогут мне немного поправить материальное положение.

— Б-благодарю вас, — их несостоявшаяся жертва, похоже, начинает приходить в себя. Во всяком случае, с земли она поднялась и в плащ мой завернулась, причём так плотно, что на виду остались только лицо и кисти рук. — Кто вы, таэ?

— Морион, — для более официального знакомства нет настроения. И вообще, у меня сейчас более важные заботы есть! У первого из нападавших ничего стоящего. Даже в кошельке — сплошь «ракушки»³ У второго — чуть получше, полдесятка янтарём⁴. А у главаря ещё серьга золотая и вполне приличный стилет гномьей работы.

— А я — Лерда... ну, Леренва.

Странное имечко. Северное? В астаях женские имена в основном оканчиваются на «-ана», «-ена», или «-ойна», на эльфийский манер. Взаимопроникновение культур, как ни крути. Сколько бы подданные Аранны на эльфов не шипели, а Альянс Астэ испокон веков с тремя эльфийскими княжествами граничит, и поделаться с этим ничего нельзя.

— Вы так вовремя появились!

Точно — северянка, гласные чуть растягивает. На севере в основном говорят на том же языке, что и в Альянсе, но произносят слова несколько иначе. Странно. Что девушка из северных царств делает так далеко на юге?

— Угу, — распахиваю добычу по карманам. Не богиня весть что, конечно, но настроение всё равно немного улучшается.

— Я так перепугалась! — судя по всему, на пережитый испуг девочка отвечает словесным недержанием. Интересная реакция. — Они как выскочили, а я убежать не успела, а район незнакомый, я тут и не бывала никогда...

— Хм. — «Может денег ей дать? Хотя, судя по её одежде, плаща хватит.»

— А они мне рубашку порвали, а она новая совсем, а... Таэ, а Вы куда?

Девушка торопливо подбегает ко мне и идёт рядом, на ходу безуспешно пытаюсь отчистить заляпанную грязью юбку.

— Отсюда подальше! — «А вот до дома её следовало бы проводить». — Ребёнок, ты где живёшь? Давай провожу, приличным молодым девушкам не стоит бродить по этой части города в одиночку. Особенно вечером.

— А я теперь нигде не живу, — девчонка шмыгает носом, явно напрашиваясь на сочувствие. — Я у госпожи Гилланы служила, в Старом Городе, а она меня сегодня выгнала, а я не краля ничего, это наверняка Ликса украла, а подумали на меня. И идти мне теперь некуда...

В круглых светло-голубых глазищах вспыхивает робкая надежда:

— Таэ, а вы мне не поможете? Прошу вас!

Вот-вот разревётся. Надо же было так влипнуть! И бросить её уже как-то неудобно, после такого эффектного спасения. Широко раскрытые глаза девчонки как по заказу наполняются влагой.

— А родственники или друзья у тебя есть?

— Нет, — невнятно хлюпает Леренва, размазывая слёзы по конопушкам, — никого нету. Мы с мамой одни были, а весной она умерла, а я сюда приехала и служанкой устроилась, недавно совсем.

— Ясенько. — «Богиня, какая же Вы стерва!» — А скажи-ка мне, не в меру наглос дитя, с какой стати мне тебе помогать?

А ведь действительно постараюсь помочь. Оставить это чудо в одиночестве уже просто невозможно.

— Ну как же, вы же меня спасли! — девчонка, словно клещ, вцепляется в мой рукав, заглядывая в лицо. М-да... полезное, всё-таки качество — наглость. Но, если серьёзно, чтобы вот так кидаться на первого встречного она должна была в конец отчаяться. — Таэ, я вас очень прошу, не оставляйте меня! Я всё умею, и стирать, и убирать и готовлю хорошо. Вам служанка не требуется?

— Нет. — Несмотря на состояние кошелька, вид у меня по жизни весьма презентабельный — происхождение обязывает. — Ты, кстати, почему такая доверчивая? А если я — насильник и убийца, и спас тебя только для того, чтобы лично попользоваться?

— Нет-нет-нет! — Лерда отчаянно мотает головой, так что косички взвиваются в воздух. — Вы меня не обидите, я знаю. И помочь постараетесь. У вас же глаза добрые!

— Добрые?

Однако. Нет, я, конечно, понимаю, вкусы у всех разные, но назвать добрыми мои глаза! Её в детстве, часом, из люльки вниз головой не роняли?

— Добрые, добрые, — Леренва вновь принимается трясти косичками. — Я вижу. Я всегда по глазам вижу, плохой человек или хороший!

Ясновидящая? Хм...

— А что ж ты тогда с теми бандитами связалась?

За время разговора мы незаметно подходим к "Трёхной собаке" — средней паршивости постоялому двору, где я снимаю комнату последние два десятидневья. Кстати, вполне приличное, по местным меркам конечно, заведение. Клопов, считай, нет, кормёжка съедобная, а если с хозяином поскандалить, будет и чистое бельё почти без дырок, и сносный овёс для лошади.

— Я не связалась! — возмущается она. — Я мимо шла, они ко мне сами пристали! Мне прямо в глаза смотреть надо, а они так выскочили, я и понять ничего не успела. А сумку с вещами я ещё раньше потеряла... Таэ, а вы здесь живёте, да?

— Да. Значит так, сегодня, так уж и быть, можешь переночевать у меня. Я не зверь, на ночь глядя девушку на улице не оставляю. А завтра с утра решим, что с тобой делать.

— Ой, спасибо, таэ!

— Не за что, — вежливо пропускаю девчонку в дверь. Теперь ещё и эта забота на мою голову! Ладно, придумаем, как с ней поступить.

Б-бездна! Богиня, признайтесь, вы на меня за что-то обиделись, да?

— Эй, полуэльф! — Гармель, необъятных размеров хозяин постоялого двора, лениво машет мне от входа в кухню. — Ты долг-то когда возвращать думаешь?

— Да хоть сейчас! — присыпанная перламутровой мелочью янтарная монетка падает в

толстую лапищу трактирщика. — Я, пожалуй, съеду от вас, таэ Гармель.

— Устроился куда? То-то я смотрю — деньги завелись.

— Ну, вроде того, — о путях получения этих денег лучше не распространяться.

— И правильно, — он пересчитывает деньги и небрежно ссыпает их в карман. — А то меня уже о тебе спрашивали. Я-то против вас, остроухих, ничего не имею, но, сам понимаешь, неприятности мне здесь не нужны. Когда съезжаешь?

— Завтра, после обеда. Ужин мне в комнату отнесите, пожалуйста. Две порции.

Гармель переводит взгляд на Лерду и поощрительно усмехается, наверняка списав её визит на объявившиеся у меня средства. До сих пор ко мне женщины по вечерам не заходили.

— А о чём вы так задумались, таэ Морион? — сытая и согретая, Леренва сидит на моей кровати, завернувшись в одеяло, и отчаянно пытается не заснуть. Отчищенная юбка свешивается со спинки кровати, жалкие останки рубашки валяются в дальнем углу.

— Лерда, давай без «таэ» и на "ты". Я привык, что меня зовут просто Морион. Можно Моро или Орин. Для близких друзей — Мори.

— Хорошо, Мори. Ахха-а-ахм... — девчушка широко зеваает и откидывается на подушку. — Так о чём ты думаешь?

Нет, ну наглости в человеке! Даже завидно.

— О том, где мне денег добыть. И куда тебя завтра деть.

— А куда... меня деть?

— Не знаю, — всерьёз задумываюсь. — У меня здесь знакомых подходящих нет. Разве что к Гверане... Лерда, ты в травах разбираешься? Лерда?

Девушка спит. Укутав несносное создание одеялом, возвращаюсь к решению финансовых вопросов. Шкапулка с драгоценностями — последний резерв — находится на дне сумки, под сменной одеждой. Честно говоря, её содержимое даже у меня некоторые подозрения вызывает: откуда у безродного полуэльфа такие сокровища. Но, что поделать — веками наполнялась! Без самой крайней нужды я туда стараюсь не лезть, но сегодня, кажется, именно такой случай.

Значит так, что мы имеем:

Серьги с подвесками — вытянутые кристаллы чёрного кварца в окружении затейливо переплетённых серебряных веточек. В сторону — амулет. Браслеты и ожерелье-ошейник из того же камня, мориона, давшего мне моё нынешнее имя. Туда же по тем же причинам. Золотой перстень-печатка с гербом Ллевельдеила — мне его возвращать рано или поздно. Пара серебряных цепочек-браслетов затейливого плетения с висящими на них бирюзовыми шариками — тоже штучка не простая. Так, а на мне-то что? Три чёрных жемчужины в левом ухе — ни за что! Дороги как память. Кулон с морионом в пару к серьгам — тем более нет.

Со вздохом переворачиваю шкапулку:

Налобное украшение с лунным камнем — помогает сосредоточиться и очистить разум; простые обсидиановые чётки, давным-давно купленные в подарок одной знакомой ведунье, но, по не зависящим от меня причинам, так и не подаренные; несколько пар серёжек с мелкими камнями, каждая — грустная память; шнурок для волос с серебряными бубенцами; браслеты, цепочки, полтора десятка шпилек, пара затейливых брошек для плащей... Ой, а это что? И как давно уже здесь пылится?! Потрясающе безвкусная вещица — золотая брошь в форме бабочки, усыпанная десятками совершенно не сочетающихся друг с другом

самоцветов. Это... это же мне наследный принц Зайнерии подарил. Ну да, Бездна знает сколько лет назад. Сразу же продавать было не слишком удобно, а потом из головы вылетело. Как удачно! Сгребаю остальные побрякушки в шкатулку. Живём!

На ещё одно тело в постели Лерда никак не реагирует. А что? Кровать тут одна, а лишать себя заслуженного отдыха из-за чьей-то там стыдливости я не собираюсь. Хотя раздеваться всё же не стоит.

— М-м-м... таэ... Вы что тут делаете?! — от подобного вопля покойник бы поднялся, не то, что я.

— Сплю. Спал, точнее. — С опозданием понимаю, что во сне это наказание богов перебралось на мой край кровати, и мы очень романтично лежим в обнимку.

— А как же вы... то есть ты... ведь я же... ой! — мямлит алеющая как степной тюльпан Леренва, торопливо отползая в сторону.

— А что я? Лерда, насколько я помню, в этой комнате только одна кровать. А спать на полу или столе мне не слишком-то по душе. Успокойся, будь у меня нечистые намерения на твой счёт, ты бы первая узнала.

— Но это же неприлично, как вы не понимаете?!

— И что? — от её смущения настроение у меня неожиданно начинает подниматься. — Ладно, вставай, ребёнок! Утро уже.

— Хорошо. Только я... ну...

Со вздохом снимаю со спинки кровати заранее приготовленную рубашку. Мужская, конечно, но других у меня нет.

— Возьми. И я же просил, на "ты"!

Пока я умываюсь и привожу себя в порядок, несносная девчонка успевает одеться, причесаться, бессовестно присвоив мой гребень, и смертельно достать меня своей трескотнёй.

— А как я перепугалась! А вы... ты так вовремя появился!

— Угу. — Слышали уже, неоднократно.

— Это было так... так... раз и всё! Я даже не сразу поняла, что случилось! Ты, наверное, прекрасный воин!

— Нет, — не буду хвастаться, но таких как я обычно называют Великими Воинами. С самой большой буквы.

— А ты правда полуэльф?

— Да. — Вру.

Переодевая рубашку, спиной чувствую её заинтересованный взгляд. Было бы на что смотреть! Примерно три пуда тонких костей, просвечивающих сквозь бледную кожу оттенка "лунная ночь на погосте". Пугаться впору! Тем более что за волосами и так не видно практически ничего.

— А почему у ва... тебя уши не заострённые? — На кой демон мне понадобилось её спасать?

— Потому что мать была человеком. Уши получают заострёнными только когда мать эльфийка, а отец — человек.

— Ой, а я не знала! — Ещё бы! — А говорят, что...

— Помолчи немного, пожалуйста! Лерда, мы сейчас спустимся, позавтракаем, а потом я к одному... хм... ювелиру поеду, заодно тебя к Гверане заброшу. Это знахарка моя знакомая, ей вроде бы помощница нужна была — травы собирать и за порядком следить. Будешь у неё жить и работать. Она женщина неплохая, хоть и строгая, ничего страшного с тобой не сделает, а если понравишься — может даже в ученицы взять.

Лерда смущённо опускает глаза.

— Мори, я не уверена... ну, я же этим никогда не занималась!

— Если не хочешь, могу просто денег дать и отпустить на все четыре стороны.

— Нет, что ты! Я просто волнуюсь. А к ювелиру я с тобой иду?

— А почему это тебя так интересует?

— Ну-у-у...

— Вообще-то да. Тебе же на первое время деньги понадобятся.

Подхватываю со стула длинную, до бёдер, просторную куртку, опускаю шкатулку с украшениями во внутренний карман. Так, ножи, перчатки, Леренва — вроде ничего не забыто. Можно отправляться.

Увидев меня, скучающий в стойле Мрак обрадовано заржал. Осторожно взял с ладони половинку яблока и с удовольствием захрупал, позволяя вывести себя из стойла и оседлать.

Здоровенный вороной жеребец-дэстрие5 достался мне в наследство от приятеля-рыцаря около года назад. С тех пор мы очень сдружились. Особо выдающейся скоростью, как и всякий боевой конь, Мрак похвастаться не может, зато силён просто сверхъестественно. А уж на вид... внушительная скотина.

— Мори, я готова! — Леренва влетела в конюшню. Натолкнулась взглядом на коня, побледнела и непроизвольно отступила на шаг. — Ой, ма-амочки!

Мрак смерил девчонку презрительным взглядом и с достоинством императора проществовал к выходу.

— Знакомься, это Мрак, — легко вскакиваю на его спину, протягиваю девушке руку. — Не бойся, он добрый.

Фырканье услышавшего о "добром" жеребца прямо-таки источает ехидство. Вот и говори после этого, что животные не понимают человеческую речь!

Лерда сглотнула и молча карабкается в седло позади меня. Всегда бы так!

Молчания ей, к сожалению, хватает лишь до первого перекрёстка.

— А это твой конь? — Какое тонкое наблюдение!

— Да.

— А почему он такой большой?

— Порода такая. — Эта девушка меня раздражает.

— А сколько ему лет?

— Пять. — Сильно раздражает.

— И он давно у тебя?

— Давно. — Заткнуть её что ли?

— А... какая прелесть! Можно посмотреть?

— Что? Ах, ты!..

Не дожидаясь разрешения, Лерда проворно вытащила из моих волос длинную серебряную шпильку. Ничем не сдерживаемая коса упала на спину.

— Ой, прости, я не нарочно! Сейчас исправлю!

— Не вздумай! — поздно. Эта... эта... не знаю, как назвать, чтобы не выругаться... в общем, она попыталась воткнуть заколку обратно. От ранения головы меня уберегла лишь хорошая реакция.

— Ты что? — Сама как будто не понимает?!

— Дай сюда заколку!

— А-а... на. Мори, а почему эльфы коротко не стригутся?

— Чтобы ты спросила! — «Богиня, я не знаю, в чем моя вина перед вами, но поверьте, искренне раскаиваюсь!»

От греха подальше прячу шпильку в карман и перекидываю косу на грудь.

— Ну, я спросила. — Смеётся. Вот ведь!

— Примета плохая! Ещё вопросы будут?!

— Будут. А где живёт эта знахарка?

— В центре. — Спокойно, Орин, спокойно. Максимум через пару часов её рядом с тобой уже не будет.

— А ювелир?

— Помолчи, пожалуйста!

— Почему?

— Мы приехали.

Оставив коня в переулке (совершенно без опаски — постороннего он к себе никогда не подпустит), мы с Лердой направились к ничем не примечательному обшарпанному домику. Всё пока складывалось вполне удачно.

"Ювелир" — не брезгующий драгоценностями с сомнительным прошлым скупщик, дал за брошь и серьгу вполне приличную цену, даже не слишком далёкую от их истинной стоимости. Тридцать нефритовых б — неплохие деньги, на дорогу точно хватит и Лерде на первое время. На этом хорошие новости на сегодня закончились.

Плохие же поджидали меня за порогом, в лице полного десятка воинов в кожаной броне со знаками городской стражи и, кто бы мог подумать, одного из давешних насильников. Какая прелесть!

Моя нижняя челюсть начала неконтролируемо отваливаться. Во-первых, городская стража — последнее место, куда обращаются подобные личности. Просто потому, что их там и так будут очень рады видеть. Собственно, это во-вторых. Пришедшего с жалобами подозрительного типа в лучшем случае не станут слушать. А, скорее всего, и вовсе препроводят в тюрьму для "дальнейшего разбирательства". Но чтобы городская стража отправилась задерживать обидчика всякой мрази?!

Впрочем, в свете царившей в астае "пылкой любви" к эльфам возможными становились самые невероятные вещи. Вот Бездна!

— Эти? — хмурый немолодой десятник повернулся к бандиту. Тот злорадно кивнул. Десятник пожал плечами и махнул стражникам. Парни сноровисто взяли нас в неплотное кольцо.

— Морин-полуэльф, вы обвиняетесь в разбойном нападении на граждан...

Вот почему рядом с хорошенькими девушками, меня так и тянет геройствовать? Смешно! Мне ведь от них совершенно ничего не нужно.

— Морион, с вашего позволения. — Кто не в курсе, перебивать стражника следует только при наличии лишних рёбер, почек и печени. — Я бы попросил вас не коверкать моё имя.

— Поумничай мне ещё! — рыкнул десятник. Дрожащая Лерда прижалась ко мне, обеими руками вцепившись в рукав рубашки. О, боги, ну и дура! — Отдавай по-хорошему оружие и пойдёшь с нами!

Предложение, честно говоря, не лишено здравого смысла. Благо, побегов из заключения в моей жизни было столько, что пособия для начинающих узников писать могу.

...Спрятанный в рукаве куртки стилет незаметно скользнул в ладонь...

— Могу я узнать, на чём основывается ваше обвинение?

— Чего? — со сложными словами десятник явно был не в ладах, но о его профессионализме это ничего не говорило.

— Чем докажете, говорю!

— А это уж не твоего ума дело! Ежели по-хорошему не хочешь, могём и по-плохому отвести.

— Я бы не советовал.

— А я и не спрашиваю. Взять!

Это он зря. В принципе, могли бы договориться...

Молниеносное движение кистью и тонкое лезвие с чмоканьем вошло в глазницу обиженного бандита. Забавно — тот самый нож, отобранный у него прошлой ночью.

Пары мгновений, на время которых стражники отвлеклись, хватает мне, чтобы врезать ближайшему из них кулаком в висок. Дурёха Лерда всё ещё висит на моей правой руке, но и левой получилось вполне удачно. Одновременно хорошим пинком по голени вывожу из строя ещё одного стража, расчищая себе путь. Упал на соседа. Удачно! Тела ещё не успели коснуться земли, а я уже устремляюсь в прорыв, увлекая за собой девушку. Десяток шагов до ближайшего переулка были, наверное, самыми быстрыми в моей жизни. Боги, какое счастье, что страже запрещено использовать арбалеты в черте города! Какое счастье, что мы оставили Мрака в переулке! Какое счастье, что городские ворота в двух шагах!

Ну, если выберемся... богиня, я прощу вам все пакости за последнюю сотню лет!

— Вы увидели всё, что хотели, таэ? — Начальник городской стражи смерил недобрым взглядом собеседника.

— Да, вполне, — Высокий человек в богатых, расшитых жемчугом одеждах так и не отвернулся от окна. На улице двое стражников грузили на телегу труп. Чуть в стороне лекарь возился с пострадавшими. — Это именно тот, кто мне нужен. Распорядитесь, чтобы их не преследовали.

— Да как же можно?! После всего, что он тут...

— Распорядитесь, — интонация не изменилась ни на йоту, но стражник прикусил язык. — Вам он всё равно не по зубам. Только моим планам помешаете.

— Слушаюсь, — воин развернулся и вышел, чуть излишне громко хлопнув дверью.

— Но как двигался, паршивец! — негромко фыркнул человек, оставшись в одиночестве, — Паршивец... хм...

И человек тихо рассмеялся неизвестно чему.

Разведённый на небольшой лесной полянке костёр отбрасывает вокруг оранжевые блики. Притихшая Лерда сидит на груде лапника у огня, по-степняцки скрестив ноги и опираясь на отставленные назад руки, щурится на пламя.

— О чём думаешь? — бесшумно выныриваю из зарослей на противоположном конце поляны.

— Что? — девушка вздрагивает. — Ты меня напугал!

— Извини, — подхожу к костру, перекидываю через плечо мокрую шевелюру. — Там озеро. Можешь умыться, если хочешь.

— А не холодно?

— На мой вкус не слишком.

— Хорошо. Там — это где?

— Прямо, не заблудишься.

Девчонка скрывается в кустах.

Стою у огня, механически перебирая волосы. Эх, ещё бы гребень... но, чего нет — того нет.

После купания на меня как всегда снизошло умиротворение. Не знаю, почему, но в воде мне всегда хорошо и спокойно. Возможно, дело в том, что мое появление на свет неразрывно с ней связано. Или в том, что люди там попадают как-то реже... Так что я теперь могу перестать злиться на весь мир и начать строить планы на будущее. Хотя злиться есть на что: в комнате постоянного двора остались почти все мои вещи. Сменная одежда, книги, меч... Наверняка теперь какому-нибудь стражнику достанется! Или Гармелю — могу поспорить, именно он и рассказал, где нас искать, мог подслушать, когда за завтраком обсуждали. О запасе целебных трав и разных полезных мелочах вроде гребня или письменных принадлежностей вообще молчу! Хорошо хотя бы шкатулка с побрякушками в кармане куртки сохранилась.

Ладно, ищем хорошие стороны. Деньги есть, о покупке всего нужного можно не беспокоиться. Не в пределах астая Сэлис, разумеется. Однако завтра вечером мы, если поторопимся, будем уже на территории городка, принадлежащего астаю Ашшиан. Там можно обо всём и позаботиться, благо законы одного астая на территорию другого распространяются с изрядным скрипом. А оттуда... а оттуда в Шенгреил! С тамошним астаем у меня весьма тёплые отношения, можно будет Лерду пристроить, да и просто пожить, пока с планами на будущее не определюсь. Эх, такие были перспективы в северных царствах! Там, говорят, пророк новый объявился, требует обратить в веру Трои́х всех вокруг. Как ни странно, пользуется популярностью. Чует моё сердце, надо на него посмотреть поближе и разобраться что к чему. Ладно, успею ещё. Зато теперь у меня есть очень симпатичная подопечная, о которой можно заботиться в своё удовольствие! Сомнительное приобретение, если честно. Жаль, вариант со знахаркой не прошёл. Тащить теперь эту обузу через пол Альянса! Впрочем, всё это мелочи.

Я смотрю на сплетающиеся языки пламени. Строчки складываются легко, нанизываются как бусинки на шнур. Шепчу только для себя, костра и леса:

— Выжить и жить, взлететь, не упасть,

Суметь удержаться на лезвии слова,

Тропою эпохи сквозь тысячелетнюю грязь,

Потом по стерне да по иглам сосновым.

До первой звезды, что так далека,
И не было вести, что кто-то добрался,
Но в день, когда нас утащила с собою река,
Мы сделали частью всемирного братства.

Странники...8

— О чём задумался? — Лерда, мокрая, дрожащая и довольная, ступает в освещённый костром круг, разрывая плетение слов. Впрочем... скорее придавая им завершённую. Да, так лучше. Не все истории следует рассказывать до конца.

— Ни о чём, — слегка поворачивая к ней голову — Сушись, давай, а то простудишься. Для людей ещё слишком холодно, особенно по ночам.

— Угу, — Лерда опускается рядом со мной на корточки, из расстёгнутого ворота рубашки выскальзывает крупный голубой кристалл на серебряной цепочке.

— Что это у тебя?

— Где? — проследив направление моего взгляда, девушка, чуть покраснев, проворно прячет кулон и застёгивается на все пуговицы. — Память от мамы, она говорила, что он беду отводит. Но только его никому постороннему показывать нельзя.

— Понятно.

Подобные побрякушки часто носят в северных царствах. Неогранённый кристалл из друзы, в простой оправе. По поверьям тамошних народов удача любит тех, кто носит необработанный человеческими руками драгоценный камень. Чистейшей воды суеверие, разумеется.

— Мори, можно личный вопрос? — подняла голову Лерда.

— Ну?

— А у тебя жена или возлюбленная есть?

— Нет. — Сейчас, по крайней мере. — А что?

— Да так. Ты красивый.

— М-м-м? — хм, забавно. Каноны прекрасного у смертных не перестают меня удивлять!

— Правда, красивый. Это из-за эльфийской крови?

— Отчасти. Ты ещё мало что понимаешь в красоте.

— То есть?

— Смотреть не умеешь. Я, если честно, создание довольно-таки страшное.

— Это потому что нечёсаный! — довольное хихиканье, — А так вполне симпатичный!

Фыркаю, не снисходя до ответа. Странно, но эта заноза сейчас раздражает меня немного меньше. Дурочка, конечно, но забавная. И безобидная, в отличие от многих её соплеменников.

...Леренва давно спит на груди еловых веток, завернувшись в мой плащ и подстелив конскую попону. Я же всё сижу у костра, задумчиво глядя на пламя. Девушка, сама не подозревая, разбредила старую рану. Красота... да что она в ней понимает! Красив лишь тот, кто талантлив. Только тот, кто создает красоту, может применять это определение к себе. Все остальные могут быть разве что привлекательны.

Красота и гармония — основы этого мира. Каждый раз, привнося в мир красоту, создавая что-то истинно красивое, творец наполняет его силой. Совершенством может стать как великолепной работы статуя, так и вылепленная с душой чашка. Даже не обязательно что-то материальное, может быть и с чувством исполненная песня, и прекрасный танец, и даже выращенный в любви ребёнок. Собственно, дело не в результате. Дело в самом акте созидания. Творчество, вдохновение... всё это основа той красоты, что врачует раны нашего мира. А любое проявление злобы, ненависти, бессмысленного разрушения ранит его, искажает и иссушает.

Магия в этом смысле наиболее опасна. “Собирая магическую силу стихий”, маги рвут нити, составляющие ткань мироздания. А разорванная нить куда хуже спутанной. Её можно связать вновь, но восстановить полностью практически невозможно. Как только смертные узнали магию, мир сдвинулся с точки равновесия. Когда-то ещё существовал народ тех, кто понимал это и мог исправлять прорехи в Полотне. Но теперешний мир всё быстрее идет к хаосу. Это мало кто замечает. Частые стихийные бедствия, вымирание целых видов животных, всё большая чёрствость и нетерпимость друг к другу... Я боюсь знать, чем это закончится. Но не думать об этом не могу.

Недвижно сижу, глядя на огонь, пока небо на востоке не начинает светлеть.

Кири — мелкий городок на границе астая Ашшиан — встретил нас собачьим лаем и привычной человеческой суетой. Приличная гостиница в нем, по счастью, имелась, первый же встречный без проблем объяснил к ней дорогу. Красивое трёхэтажное здание стояло почти на краю города, окружённое запущенным садом, раньше оно явно было загородным имением кого-то богатого и высокородного, но у его наследников, видно, дела пошли не слишком хорошо, вынудив либо продать особняк, либо лично переоборудовать его для приёма постояльцев. Свободные покои нашлись на верхнем этаже — две почти одинаковые смежные комнатки, когда-то явно предназначавшиеся для особо доверенных слуг. Скромная, почти одинаковая обстановка: кровать, стол и по паре старых, вытертых кресел, за окнами — высокие развесистые липы.

Оставив Лерду обедать и обустроиваться, отправляюсь за покупками. Часть лавок в такое время, разумеется, уже закрыта. Стоило бы, наверное, дожидаться утра, но ещё сутки без гребня я точно не выдержу. Что ж, будем довольствоваться тем, что осталось.

Самое главное, конечно, меч и вторая лошадь, но вот на них-то как раз придётся сэкономить. Лошадь мне сейчас не по средствам, денег хватит разве что на крестьянского одра не первой молодости, и то если как следует поторговаться. Приличный клинок тоже немало стоит, да и не найдёшь в такой дыре ничего достойного, а покупать абы что, только для вида, не в моих правилах. Ладно, кинжалами обойдусь, они у меня достаточно длинные для боя.

Примерно через полтора часа имеющаяся у меня сумма уменьшается больше чем на треть, зато мы с Леренвой наконец-то имеем всё необходимое для дальней дороги с постоянными ночёвками под открытым небом. Запас продуктов, овёс для Мрака, котелок, фляга, тёплые одеяла, сменная одежда, бельё и носки, разные бытовые мелочи вроде иголки с нитками и гребня... в портновской лавке удалось найти штаны и куртку, вполне подходящие для Лерды и тёплый плащ с меховой подкладкой. Весна, ночи холодные. Заодно

пришлось купить пару вместительных сумок, чтобы уложить всё это добро. Мне бы и одной хватило, при кочевой жизни привыкаешь довольствоваться малым, но вряд ли моя подопечная сможет выжить при одноразовом питании и ночёвках почти что на голой земле. Небольшая роскошь — десяток листов хорошей бумаги и рильда — угольный стерженёк, обернутый полоской плотной вощёной ткани. Не терплю ситуации, когда срочно требуется что-то написать, а необходимых для этого вещей под рукой нет.

Долго присматриваюсь к лавочке травника, прежде чем войти. К счастью, там есть всё, что мне нужно. И даже то, без чего вполне можно было бы обойтись, но рисковать не хочется. Пергаментный свёрток отправляется на самое дно одной из сумок. Ссыпав «ракушки» сдачи в карман, выхожу из лавки.

Так, теперь обратно в гостиницу, спихнуть вещи Лерде, пускай разбирает, привести себя в порядок и завалиться спать. Нет, даже Спа-а-ать! Отсутствие сна вредно для здоровья и настроения, а потраченную на размышления ночь надо навёрстывать. В Бездну всё! До утра меня не трогать.

Радужным мечтам не суждено было сбыться. Нет, вплоть до пункта «спать» всё идёт точно по плану, вот только в полной мере насладиться покоем мне так и не удаётся.

— М-м-м... Лерда, отстань... Какой ужин?... Да пошёл он... и ты вместе с ним... Эй, ты что творишь?!

— Проснулся? — радуется девушка, прекратив стягивать с меня одеяло. — Вставай скорее, пока еда не остыла.

— Леренва, ты палач! — попытка отвернуться и снова заснуть была пресечена в зародыше. Некоторое время мы увлечённо перетягиваем несчастное одеяло. Пегий гостиничный кот, прикорнувший у меня в ногах, с возмущённым мявом слетает с кровати и, задрав хвост, гордо удаляется под стол.

— Тебе нужно поесть, ты же сегодня даже не завтракал!

— Что, нельзя было до утра подождать?

— Ну, я же не знала, что ты спишь. — Могла хотя бы сделать вид, что сожалеет! — А когда принесла, поздно было. Так ты встаёшь?

Из стоящей на столе миски доносился упоительный запах, мой желудок деликатным бурчанием намекает, что Лерда в чём-то права.

— А что мне ещё делать? Отвернись, ребёнок.

— Ой! — Лерда, кажется, только сейчас понимает, что, продолжи она номер с одеялом, её ожидало бы весьма волнующее зрелище. Смущённо отворачивается и даже закрывает глаза ладошками.

Пока я ем, Лерда сидит напротив, наблюдая за мной с выражением то ли добросовестной няньки, то ли тюремного надзирателя. Видимо, девушка почему-то решила, будто я нуждаюсь в уходе и усиленном питании.

— А ты?

— А я уже. Ты ешь, ешь, не отвлекайся. Я тут подумала — тебе определённо не хватает женского присмотра. Бродишь Трое знают где, спишь на земле, питаешься как попало. Очень вредно, между прочим! Да и мало ли какая тебе помощь может понадобиться в случае чего.

Кусочек хлеба попадает мне не в то горло. Прокашлявшись и отдышавшись, поднимаю

на девицу ошалелые глаза.

— Дитя моё, ты здорова?

— Я давным-давно не дитя! — угу, полгода, максимум, если я правильно помню человеческие обычаи. — Тем более не твоё. И я тут подумала... ну и решила стать твоей спутницей.

— Чего? — Богиня, опять ваши шуточки?!

— Буду сопровождать тебя в странствиях, стирать-зашивать-готовить, ну и всякое такое...

Ничего себе! Только этого не хватало! И так проблем по макушку.

— А моё мнение ты спросить не хочешь? Мы знакомы третий день!

— Но я же не прошу тебя взять меня в жёны!

Ну да, если это не брачное предложение, то я ничего в жизни не понимаю.

— Угу, ты мне в них нагло навязываешься.

— Я уже взрослая и в праве сама выбирать свою дорогу! — вздёргивает и без того курносый нос моя конопатая проблема.

— Ну и выбирай себе, а с моей уйди, пока цела! Ты думаешь, мне так нужна малолетняя обуза на шее? Приезжаем к астаэ ас'Шенгреил, я сдаю тебя ему с рук на руки, и пути наши расходятся! Я тебя спас, в судьбе твоей поучаствовал, и хватит!

— Вот именно, ты меня спас, значит, я перед тобой в долгу! И буду теперь расплачиваться.

— Может, ещё постель мне согреть предложишь?

— Если ты захочешь... — по её щекам стремительно расплзается краска, заливая лоб, нос, даже, кажется, шею.

— Дура, — кажется, голос в этот момент у меня на редкость выразительный. Во всяком случае, заготовленный ответ она так и не произносит. Вздёргивает голову, уголки сжатых губ предательски дрожат. — Соплюха малолетняя!

Лерда всхлипывает и выбегает из комнаты, громко хлопнув дверью. Венок из заговорённых трав, по поверью берегущих дом от несчастья, с шорохом падает с косяка и рассыпается на части. “Не к добру” — приходит почему-то в голову. С тоской кошусь на почти нетронутый ужин. Аппетит пропал.

Раздражения мне хватает на три скормленных коту куска жаркого. Принципа — еще примерно на полтора. Потом приходится ставить тарелку на пол, брать куртку и идти на поиски этого ходячего недоразумения. Кот провожает меня благодарным взглядом поверх края тарелки.

Лерда в одиночестве сидит на перилах выходящей в сад террасы и тихо всхлипывает. Вокруг ни души — время позднее, все спят давно. Тёмный силуэт на фоне ночи, только волосы светятся, почти белые среди темноты. Красиво.

— Эй! — подхожу поближе. — Ну, перестань. Ты погорячилась, я погорячился...

— Уходи, — она неподкупно отворачивается.

— Прости, я был не прав. Ты говорила от чистого сердца, я не должен был так реагировать.

— Уходи!

— Куртку хотя бы возьми, замёрзнешь, — оборачиваю её плечи своей курткой. Девушка вдруг порывисто обхватывает меня за шею, утыкается в грудь горячим мокрым лицом. Ревёт самозабвенно, как ребенок. Да она и есть ребёнок, что бы там человеческие обычаи не

утверждали.

— Ну, прости, прости старого дурака, — неловко глажу её по растрёпанным волосам. — Не плачь. Завтра мы всё обдумаем и вместе решим, что нам делать.

— Я уже решила. — Лерда шмыгает носом. — Я с тобой.

— Послушай...

— Нет, — девушка ещё крепче обхватывает меня за шею, прижимается всем телом. — Понимаешь, у меня никогда никого не было. Только мама. Она была потомком ученика Звёздных, служила у одного мага. Тот был добр ко мне, но только потому, что мама была ему нужна. Говорил, что я буду её преемницей. А когда она умерла, просто взял и выставил меня на улицу. Сказал, что я бесполезна... что я не унаследовала нужной крови и не могу послужить его исследованиям. И с тех пор никто-никто ко мне хорошо не относился! Во внешнем мире все такие злые! Ищут выгоду... Им всем что-то нужно. Деньги, служба, моё тело... А я так не могу. Не хочу! А ты... ты другой. Ты помог мне и ничего не требуешь взамен. У тебя из-за меня неприятности, а ты всё равно заботишься обо мне... Я с тобой.

— Я подумала. — Она вздохнула. — Давай так, до Шенгреила мы ничего не решаем. Если в дороге ты себя хорошо проявишь — останешься со мной.

— Мори, спасибо! — девчонка поднимает на меня сияющие мокрые глаза.

— Пока не за что, — легонько целую её в лоб. — А теперь быстро в свою комнату! Умоешься и ляжешь спать. Завтра с утра в дорогу.

— Ага! — Лерда широко улыбается, утвердительно встряхивает растрепавшимися косичками и уносится исполнять приказание. А мне ещё нужно всё спокойно обдумать.

Усаживаюсь на освободившиеся перила, свешиваю ноги наружу. Нет, пристраивать эту обузу мне в любом случае придётся. Вот только выходит — не такая она простушка, как казалось. Мать — одарённая Звёздами, говорите? Что ж, теперь понятно, откуда у её дочери способности к ясновиденью.

Давным-давно, когда встретить Дитя Звезды можно было совершенно свободно, множество смертных шло учиться у них. Разным вещам. Тесное общение со Звёздными до конца раскрывало все способности. Превращало склонность в талант, гениальность, искру настолько яркую, что она передавалась по наследству. В мире до сих пор множество семей потомственных поэтов и музыкантов... или даже пекарей и гончаров. Не важно, что ты творишь, главное, что ты создаёшь совершенство. Только на них теперь и держится этот мир.

Но есть одно условие, о котором многие забывают. Ничто не даётся навсегда. Если ты отказался от своего таланта, перестал его использовать, он уходит. Нет, не от тебя, хотя это было бы, пожалуй, более справедливо. Из твоей крови. Никто из твоих наследников больше не сможет слагать переворачивающие душу стихи или ковать мечи, способные сравниться с легендарным оружием богов. В ближайших потомках ещё могут быть вспышки чудесного, вроде той же, совершенно бесполезной в отрыве от прочего, способности к ясновиденью, но это лишь агония. Звёздная искра гаснет навсегда.

Но какому магу могли понадобиться эти способности, да и зачем? А главное, не связаны ли эти исследования с самими Звёздными? Мало информации. Непременно расспрошу Лерду в ближайшие дни!

На этом месте мои размышления самым наглым образом прерывают. Наглый образ имеет вид арбалетного болта, пущенного из зарослей, и впивается в столб, к которому ещё миг назад прижималась моя голова. К счастью, жизнь закрепила у меня несколько весьма полезных привычек. В частности — обыкновение падать, едва заслышав щелчок

сработавшей тетивы.

На ноги поднимаюсь уже откатившись за ближайшее дерево. Осторожно выглядываю из-за липы. Зря — в ствол тут же впивается ещё один болт. Меткий, с-с-скотина! Что-то слишком быстро, перезарядить арбалет за такое короткое время невозможно. Значит, двух, а то и трёхзарядная игрушка. Вряд ли в тех кустах найдется место для двух арбалетчиков.

Кому это я так мешаю? Такие штучки — излюбленный инвентарь наёмных убийц.

Да-да, я именно тебя имею в виду, думаешь не слышно, как ты нас с липой обойти пытаешься? Ещё и перезаряжаешь на ходу. Зря, всё равно не успеешь, а внимание рассеивается. Так, ещё пару шагов в ту же сторону, пожалуйста. Чудненько.

Красивым прыжком выскочив из своего укрытия, бросаюсь к нападавшему. После первой же пары шагов у самого лица выхватываю из воздуха третий болт. Как и предполагалось — последний. Отбрасываю его в сторону. Стрелок, уже не скрываясь, поднимается в полный рост и, отбросив бесполезный арбалет, выхватывает меч. Собственно, это всё, что он успевает сделать. Подныриваю под клинок, ударом по запястью перебивая человеку кости. До того, как выпавший из обмякшей руки меч касается земли, успеваю сломать стрелку вторую руку и сбить его с ног.

— Добрый вечер! — с достоинством устраиваюсь на груди нападавшего, вглядываюсь в искажённое болью лицо. Жаль, ночью мало что можно рассмотреть. Человек как человек, темноволосый и светлоглазый, с тяжеловатыми чертами лица — обычный житель южных астаев. — Побеседуем?

В ответ — невнятно-ругательное шипение.

— Что, простите? — Не мигая смотрю ему в глаза. Я знаю — мой взгляд способен выдержать очень немногие. Этот явно не из их числа.

На сей раз меня посылают дальше и чётче. Но в голосе, в голосе — страх и подступающая паника. Он уже почти сломался, осталось только чуть-чуть подтолкнуть.

— Зря. Я ведь могу и по-плохому, — не отпуская его взгляда, резко нажимаю на болевую точку на его плече. Человек дёргается. — Хотите, оставшиеся кости переломать?

— Не надо... я скажу. Я... — не договорив, он издаёт тихий протяжный хрип, на вмиг побелевших губах выступает пена.

Внезапно его мышцы начинают беспорядочно сокращаться, боль во взгляде сменяется пустотой. Кожа сереет, натягивается и вдруг лопается, слезает неровными клочьями. Плоть под нею словно растворяется, распадаясь на волокна. Отскакиваю в сторону, с ужасом наблюдая, как человек заживо разлагается, корчась на земле. И не только тело. Одежда, оружие... словно время для него ускорилося в сотни раз. Через несколько минут от убийцы остаётся лишь горстка праха. Нич-чего себе!

С болтами, оставшимися в дереве и столбе, произошло то же самое — оба рассыпались у меня в руках. Правда, мысль о них пришла мне в голову уже после всестороннего осмотра сада, так что, вполне возможно, это были просто магически обработанные стрелы, которыми пользуются некоторые наёмные убийцы, чтобы не оставлять следов. Такие штучки, насколько я знаю, могут начаровать даже маги-подмастерья. Вещица из чистой магии, рассыпающаяся через некоторое время после использования. Вот только таким образом можно сотворить предмет, и то только из какого-то одного материала, но никак не человека. Лазанье по окрестностям, кстати, ничего не дало. Путь незадачливого убийцы можно было проследить почти не напрягаясь. Стрелок был один, пришёл пешком от ближайшей дороги, перелез через чисто символическую изгородь и некоторое время неподвижно ждал в

зарослях одичавшей сирени.

Странно. Для того чтобы так впечатляюще замести следы, рядом должен был быть довольно сильный маг, причём именно тот, которому и служил наёмник. Можно, конечно, заранее наложить на исполнителя заклятье, срабатывающее при определённых условиях, но кем надо быть, чтобы добровольно пойти на подобное?9

Ещё раз не спеша обхожу “поле боя”. Принюхиваюсь, слушаю воздух, травы, почву... Ничего. Не было здесь мага. Странно.

Лерда неожиданно обнаруживается в моей комнате. Сначала меня чуть не сбивает с ног выбежавший из комнаты кот, а потом на глаза попадает несносная девчонка. Сидит в темноте на кровати, судорожно сцепив лежащие на коленях руки, смотрит в пол. Выглядывающий из расстёгнутого воротника рубашки кулон поблёскивает в лунном свете.

— Ты чего здесь делаешь?

— Мори! — девушка вскидывает на меня встревоженные глаза. Щурится, пытаюсь лучше разглядеть. — С тобой всё в порядке?

— Конечно. А что случилось?

— Не знаю, — она разжимает руки и садится ровнее. — Я вдруг почувствовала, что тебе угрожает опасность! Я пришла, а тебя нет...

Бесполезная всё-таки вещь — этот ясновидческий дар. И в жизни не помогает, и спать спокойно не даёт!

— Всё хорошо. Тебе показалось, — подхожу к ней, провожу кончиками пальцев по мягким кудряшкам распущенных на ночь волос. — Иди к себе.

Девушка нерешительно поднимается, но вдруг, пошатнувшись, оседает обратно.

— Голова закружилась. Переволновалась, наверное. Точно ничего плохого не случилось?

Отвожу глаза.

— Нет. Ты же сейчас ничего не чувствуешь?

— Нет, кажется... — девушка на мгновение задумывается. — Нет, сейчас всё спокойно. Мори, а можно я с тобой чуть-чуть побуду? Мне ещё страшно...

А сильный у неё дар, оказывается. Здорово перепугалась. Не стоит её сейчас одну оставлять, да и мне спокойнее будет.

— Лучше на ночь оставайся. — Лерда вспыхивает. — Плед мне только передай.

— А-а... Вот, возьми. — Мне показалось, или в её голосе лёгкое разочарование? — И отвернись, пожалуйста, на минутку.

— Угу. — Слышу, как она шуршит, складывая вещи на стуле, и торопливо влезает под одеяло. — Всё?

— Ага.

Выпутавшись из куртки и сапог, подхожу к стоящему в углу комнаты глубокому креслу. Сворачиваюсь в нём клубочком, укутываюсь в плед. Прикрываю глаза.

— Тихой ночи, Мори.

— Тихой ночи, Лерда.

Тепло... спокойствие... темнота.

...Сухой горячий воздух пахнет пылью, нагретым железом и совсем чуть-чуть ванилью. Солнечные лучи падают на утоптанную тренировочную площадку, от раскалённой земли

поднимется марево. Жарко. На мне лишь тонкие летние штаны чуть ниже колена, но всё равно жара почти нестерпима. Облизываю пересохшие губы. От одной мысли, что скоро придётся вставать и снова браться за осточертевший меч, начинает мутить. Жарко даже думать, не то, что шевелиться.

Запах ванили вдруг накатывает волной, затапливает восприятие, заставляя голову сладко закружиться. Шаги, как всегда, не слышны.

— Всё страдаешь? — в раздавшемся у самого уха мелодичном голосе поровну насмешки и сочувствия. Оборачиваюсь. — Вот, освежись.

Солнечные блики на серебристо-пепельных волосах, чашка воды в протянутых ладонях, чуть ехидная улыбка. Не могу не улыбнуться в ответ.

— Не веришь, что я стану воином? — делаю глоток. Прохладная свежесть с чуть заметным сладковатым привкусом. Блаженство.

— Не верю, — выражение густо синих, необычного разреза глаз непривычно серьёзно. — Знаю, что станешь. Не понимаю только, зачем это тебе?

— Лишних знаний не бывает! — беззаботно пожимаю плечами. — Мне просто интересно. Наиграюсь — ещё чего-нибудь придумаю.

— Смотри, не заиграйся. Можешь потерять что-то важное.

Молчим. Пахнет ванилью и солнцем...

— Мори, что с тобой? Сон плохой приснился? — совсем рядом обеспокоенное личико в ореоле всклокоченных светлых кудряшек. Маленькая тёплая ладошка сжимает моё плечо. — Ты стонал во сне.

— Ничего страшного, — дыши ровнее Орин, это всего лишь очередной сон. — Спи дальше, девочка.

— Ага... ой, а что у тебя с глазами?

— Соринка попала. Ложись.

Умопомрачительный запах свежей выпечки заставляет меня открыть глаза. Нахожу взглядом источник запаха: на столе гордо стоят кувшин молока, плочка с мёдом и висится горка маленьких круглых булочек в плетёной корзинке. Какое приятное начало дня! Кстати, а давно он начался?

Судя по всему — только недавно рассвело. Небо за окном переливается золотисто-розовым, окутывая сидящую на подоконнике Леренву сияющим ореолом.

— Доброе утро, Мори! — она проворно прыгает на пол, вызолоченные солнечными лучами косички качаются, словно маятники. Она уже причёсана и одета в лёгкую светло-зелёную рубашу с широкими рукавами, купленную вчера днём, и коричневую юбку с бахромой, ту же, что и в день нашей первой встречи. Из-под подола трогательно выглядывают маленькие ступни в вязаных чулках в красно-жёлтую полоску. — А я уже воду для умывания принесла, и на кухню за завтраком сбегала.

— Действительно доброе, — с удовольствием потягиваюсь, перевесившись через оба подлокотника. Выбираюсь из кресла. — Вообще-то тут слуги есть.

— Они же ничего не умеют! — машет рукой Лерда. — Помочь умыться?

— Сам справлюсь!

Кажется, моё вчерашнее необдуманное обещание она восприняла излишне серьёзно. Во всяком случае, полотенце подаёт с самым торжественным видом — с таким лицом священники форменный плащ рыцарю Храма подают сразу после ритуала посвящения. Неудивительно, что она в прислуге не задержалась — с такой-то исполнительностью!

К счастью, попытку помочь с причёской удаётся подавить одним строгим взглядом. Не с первой попытки у меня кое-как получается уложить волосы тяжёлым узлом на затылке. Коса мне, конечно, ближе, но если вспомнить кое-чью дурную привычку за неё хвататься...

Завтракаем вместе. И зачем, спрашивается, нужно было две комнаты снимать? Где-то на середине второй булочки вспоминаю свои вчерашние размышления и спрашиваю:

— Лерда, а расскажи о своей семье.

— Да нечего, в общем-то, рассказывать, — Леренва задумчиво отпивает из своей кружки. — Отца своего я не знаю, а мама у господина мага служила, сколько я себя помню. Я же вчера говорила.

Как она странно говорит об этом маге — со смесью страха и искренней почтительности. И до чего архаичное обращение — «господин». В астоях оно уже больше ста лет как не используется, пришедшее из церковного языка «таэ» куда короче и удобнее. Впрочем, маги часто не успевают за изменениями в мире.

— Я на маму очень похожа, только петь не умею. А вот у неё голос был замечательный! И песен она знала множество, в детстве, помню, каждый раз пела мне на ночь новую колыбельную.

— А откуда в ней та... необычность, ты не знаешь? — кажется, мне удалось спросить это достаточно небрежно.

— Мама часто об этом рассказывала. Можно сказать, это семейное предание, — она улыбается. — Все в нашей семье были менестрелями. Многие — довольно известными, бабушка в самой Аранне пела перед главой Церкви. Всё из-за того, что кого-то из моих прапрапра — не помню, в какой степени пра — бабушек обучал Звёздный. Я знаю, сейчас в них почти никто не верит... — девушка бросает на меня настороженный взгляд. Медлит, собираясь с мыслями: — Мама говорила, они некоторое время путешествовали вместе и пра... прабабушка переняла у него сверхъестественные музыкальные способности. Талант настолько яркий, что сразу выделил её и всех её потомков среди обыкновенных артистов. И даже какие-то магические способности, связанные с музыкой. Ну, или что-то в этом роде, мама никогда не называла свои песни магией. Я не знаю, в чём тут дело, говорят, что если смертный даже недолгое время общался со Звёздным, то в некоторых вещах уподоблялся ему. Ещё считают, что так и появлялись новые Дети Звезды.

— Это только одна из точек зрения, — «очень смешная». — И не слишком правдоподобная, скажу тебе по секрету.

— Так ты в них веришь?! — Лерда даже слегка подпрыгивает.

— Да, — невесело усмехаюсь. — Я раньше тоже интересовался всем, что с ними связано. Даже искал их.

— Здорово! — в её глазах незамутнённый детский восторг. — Мне в детстве так много о них рассказывали! Господин маг был ими просто одержим! У него целая библиотека собрана — всё, что про Звёздных когда-либо писали. Даже, вроде как, записи, оставленные ими. Он о них часто говорил, но никому не показывал. — Она вздыхает. — Но вот в чём именно была необычность моей мамы, я так и не поняла. Она пыталась объяснить, да всё без толку. Мама унаследовала это что-то от своей мамы, очень известной певицы. Сама петь не

захотела. Встретила господина мага, и тот взял её к себе в замок, его очень интересовали эти способности. Я не знаю, что они вместе делали, что он в ней изучал... Мама всегда говорила, что узнаю потом, когда вырасту. А выяснилось, что я этого таланта не унаследовала, вот и всё.

— Понятно. — Всё верно, не используемая по назначению одарённость почти никогда не выживает в потомках. Стоп. Если вспомнить средний срок человеческой жизни и памяти... — Сколько лет назад жила твоя пра...родительница? Та, которую Звёздный обучал.

— Не знаю. А зачем тебе?

— Да так, — мой голос не дрожит. — Любопытно. И как звали то Дитя Звезды, ты тоже не знаешь?

— Знаю — Ашиер. Мама рассказывала, что он, якобы, в благодарность за дар что-то потребовал от женщин моей семьи. Вот только никто уже не помнит, что именно.

Не забывать свою дорогу, только и всего. Иного у учеников не просят.

— Аш-ши-йе-э-эр... — пробую слово на вкус, чувствуя в нём треск пламени и шорох горячего песка. Смачиваю молоком пересохшие губы.

— Наверное, он был последним, — взгляд у Лерды мечтательный и грустный. — Как ты думаешь, куда они ушли?

— Я не знаю. Никому не ведомо, что с ними случилось, — начинаю слегка жалеть об этом разговоре.

— Жалко. Говорят, эльфы больше знали о них.

— Слухи. С эльфами они общались в той же мере, что и с другими смертными, — со стуком ставлю на стол пустую кружку. — Собери вещи, мы скоро отправляемся.

Заплутавшая среди холмов дорога легко ложится под копыта коня, отдохнувший Мрак без усилий несёт двоих всадников. Честно говоря, на эту зверюгу можно вчетвером влезть — не поморщится. Большую часть остановок приходится делать потому, что Лерда уставала, а не конь. Сейчас она привычно сидит за моей спиной и, ради разнообразия, тихо дремлет, уткнувшись лбом мне между лопаток.

За прошедшие два дня наши отношения немного выровнялись. К своим обязанностям Лерда всё ещё относилась излишне серьёзно, влезая с предложениями помощи порой в самые неподходящие моменты и занятия, но, надо признать, девочка старалась быть полезной. Мне даже её постоянная болтовня не так уж и надоедала. Впрочем, в последнее время Лерда трещала гораздо меньше. Да и вообще была на редкость тихой и вялой, явно не высыпаясь на лежаках из ветвей. Странно, в первую ночь спала, как убитая. Видимо волнения сказались.

Неудавшееся покушение продолжает занимать мои мысли. За последние десять лет у меня не случилось ни одного конфликта, настолько серьёзного, чтобы нанимать из-за него убийцу... да ещё и прятать следы с помощью магии! Разве что, та стычка в Сэлисе, но что-то не верится. Не того полёта птичка покойный, чтобы у его приятелей нашлись деньги на такую роскошь, как квалифицированный наёмник. С другой стороны, вдруг убийца охотился как раз не за мной, а за Леренвой? Может, моё появление просто расстроило его планы, и он решил уничтожить заодно и неожиданную помеху? Прошное у девушки, как ни крути,

интересное, она вполне могла кому-нибудь помешать. Хотя бы тому же «господину магу», который вполне мог неожиданно вспомнить, что бывшая воспитанница знает что-то исключительно важное.

— Лерда? — слегка дёргаю плечом. — Лерда, проснись!

— Ммм? — девчонка вчера до поздней ночи сидела у костра и зашивала мою порванную куртку, огрызаясь на попытки уложить её спать, так что теперь просто засыпает на ходу. Мне этим её полусонным состоянием удалось грязно воспользоваться, уговорив-таки упрямыцу переодеться в штаны. Правда, в качестве аргумента пришлось совершенно случайно уронить в костер её единственную юбку, зато протестов, в виду Лердиного состояния, практически не последовало. Кажется, она даже сочла происходящее очередным сном.

— Лерда, а твой... господин тебе никогда своих секретов не рассказывал?

— Неа-а-ахм, — девушка выразительно зевает.

— Быть может, ты видела что-то из его опытов, или в его лабораторию заходила?

— Нет, конечно, ты что! — Лерда, наконец, более-менее просыпается. — Это же запрещено!

Что-то не верится мне, что детское любопытство можно ограничить простым запретом. Впрочем, смотря как запрещать. Ладно, пойдём с другого конца. Колдунов, тем более, настолько могущественных, чтобы жить отдельно, а не болтаться при правителях, не так много. Если этот маг достаточно стар и известен, в архиве каждого астаэ должны храниться сведения о нём. Возраст, биография, специализация и тому подобное. В Шенгреиле можно узнать, мне не откажут. Араннский Церковный Архив, конечно, предпочтительнее, но будем довольствоваться тем, что есть. Имя мага не составит труда выяснить у Лерды.

Главное только одну её теперь не оставлять. Мало ли что.

— Мори, а почему ты спрашиваешь? — неожиданно спрашивает она.

— Да так, просто интересно. Ты, кстати, не засыпай, скоро к столице подъедем.

— Хорошо. Ой, так мы туда всё-таки заглянем?

— Угу. Мне купить кое-что нужно, — мои финансы уже довольно сильно истаяли, но на пару бутылок знаменитого Ашшианского цветочного вина должно хватить без проблем. — Там и заночуем.

— Здорово! — искренне радуется окончанию походных мучений Лерда.

Дорога, наконец, обогнула очередную возвышенность. Лерда выглянула из-за моего плеча и восторженно ахнула.

Город Ашшиан, столица астая Ашшиан, покоится в центре круглой равнины словно пирожное на блюде. Сходство усиливают знаменитые белокаменные здания, издали напоминающие кремовые розочки и высокие шпили густо отделанного цветным стеклом, словно сахаром посыпанного, дворца астаэ.

Солнечные лучи отражаются от белого мрамора, окутывают город золотистой дымкой. Хрупкая, воздушная красота, изысканное лакомство для взора.

— Как красиво! — благоговейно шепчет за моей спиной Лерда. — Там что, все дома каменные?

— Лет семьдесят назад город был почти уничтожен большим пожаром. И тогдашний астаэ, чтобы это не повторилось, запретил строить в столице дома из дерева. А белый мрамор здесь неподалёку добывают, так что стоит он недорого. Это в другие государства его

поставляют чуть ли не на вес серебра.

— Мори! Я ему про красоту!..

— А я — про историю. Тоже вещь хорошая!

— Мори!

Слегка усмехаюсь. Какая же она забавная, когда злится! Шипит как рассерженный котёнок.

Ашшиан — один из богатейших астаев, и будь законы Церкви чуть менее строги, его астаэ давно стал бы во главе всех здешних земель.

Несколько столетий назад на месте Альянса была обычная кучка вечно грызущихся друг с другом небольших государств. Разве что верили все в одно и то же, да только воевали с соседями вопреки главному завету Трёх Братьев — «Не сотвори зла ближнему твоему». Обещанное убийцам новое рождение в землях демонов, ледяной Бездне Нижнего Мира отчего-то никого особенно не пугало. И всё бы так и шло, если бы святым отцам вечные раздоры в конце концов не надоели. А церковь в здешних местах испокон веков была весьма и весьма могущественна. Бывший в то время её главой Святой Проводник Искерий на мелочи не разменивался — отлучил под каким-то предлогом ВСЕХ правителей будущего Альянса Астэ от церкви. А их воинам заранее намекнул на то, что в Аранне — главном церковном городе — им всегда будут рады, если те, разумеется, отрекутся от безбожников. Пропаганда была развёрнута настолько умело, что я до сих пор восхищаюсь. Дезертиры из правительских отрядов повалили толпами. В общем, когда владыки спохватились, Искерий уже был обладателем крупнейшей армии по эту сторону Белых гор. Самые благоразумные предпочли покаяться и договориться, наиболее упёртых показательно вырезали «во славу Трои». С тех пор границы каждого астаэ твёрдо установлены и отмечены, астаэ не могут содержать армии, кроме городской стражи и личной охраны со строго оговорённым числом воинов, десятая часть всех доходов идет в Аранну. А к каждому правителю приставлен благочестивый советник, по одному слову которого этого самого правителя могут вежливо попросить оставить пост. Или невежливо потребовать, когда как. Потому как у Святого Проводника в Аранне армия-то как раз есть и немаленькая — Рыцари Храма известны своей верностью и стойкостью в бою далеко за пределами Астэ. Именно эти воины, помимо всего прочего, патрулируют внешние границы Альянса. Во всём остальном астаэ остались независимы, каждый астаэ может устанавливать на своей земле собственные законы, определять (в пределах разумного, конечно) политику в отношении соседей, а также взимать налоги и пошлины, но при этом глава Церкви имеет право оспорить любое его решение. Такая вот подконтрольная свобода. Лично по мне — так даже лучше.

Продолжая тихонько посмеиваться, направляю Мрака в сторону города. Подумать только, почти добрались!

Ворота столицы Ашшиана мы проехали около полудня. Заплатили пошлину, непривычно небольшую. Ещё один приятный момент в моей теперешней безоружности — за разрешение носить меч в пределах города платить не приходится. Я, честно говоря, не совсем понимаю, почему лезвие меньше двух с половиной пядей в длину считается у ашшианцев менее опасным, чем какой-нибудь ростовой двуручник, но мне такой подход определённо выгоден.

В астае Ашшиан, на счастье, к эльфам и полуэльфам всё ещё относятся куда спокойнее, чем в Сэлисе, так что на меня никто не косится.

Сидящая за моей спиной Лерда непрестанно вертит головой, беззастенчиво разглядывая изукрашенные барельефами дома. И куда сонливость подевалась?

После памятного пожара, уничтожившего две трети города, каждый более-менее состоятельный горожанин счёл своим долгом не просто выстроить дом из камня, но и облицевать его знаменитым ашшианским мрамором. А так как просто полированный мрамор на редкость однообразен, профессия резчика по камню вскоре стала одной из самых востребованных в городе. На домах знатных семейств иной раз можно всю историю рода прочесть.

— Ой, Мори, а что это? — девушка указывает на высокое белоснежное здание, возвышающееся над городом почти вровень с дворцом астаэ. С такого расстояния оно кажется абсолютно гладким, не украшенным ни малейшим резным узором. И, насколько мне известно, таковым и является.

— Башня магов. Ашшиан — магическая столица Альянса Астэ. Они здесь собираются для совещаний, обсуждают открытия, испытывают новичков...

— Ух ты! Так вот она какая! Красиво, правда?

— Недурно.

— А говорят, там Источник есть! И взглянуть на него можно любому желающему. Бесплатно! Вот бы посмотреть!

— Ничего интересного.

— Так значит, ты его видел?

— Давно. — Вру. Впрочем, по своей сути Источники мало чем различаются.

— Здорово! А какой он?

— Я же говорю — ничего особенного. Родник как родник.

— Неправда, Магический Источник не может быть просто родником! Это же такая редкость! Столь важная вещь должна и выглядеть как-то особенно, ни на что не похоже... Наверняка это самый красивый в мире родник! — у этой девушки просто талант поднимать неприятные темы. — Я хочу на него посмотреть! Можно?

— У нас нет времени на глупости.

— Мори, пожалуйста!

— Я сказал — нет. — Из последних сил сдерживаюсь, чтобы не наорать на идиотку.

— Ну Мо-ори! Ненадолго! Только глянем и...

— Мы. Не. Будем. На. Него. Смотреть.

— Давай тогда я сама сбегаю? А ты можешь своими делами заниматься.

Искушение махнуть рукой и согласиться очень велико. В конце концов, попадёт в неприятности — путь сама и выкручивается.

— Нет. — Выкрутится она, как же! Орин, кого ты обманываешь?

Лерда обиженно замолкает. Дура. Сжимаю в кулаке поводья, чтобы скрыть дрожь пальцев. Слепая смертная дура. Она будет пищать от восторга, не понимая, что именно видит.

Так называемый Магический Источник мне пришлось лицезреть лишь однажды. На всю жизнь хватило. Сложно передать словами весь тот ужас и отвращение. Мне как-то довелось видеть брошенного в трущобах новорожденного ребёнка, заживо обглоданного крысами. Почти лишённое кожи окровавленное тельце, безглазое личико с висящей лохмотьями

плотью, наполовину состоящие из голых костей ручки и ножки, которые ещё шевелились... Ощущения тогда были примерно схожими. Ужас, жалость, негодование... и мерзкое знание — помочь ты уже не сможешь.

Источник — это разрушаемая изнутри красота с вырванными кусками. Узел ткани мироздания, который мог бы воплотиться в одно из самых прекрасных явлений этого мира, а вынужден служить пищей пустым амбициям смертных магов. Жутко и омерзительно. Именно за это я и ненавижу магию.

Отгнав неприятные мысли, уверенно направляю Мрака по знакомому маршруту. Заблудиться в столице Ашшиана сложно. Тогда, семьдесят лет назад, его почти целиком застраивали по проекту придворного архитектора. На картах город похож на огромную паутину с расходящимися от дворца астайе лучами проспектов и соединяющими их кольцами улиц. Если потерялся — просто иди по лучу. А я, к тому же, ещё и заезжаю сюда регулярно, так что знаю город как свои десять пальцев.

— Лерда, взбодрись! Приехали.

— Угу, — опять заснула! Ну что за существо?

— Не угадай, а смотри. Вот здесь мы и остановимся, — указываю на массивное двухэтажное здание трактира. — Тут, между прочим, готовят самые восхитительные медовые пирожные по эту сторону пустыни.

— Угу, — девушка определённо не собиралась просыпаться до конца.

Подъехав к зданию, слезаю с коня и снимаю с седла Лерду. Та тотчас настраивается подремать стоя. Подхватываю сумки, передаю повод подошедшему слуге, и, подцепив под локоть сонную спутницу, направляюсь к дверям. Затылком чувствую, как Мрак недоуменно глядит мне вслед, удивляясь, с чего это вдруг любимый хозяин не стал лично провожать его на конюшню. Ох, чую, устроит он мне за такое!

Мы чинно, под руку, вошли в гостеприимно распахнутую дверь. С моего прошлого визита просторное помещение почти ничем не изменилось: та же идеальная чистота, тяжёлая добротная мебель, яркие лоскутные коврики по стенам, какие можно было найти в домах жителей астаев ещё до образования Альянса. В семье Тиайне вообще не любят перемены в устоявшемся жизненном укладе. Впрочем, нет, кое-что за время моего отсутствия поменялось — три каштановые косы вышедшей нам навстречу хозяйской дочери теперь стянуты в одну, как и полагается замужней женщине. Нахожу глазами незнакомого высокого парня, чинящего расшатанный стол в дальнем углу. Чуть улыбаюсь.

— Здравствуйте, таэ Орин, — молодая женщина с достоинством поклонилась. — Здравствуйте, таэ! Рада видеть вас в «Золотой рыбке»

— Здравствуй, Дорена, — кланяюсь в ответ. — Мои поздравления.

Киваю на её причёску. Женщина улыбается и чуть заметно краснеет.

— Благодарствую. Надолго к нам?

— До завтра. Вели приготовить две комнаты.

— Ваша обычная как раз свободна. А та, что напротив вполне подойдёт для таэ. Располагайтесь, я сейчас распорядюсь насчёт воды, — она махнула одной из служанок. — Обед наверх подать?

— Не стоит, мы спустимся. Как родители?

— Всё хорошо, к родне уехали вместе с сестрой. Так что мы с Лайром одни пока всем заправляем. Ох, вы же не знакомы! Лайр!

— Потом, потом! — смеюсь. — Не стоит его отрывать.

— Но позже я вас обязательно познакомлю, — обещает она, широко улыбаясь, — Поднимайтесь, там всё уже должно быть готово.

Некоторое время спустя мы со слегка взбодрившейся Лердой сидим в общей зале и увлечённо обедаем. Готовят в «Золотой рыбке» действительно выше всяческих похвал.

— А ты здесь часто останавливаешься? — интересуется Лерда, беря очередное пирожное с поставленного в центр стола блюда. Кажется, это уже четвёртое. Ест она на удивление аккуратно, даже в липком креме не перемазалась.

— Каждый раз как приезжаю в город. Мне здесь рады.

— Заметно. И давно вы знакомы? — неуёмное любопытство этого создания никаким недосыпанием не изменить.

— С кем конкретно? С Дореной — с её рождения, а вообще в семье Тиайне меня три последних поколения знают.

— Да ну? — Лерда округляет сонные глаза. — Сколько ж тебе лет, Мори?

— Много, разумеется, — смеюсь. — Я же полуэльф! Значит так, сейчас я уйду по своим делам, буду часа через два. Ты всё это время тихо отсыпашешься в своей комнате, на улицу не выходишь и в разговоры ни с кем, кроме Дорены и её мужа, не вступаешь. А как вернусь, можем, если хочешь, ближе к ночи по городу погулять. Ашшиан завораживающе красив после заката. Всё ясно?

— Угу. А Источник посмотрим?

— Нет, — ещё минута и в моём голосе начнёт слышаться рычание.

— Ну Мо-о-ори-и!

— Всё, я пошёл, — встаю из-за стола.

Лерда разочарованно вздыхает, но настаивать не решается. И даже в компанию ко мне, как ни странно, набиваться не спешит.

Смутная тревога снедает меня всю дорогу до трактира. Казалось бы, о чём переживать? В висящей на плече сумке тихонько булькают две бутылки очень хорошего Ашшианского вина стоимостью в десять нефритовых каждая, так что с въездом в Шенгреил проблем не намечается. Не то чтобы это обязательно, но явиться в гости без подарка Соране мне совесть не позволяет. Денег, правда, почти не осталось, но это мелочи. Ещё четыре-пять дней и можно будет решить хотя бы часть насущных проблем. Красота! Но дурное предчувствие не даёт покоя. Была когда-то у людей поговорка про то, что, если удача тебя за что-то невлюбила, так просто её недовольство не прекращается. Странно звучит, но рациональное зерно в этом есть. Если тебе хронически не везёт, глупо надеяться, что неожиданный просвет не таит в себе какой-нибудь скрытой пакости.

В трактире меня встречает обычная суета — «Золотая рыбка» готовится к вечернему наплыву посетителей. Кухня семьи Тиайне на весь город славится, так что заведение, ясное дело, пользуется популярностью. Цены, разумеется, порядочные, но посетителей это не останавливает. Хорошо, что Тиайне ещё помнят, кому обязаны счастьем спокойной жизни, а потому я всегда могу рассчитывать на существенные скидки. С дедом Дорены, Тармином Тиайне, мы были знакомы задолго до открытия «Золотой рыбки», вместе служили у одного

купца. Он помощником, я личным телохранителем. Тармин, накопив денег, открыл трактир, тогда ещё куда как менее элитный. Несколько лет спустя у него возникли трения кое с кем из местных любителей вымогать деньги из честных трактирщиков, а городская стража помогать отказалась. Тармин тогда мне и написал. Пришлось приехать и разрешить конфликт. Раз и навсегда для всей семьи и потомков — пригодились старые связи. Когда долго живёшь и много путешествуешь, невольно обрастаешь такими вот привязанностями-долгами-друзьями. В разных странах, по разным причинам... В большинстве крупных городов мне есть, куда пойти.

Перекинувшись парой слов с молодым супругом Дорены, действительно очень достойным юношей, поднимаюсь наверх. Интересно, Лерда ещё не проснулась?

Закинув сумку в свою комнату, подхожу к соседней двери. На деликатный стук девушка не отвечает. Спит? Стучусь сильнее.

— Вы таэс Леренву ищите? — интересуется подошедшая Дорена. Откидывает косу за спину, коротко поблёскивают прозрачные зеленоватые камешки в ушах. — Так она пошла куда-то.

— Давно?!

— Сразу после вашего ухода. Куда, не сказала.

Богиня, дохлого дикобраза вам в любовники, вы специально?!

— Да чтоб ты! — за пару мгновений пронёсшись по коридору и одним длинным прыжком преодолев лестницу, выбегаю на улицу. Ну куда, куда же могла подеваться эта дурища?! Глупый вопрос. Расталкивая прохожих бегу в сторону Башни.

Только бы найти, только бы успеть, только бы с ней ничего не случилось!

На Лерду натыкаюсь почти у самых ворот Башни. Девчонка бодрым шагом спешит по улице, улыбаясь во весь рот. На первый взгляд — живая, здоровая и счастливая. На втором взгляде счастья на её личике становится поменьше — она замечает меня.

— Вот ты где!

— Ой, Мори, я... Мори! — девушка съёживается, прижимая ладонь к покрасневшей щеке и глядя на меня потрясённо расширенными глазами.

— Пошли! — хватаю её за руку, разворачиваюсь в направлении трактира. Она упирается и пытается вырваться, возмущенно тараторит что-то, что я, в моём нынешнем состоянии, совершенно не могу воспринять. Прохожие оборачиваются.

...Хрупкое запястье в моей стиснутой ладони. Так хочется сжать его сильнее, чтобы тонкие косточки хрустнули под пальцами, чтобы плоть смялась как мокрая тряпка... Чтобы хоть как-то выразить, выплеснуть эту кипящую злобу!

Волоку её за собой, не обращая внимания на крики и попытки вырваться. Она спотыкается на каждом шагу, один раз даже падает и, кажется, подворачивает ногу. Мне всё равно. Какой-то глупый юнец пытается преградить нам дорогу, но, столкнувшись со мной взглядом, отшатывается. Вовремя. Ещё миг и пролилась бы кровь. Дурочка всё ещё что-то пищит, наверное, пытается оправдываться. Не обращаю внимания. Мне до дрожи хочется ударить её ещё раз.

Притащив Лерду в «Золотую рыбку», сдаю её, от греха подальше, под опеку Дорены. Женщине хватает одного взгляда на моё лицо, чтобы разобраться в ситуации и поскорее уволочь эту дуру из поля моего зрения. В «Золотой рыбке» меня хорошо знают и под

горячую руку стараются не лезть. Нет, обычно я очень тихий, спокойный и не создающий проблем постоялец, старый друг семьи, но иногда от меня безопаснее держаться подальше. В крайней ярости я из рук вон плохо себя контролирую.

Запершись в своей комнате, устраиваюсь на подоконнике. Ставни открыты, за окном — вечерний город, окутанный сумерками и тончайшим ароматом только собирающихся зацвести вишен. Через пару дней Ашшиан превратится в совершенно незабываемое зрелище!

Подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками. Я точно знаю, что через некоторое время Дорена лично принесёт мне стакан подогретого вина с пряностями или травяного отвара по рецепту её матери. Коротко стукнет в дверь и оставит поднос на пороге. Я жду.

Стараясь, отогнать, забыть то жуткое, омерзительное чувство, накотившее на пороге Башни. Во время всех моих прошлых визитов мне как-то удавалось обходить это мажье гнездо стороной. Но, видимо, ничего нельзя избежать вечно...

Я не хочу иметь с этим ничего общего! Не помнить, не знать...не-хочу-не-хочу-не-хочунехочу!!!

...Мы с наследником престола Зайнерийской Империи, чьё имя давно и благополучно выветрилось из моей памяти, быстро идём по узкому коридору с низким и потолком и гладким, отполированным десятками ног полом. Ход, начавшийся в дворцовых подземельях, уверенно погружается куда-то в скалу. Принц разливается соловьём:

— Я уверен, вам понравится! Это просто потрясающее зрелище! Оно, к сожалению, доступно лишь для членов королевской семьи, но мне показалось, что вы достойны того чтобы чуть-чуть нарушить эту традицию.

Я его привлекаю. Это доставляет неудобства, но у меня, пока что, получается игнорировать его попытки ухаживаний, не нанося оскорбления. Долго так продолжаться не может, рано или поздно придётся менять планы, уезжать, бросив тёплое придворное местечко, вновь мотаться по свету без определённой цели. Впрочем, до этого ещё довольно далеко — в Зайнерии достаточно строгие нравы. А, быть может, ему самому эта игра надоест. Хотя, если ради меня уже традиции нарушаются, вряд ли.

Тёмный, вырубленный прямо в камне коридор, через каждые десять шагов освещаемый тусклыми масляными лампами, мягко говоря, не вызывает романтических ассоциаций. Что же он такое собрался мне показывать?

— Это естественная пещера, её только немного обработали для удобства, ещё даже до строительства дворца. Но споткнуться всё равно можно, особенно в такой темноте.

Он, на правах проводника, ненавязчиво берёт меня за локоть. Мне всё равно.

— Что в конце? — скучно и хочется спать. Если бы не перспектива маяться весь вечер на нудном, тянущемся как вишнёвый сироп праздничном пиру, меня бы здесь не было.

— Нет-нет! Не скажу, и не упрашивайте. Это надо созерцать без подготовки.

Не хочется идти. Странно, обычно меня привлекает всё неизведанное.

Откуда-то изнутри нарастает тяжёлое нехорошее предчувствие. Впереди что-то плохое. Что-то... невозможное в этом мире.

Непроизвольно замедляю шаги. От конца туннеля веет страхом. Неизвестной, непонятной, пробирающей до костей жутью. В ней чудится что-то неестественное, извращённое. Хочется развернуться и со всех ног броситься назад.

— Что с вами? Слишком темно? — принц, пользуясь случаем, приобнимает меня за плечи.

— Всё в полном порядке, не беспокойтесь.

Уйди, уйди, уйди отсюда! Как можно дальше!

— Ничего, осталось буквально несколько шагов, — мой спутник нетерпеливо подталкивает меня вперед. Механически переставляю подгибающиеся ноги.

За выступом стены, наконец, открывается небольшая, почти идеально круглая пещера. По центру её, в пересохшем озерце — огромный сросток естественных кристаллов почти в человеческий рост размером. Кажется, они сияют в темноте. Кажется — это феерическое, завораживающее зрелище.

— Это — личный Источник королевской семьи, из него имеют право черпать только высокородные маги. Правда — красиво? Эй?

Я не слышу. Я не вижу. Рухнув на колени и вцепившись пальцами в волосы, я тоскливо, безнадежно вою, запрокинув лицо к потолку...

...В дверь стучат.

Темноволосый мужчина средних лет задумчиво отложил в сторону свиток. Значит, остановились проездом? Из Ашшиана выходит несколько дорог, но человек и так примерно знал, куда направляется его жертва.

Он представил себе полуэльфа, за руку волочащего девчонку домой и слегка изогнул губы в улыбке. Должно быть, со стороны эта... семейная сцена смотрелось чрезвычайно забавно. Жаль, не застал! А заботливым оказался... хм... паршивец. Должно быть, она действительно стала ему дорога. Это открывало новые возможности. Надо будет отдать несколько дополнительных распоряжений.

Бедолага Ингерт в последнее время, кажется, окончательно свихнулся, но он ещё может послужить некоторым планам.

Человек подошел к окну своего кабинета и долго вглядывался в мерцающий, переливающийся всеми оттенками серебра водопад во внутреннем дворе башни — Магический Источник астая Ашшиан. Странно. Ему показалось, или за те годы, что он его не видел, Источник действительно немного потускнел?

Да нет, чушь какая! Источников Магии в мире было не так мало, вот только находили их с каждым столетием всё реже, новых, насколько он знал, не открывали последние века три. Каждый Источник уникален. Это может быть ручей, водопад, скала с минеральными включениями, вековое дерево... где-то на севере, говорят, был источник в виде никогда не исчезающей радужной дымки над морем. Материальная форма не главное — главное магическая сила, которая в этих местах собирается сгустком, таким плотным, что его ощущают даже непосвященные. Обычные люди говорили, что вблизи Источников просто чувствуют прилив вдохновения, маги же научились черпать из них силу. Магическая энергия пропитывает весь мир, в каждой вещи есть какие-то крохи её. Но черпать полной горстью из Источника, разумеется, куда удобнее, чем тянуть по каплям из воздуха вокруг.

Следующее утро протекает в атмосфере всеобщей обиженности. Даже Дорена с мужем чуть-чуть поссорились, поддавшись общему настроению. Правда, сразу же и помирились, в

отличие от нас. Лерда дуется, бросая на меня полные негодования взгляды и демонстративно теребя пропитанную лечебной мазью повязку на покрытом синяками запястье. Я, по мере сил, не обращаю на неё внимания, пытаюсь подлизаться к оскорблённому вчерашним пренебрежением его бесценной персоной жеребцу. Не то чтобы о нём плохо позаботились, наоборот, накормили от души, вычистили со всем возможным старанием, но то, что любимый хозяин за целый день ни разу его не проведал... Мрак, кажется, всерьёз решил, что я собираюсь его бросить.

После получаса усиленных уговоров, сопровождаемых почёсыванием шеи и подкармливанием яблоками, жеребец соизволил-таки сменить гнев на милость, но Лерда к тому времени окончательно уверилась в отсутствии у меня такого важного компонента души, как совесть, и скрылась в своей комнате, дабы вдоволь пострадать без свидетелей. Интересно, а она любит, когда ей шейку чешут?

Как оказалось, работающий на лошадях способ вполне применим и к девушкам. Свежие пирожные, искренние извинения, беспокойство в глазах, ласковая укоризна и заботливое поглаживание по кудряшкам... несколько минут спустя она уже рыдает на моей шее, взхлёб прося прощения за все свои ошибки, начиная с первой нашей встречи, и клялась всеми богами и демонами, что такое больше никогда-никогда не повторится. Уже ставший традиционным узел волос мнётся под её судорожно стиснутыми руками.

Слёзы... Мне они всегда казались очень серьёзным, требующим весомого повода явлением. А эта смертная плачет по пустякам. Смешно!

— Ну-ну, хватит. Нам уезжать пора.

— Угу, — девочка шмыгает носом, поудобнее устраиваясь на моих коленях. — Сейчас. Извини ещё раз.

— Ле-е-ерда!

— Я и не подумала, что ты волноваться будешь! — или это ей льстит, или я ничего в жизни не понимаю. — А получилось, что и тебя напугала, и распоряжение не выполнила и... и...

Лерда пытается вновь удариться в плач, но в этот момент моя несчастная причёска, наконец, капитулирует. С таким трудом собранные космы рассыпаются по плечам, спине и подопечной. Девушка хихикает.

— Ничего смешного! И вообще, слезь с меня!

— Хорошо, хорошо, — Леренва, не прекращая сдавленно похихикивать сквозь слёзы, пересаживается на кровать, с безопасного расстояния наблюдая за моими попытками призвать непокорные волосы к порядку.

— Мори, а всё-таки, почему ты не подстрижёшься? — налюбовавшись, спрашивает она. — Неудобно ведь! Да и смотрится... тебя никогда за девушку не принимали?

— Было пару раз, — ой, малышка, к твоей бы любознательности ещё мозгов хоть немного. — Неприятно конечно, но больше смешно. Приходилось разьяснять... иногда ещё и не сразу верили.

— Так всё же? — судя по глазам, представляет она себе что-то на редкость занимательное.

— Не имею права. Это символ. — Прикладываю усилия, чтобы не скрежетать зубами. Несносная грива, кажется, решила отыгаться за всё. А мне ещё когда-то казалось, что полоса невезения закончилась!

— Символ чего? — о слезах мы уже окончательно забыли. Как же, разве до них, когда

тут кто-то стр-р-рашные эльфийские тайны разглашает! Хороший способ её успокоить, надо будет запомнить на будущее.

— Чистокровные эльфы никогда не обрезают волосы, — выпутав из остатков узла последнюю шпильку, решаю попросту заплести косу. И пусть только попробует дёрнуть! — Так поступают только с изгнанниками, либо с преступниками накануне казни. Я ношу длинные волосы в знак того, что меня приняли как одного из подданных Князя.

— А бывает иначе? — светлые глазищи горят, словно два запровленных интересом фонарика. Я знаю самую страшную пытку для этого чуда — запереть в пустой комнате без окон и несколько дней к ряду не рассказывать ничего нового.

— Ну да, — перевязываю шнурком конец косы. — В подавляющем большинстве случаев иначе и бывает. Зачем Князю неведомо кто, рождённый неведомо от кого?

— Ничего не понимаю! — Где её растили? В оранжерее? — Разве эльфы не стремятся, чтобы их потомки получили равные с ними права?

Смеюсь.

— Лерда, какая же ты... Неужели не знаешь, откуда берутся полуэльфы?

— То есть? — девушка слегка краснеет. — А что, межрасовые браки запрещены?

— Нет. Но за всю историю подобных случаев наберется едва ли десяток. Люди и эльфы (как, впрочем, и все прочие расы между собой) слишком разные, чтобы ужиться вместе. Они по-разному мыслят, чувствуют, вкладывают разные значения в само слово «любовь». Подавляющее большинство полукровок — плод случайной связи, юношеского любопытства, а то и оплаченного «свидания». С подобной родословной надо очень постараться, чтобы тебя приняли где бы то ни было.

— По-моему это очень несправедливо! — она секунду медлит, прежде чем спросить. — А что сделал ты?

— С наследником Ллевельдеила подружился. Как-нибудь расскажу.

— Когда?

Явно не в ближайшее время.

— Потом. Сейчас мы уезжать собирались, если ты не забыла. Мрак уже заждался!

Отъезд, однако, приходится ненадолго отложить — мне совершенно не хочется, чтобы это неугомонное создание и впредь оставалось без защиты в моё отсутствие. Открываю заветную шкатулку, перебираю содержимое.

— Лерда, а у тебя уши проколоты?

— Нет. А что?

— Ничего. — Это важно. Очень важно на самом деле. — И мама твоя тоже серёг не носила?

— Носила какие-то. Маленькие, с рубинами. От бабушки ещё остались. Так себе, мне они никогда не нравились. Я их продала, почти сразу как ушла от господина, потому и уши прокалывать не стала.

— Ясно. Что ж, надо будет запомнить. А то хотел на тебя серьги нацепить.

Смертные забывают всё. Всё! Ладно, сейчас не до этого. Задумчиво разглядываю отобранные амулеты.

— Лерда, дай-ка лапку.

Она несмело протягивает руку. Застёгиваю на её запястье цепочку-браслет, десяток крупных бирюзовых бусин постукивают вразнобой.

— Так, а теперь вторую. Дарю. — Близнец первой цепочки защелкивается на тонком запястье. Настоящие амулеты — ни в коем случае не магические предметы. Просто творец, который их создавал, искренне желал, чтобы носящего его изделие обходили беды. Большинство моих безделушек изготавливались конкретно для меня, но эти браслеты будут служить любому, надевшему их. С крупными неприятностями они, правда, не справятся, но предупредят, а вот мелкие неудачи вполне способны отвести.

— Носи! Очень полезная штука. — И ей, кстати, идёт. — Будет беречь тебя от беды. Если похолодеют или сползут с руки, знай, что ты в опасности.

— Какая красота! Это... мне? Насовсем? Спасибо! — Леренва снова кидается мне на шею. — Мори, ты чудо!

— Я знаю, знаю, только отцепись!

Закончив с благодарностями, малышка погружается в изучение обновки. Бусины брякают, Лерда ахает, жизнь идёт своим чередом. Надо бы, кстати, и о своей защите позаботиться. Возвращаю в шкатулку одну жемчужинку-гвоздик, а взамен достаю тяжёлые серебряные серьги с крупными морионами. На всякий случай.

Очередной привал на обочине. Уютная полянка, давно приспособленная путешественниками для стоянок. Не только с кострищем, но и даже с небольшим запасом дров. И всего в паре десятков шагов от тракта. Редкая, очень светлая сосновая роща, удобный спуск к воде. Что ещё нужно для счастья?

Лерда задумчиво сидит на груди еловых лап у костра, завернувшись в плащ и изредка помешивая густую похлёбку в котелке. Я, пользуясь моментом, упражняюсь в воинском искусстве.

Шелест сухой хвои под босыми ступнями, стремительно перетекающие одна в другую стойки, росчерки ударов — почти танец. Лезвия кажутся не просто продолжениями рук — крыльями. Безумно люблю подобное состояние. Искусство ради искусства, когда оттачиваешь воинское мастерство уже не для убийства, а просто ради удовольствия от быстрых, точных движений, серебряных отблесков стали, гипнотического ритма этой священной пляски смерти. Я прекрасно знаю, что воин — не моё призвание. У меня и способностей никогда не было. Тем интереснее было когда-то постигать сложную, неподатливую науку, вбивать в мышцы движения, расширять, изменять, преобразовывать список доступных приёмов. Раньше это было просто игрой. Потом выяснилось, что в этом жестоком мире без неё не выжить. Потом пришлось убивать, и пляска стальных крыльев потеряла для меня почти половину своего очарования.

Одновременно бросаю оба клинка в поясные ножны, усаживаюсь на землю рядом с подопечной.

— Мори, — не успевавшая уследить за моими движениями Лерда немедленно влезает с вопросами. — А ты долго учился так... ну чтобы так?

— Я всю жизнь учусь. — С наслаждением потягиваюсь, выгнувшись так, что затылок почти касается хвоинок. В косу набьются... ну и пусть! Выпрямившись, изучающе разглядываю лицо Леренвы. Странно серьёзное. — Воинские искусства такая штука — самосовершенствоваться никогда не прекращаешь. Хочешь, тебя паре приёмов научу? В жизни пригодится.

— Не хочу, — она недовольно хмурится. — Всё равно не получится.

— Разумеется, с первого раза не получится. Но если тренироваться...

— У меня как у тебя не получится! Никогда.

Эт-то ещё что за разговоры?

— С чего ты взяла? Если постараться...

— Мори! Не держи меня за дуру! Я же смертная, просто не успею.

— Ты пока и есть дура. Смертны все. Горы, моря, государства... и тем более всё живое.

Ограниченность срока жизни не повод, чтобы опускать руки! Я встречал человеческих воинов, не уступающих мне в искусстве битвы.

Она опускает голову. Затем воинственно вздёргивает подбородок.

— Врёшь. Ты же сам говорил, что тебе уже больше сотни лет! — «Гораздо больше, если честно.» — За человеческую жизнь невозможно достичь подобного.

— Ле-ерда!

— Всё, я не хочу об этом говорить! — Девушка отвернулась.

Странно. В её возрасте такие мысли. Или... она что — завидует?!

Осторожно дотрагиваюсь до её руки.

— Лерда, ты что, боишься старости? Дурочка, нашла о чём задумываться! Тем более, поверь моему опыту, ты — из тех женщин, что с годами только хорошеют.

Она недоверчиво хмыкает.

— Тебе хорошо говорить, ты-то не состаришься! Вот почему только люди так меняются с возрастом?!

— Все стареют, Лерда. Гномы, например, всего в три-четыре раза медленнее людей.

— А как же эльфы?

Тихо радуюсь успешно переведённому на другую тему разговору.

— У эльфов стареет душа. Знаешь, малыш, это страшнее.

— А-а-а... — девушка ненадолго задумывается. — А Звёздные?!

— Сейчас-то какая разница? — говорю с деланным безразличием. Она всё-таки ухитрилась угадать. Да. Дети Звезды были единственной бессмертной расой. Просто потому, что в отличие от людей, эльфов, гномов или ундин не были ограничены одной Стихией Сущности.

Дети Звезды. Хранители Равновесия. Почему в последние дни разговор постоянно возвращается к ним?

Одна из величайших загадок этого мира. Народ, превосходящий эльфов красотой и древностью, гномов — мудростью, а людей — талантами. Собственно, их и народом, в традиционном смысле этого слова, назвать было нельзя. У них никогда не было своего государства, религии, почти не было языка, они редко собирались вместе и никак не зависели друг от друга.

Прекрасны и загадочны как предутренный сон. Их голос завораживал, их смех мог исцелить душу, а слёзы превращались в прекрасные самоцветы. Вечные странники, движимые лишь жаждой творчества и познания.

Их любили и боялись, почитали и ненавидели... Не знали о них практически ничего и сочиняли истории, одна другой чудеснее. Никто не может ответить, что с ними случилось на самом деле. Просто, в какой-то момент встречи с ними стали редкостью. А потом и вовсе прекратились. Кто-то придумал сказку, будто бы они ушли в зачарованную страну, где нет места злу. В неё верили. Пока не начали считать сказкой само существование Детей Звезды.

Только и остались слухи, легенды, приписываемые то эльфам, то гномам изобретения или произведения искусства. А ещё ученики, благодаря которым мир сейчас медленно сползает в пропасть. Не будь их, он катился бы туда со скоростью лавины.

— Мори, что с тобой? — встревоженный голос Леренвы заставляет меня вздрогнуть.

— Лерда? Прости, задумался. Ты что-то хотела?

— Ничего. Просто у тебя вдруг глаза стали такими... пустыми и далёкими. Как будто не видишь.

— У меня бывает, извини. Кстати, судя по запаху, суп готов!

Едим прямо из котелка, по очереди запуская в него ложки. Готовит Леренва на удивление хорошо. Правда, не очень ясно, это у неё похлёбка так уварилась или блюдо всё-таки изначально задумывалось как рагу, но вкус впечатляет. Да и куропатка, пару часов назад сбитая метко брошенным кинжалом, явно пошла ужину на пользу. Всё-таки, в наличии подопечной есть свои плюсы — я себя обычно кулинарией не утруждаю.

— Мори, а до этого... Шенгреила долгий путь? — Лерда вкусно облизывает ложку.

— Дня четыре. Это пограничный астай, отделяет Альянс от Великой Степи. Ну и с одним из эльфийских княжеств краешком соприкасается.

— Ух ты! Совсем рядом с дикими землями!

— Ну да.

На самом деле назвать степняков дикими у меня язык не повернётся. Именно они в своё время завоевали почти полмира, основав Зайнерийскую Империю, величайшее из человеческих государств. Оно, конечно, уже больше трёхсот лет как развалилось, но память-то не сотрёшь.

— Всегда мечтала там побывать!

Забавно. Обычно благовоспитанные юные таэс при упоминании приграничных земель пугаются до обморока. Впрочем, чтобы испугать это чудо до потери любопытства, нужно очень постараться.

— А, кстати, тамошний астаэ тебе кто?

— Родственник. Дальний. Мы у него поживём, пока с планами на будущее не определимся.

Четыре дня. С Шенгреилом — восемь. Даже жаль, что придётся расстаться так скоро. Ничего, Сора за ней присмотрит, а мне нужно выяснить, что за маг сунулся в традиционно игнорируемую их братией область. Есть знания, которые им никогда не были нужны. И если уж нашёлся такой оригинал... Застарелая ненависть привычно толкается в виски. Лучше отправить его в Бездну как можно скорее.

Ни за что не поверю, что кто-то из их проклятого племени способен на разумные поступки. Могу жизнью поклясться — натворит такого, что за сто лет не распутаешь! Они же просто не способны задуматься. Думают хорошо, даже слишком хорошо порой, а вот задумываются... И потому страшнее существ в этом мире нет и не было. Я всегда стараюсь держаться от магов как можно дальше... если, разумеется, нет возможности подойти вплотную и убить. Презренные паразиты, присосавшиеся к телу мира. Неспособные принять жизнь такой, какая она есть и кромсающие реальность в угоду своим сиюминутным желаниям.

— Я помою посуду, — складываю ложки в опустевший котелок.

— Эй, это моя обязанность!

Я помню. Просто мне срочно нужен предлог, чтобы сходить к реке.

— На сегодня я тебя от неё освобождаю. В благодарность за ужин.
Не дав ей возразить, подхватываю котелок и скрываюсь в сумерках.

Лагерь мы разбили всего в нескольких десятках шагов от широкой медлительной реки, вдоль которой и вилась дорога последнюю пару верст. Речка звалась Виольной и примечательна была разве что розовыми ирисами, растущими исключительно на её берегах. Да и для них сейчас ещё не время.

Равно как и для комаров, что не может не радовать.

По-быстрому отскоблив котелок песком, усаживаюсь на землю у кромки воды. Мелкие волны медленно накатывают на берег, от реки тянет свежестью и запахом чистой воды. Запрокидываю голову: небо ясное, по-весеннему прозрачное и высокое. Частые крупные звёзды отражаются в реке. Созвездие Кошки стоит точно в зените — самое начало ночи. Два ярких зеленоватых огонька шурят с небес, словно два нахальных глаза, а их отражение подмигивает им с воды. В этом есть что-то успокаивающее — что бы ни случилось на земле, звёзды останутся. Навсегда. Должно же быть в этом мире хоть что-то вечное!

Аккуратно сложив на песке одежду, ныряю в небо. В звёзды. Такие близкие и такие недосыгаемые. Чужие для меня.

Вода ещё слишком холодна для человека, но я не обращаю на это внимания. Выплыв на середину, ложусь на спину, позволяя течению медленно сносить меня вниз. Парю, раскинув руки, полностью расслабившись. Звёзды в вышине, звёзды вокруг, звёзды внутри меня. Только я и небо. Позволяю холоду проникнуть сквозь кожу внутрь. Вглубь. Сейчас моё тело не теплее этой воды. Это правильно. Раствориться в небесах... Нет мыслей, нет памяти, нет боли. Только звёздный свет.

С сожалением стряхнув ночное волшебство, переворачиваюсь и сильными гребками плыву обратно, ориентируясь на крохотный, едва видимый в дали огонек костра.

Наш маленький лагерь встречает меня тишиной. Почти погасший костер, раскиданный лапник лежанок, скомканное одеяло...

— Лерда? — ручка котелка выскальзывает из пальцев. Тишина. Пустота. И лёгкий, едва уловимый запах крови.

— Лерда!!!

Так, Орин, спокойно. Спок-койно. Дыши на счёт.

Следы борьбы есть, но крови минимум — и та пахнет чужаком. Ни Лерды, ни Мрака. Ну, за Мрака можно не беспокоиться — посторонних он к себе не подпустит, а увести эту зверюгу силой просто нереально. Скорее всего — отбежал куда-то, скоро вернётся. А вот Лерда...

Склоняюсь к земле. Следы свежие, ведут от дороги. Двое. Судя по всему, напал один, со спины, прижал локтем горло. Понятно теперь, почему ничего от реки слышно не было. Она отбивалась, брыкалась, слегка поранила нападавшего. Хм-м... нос ему, что ли, разбила? Склоняюсь ниже, вдыхаю запах бурых капелек на листьях. Станный, тревожащий. Не человеческий. Прикасаюсь — уже успели загустеть. Задумчиво облизываю подушечку пальца — да, определённо не человек. Что-то размытое, ускользающее... ундина? эльф? Да нет, вряд ли.

Придушив до нужной степени беспамятства, нападавший взвалил девушку на плечо и направился обратно. Или на руки взял. Ясно могу сказать только то, что следы глубже стали. Второй тем временем рылся в вещах. Забрал штатулку и мешочек с травами.

Меня не было не больше часа, они не могли далеко уйти, тем более с бесчувственной девчонкой. Отгоняю не ко времени пришедшую в голову мысль. Она жива. Жива! Не стали бы с трупом так возиться.

Следы ведут к дороге, затем сменяются отпечатками копыт. Не меньше пяти коней. Вот Бездна! Так, ладно, мне нужна лошадь. Мрак, солнышко...

— Эй, Мрак! Фьюить! Мрак!

Чёрный конь выныривает из темноты как призрак. Тычется тёплой мордой в плечо, всхрапывает ободряюще.

— Мрак, умница, — зарываюсь лицом в густую жёсткую гриву. — Какой же ты у меня молодец!

Я, как и эльфы, никогда не стреноживаю и не привязываю лошадь на привале. Преданный тебе конь не убежит. Собственно, я и уздечкой не пользуюсь, но это так, к слову.

— Пойдём Лерду спасать? — легко вскакиваю на конскую спину. Навык езды без седла — ещё одно из типично эльфийских умений. В обычной жизни я его всё же почти не применяю — седельные сумки надо к чему-то крепить, но на возню сейчас просто нет времени.

Так, дорога здесь одна, в какую сторону они поехали, я знаю. Свернуть некуда — в лесу нормальная лошадь ноги за минуту переломает.

Дальше была скачка. Попробованная кровь ведёт меня как намагниченная стрелка компаса. Лерда, сама того не понимая, здорово мне помогла. В крови, особенно относительно свежей, всегда есть стремление вернуться обратно в вены. Это её желание горит на губах, я чувствую пролившего её, чувствую разделяющее нас расстояние. Ближе, ещё ближе... Мрак уже тяжело дышит, покрывшись потом. Боевые рыцарские кони вообще-то не приспособлены к длительной скачке — быстро устают.

Когда до похитителей остаётся совсем немного, чёрные камни подвесок ощутимо холодеют. Останавливаю коня, мягко спрыгиваю на землю. Они рядом, всего в нескольких сотнях шагов. Остановились.

Недовольно морщусь. Не нравится мне всё это!

— Так, Мрак, будь здесь. Жди меня, мальчик.

Погладив коня по умной морде, бесшумно скрываюсь в зарослях. Вдоль дороги разрослись кусты орешника, за ними начинается смешанный лес.

Тихо, по-кошачьи, крадусь к месту их остановки, немного забирая вправо. Прячась в тених, сливаясь с сумерками, словно бесплотный дух. Сотня шагов... пятьдесят... тридцать... Язык и губы всё ощутимее ноют.

Я плохо вижу в темноте, но издалека замечаю среди деревьев покосившийся домишко, далеко в стороне от дороги. Судя по всему — давно нежилой. Впрочем, нет. Вон он, хозяин, припиленный стрелой к одной из стен оборванный старик. Плохо — запах крови напрочь отбивает все прочие. Окна не светятся, тишина почти зловещая. Но я точно знаю — они там.

Подхожу к самому краю освещённой звёздами поляны, застываю в тени низко нависших ветвей. Серьги и кулон уже буквально обжигают холодом, предупреждая о нешуточной опасности. Нет, напрямик мы туда не пойдём.

Осторожно обхожу избушку по кругу, по-прежнему держась в тени деревьев. Желания

выходить на свет нет ни малейшего. Терпеть не могу очевидные ловушки — от них никогда не знаешь, чего ожидать!

Ни похитителей, ни Лерды, ни звука. Беззвучно рычу, как волк перед флажками — вроде бы и не опасно, но до неприличия подозрительно!

У задней стены привязаны лошади. Ни одна не стрижёт ушами, не фыркает, не переступает с ноги на ногу. Даже дыхания не слышно. Странно. Мягко сказать!

Глубже втягиваю ноздрями воздух, но запах свежей крови перебивает все остальные. Меня непроизвольно передёргивает — не люблю смерть. Она уродлива, особенно такая. В этой жизни, к сожалению, не убивать себе могут позволить лишь те счастливцы, кто живёт, почти не покидая дома, и то не всегда, но мне это действие всегда казалось нарушением гармонии.

Пристально вглядываюсь в тёмные окна, пытаюсь решить, что же мне предпринять. Соваться туда без чёткого плана бессмысленно, а тянуть — подвергать опасности Лерду.

Мои размышления прервал пронзительный женский крик из дома:

— Пустите! Отпустите меня! Мори-и-и!

Этот голос я ни с каким другим не спутаю! В следующее мгновение раздаётся звук удара и всё стихает.

Нет, надо уже на что-то решаться! Достаяю из ножен клинки и делаю осторожный шаг вперёд, готовясь в любой момент нырнуть обратно, в спасительную тень.

Два события слились во времени — ослепительная вспышка и щелчок арбалетной тетивы. Уклоняюсь, кожей чувствуя ветерок от пронёсшегося в волоске от шеи болта. Перекатываюсь вперёд, вскакиваю на ноги. Автоматически отбиваю мечом ещё один болт и тут же отскакиваю в сторону, пытаюсь сориентироваться. Перед глазами клубится непроницаемый мрак, обоняние напрочь отбито кровью. Прислушиваюсь. Нападающих четверо, они дышат, шуршат ногами по траве, глухо топают, подбегая ко мне. Слышу, как тихонько позвякивают пряжки на доспехах. Арбалеты, кажется, только у двоих — они стоят чуть позади остальных. Я не помню, чтобы кто-то выходил из избушки. Значит, неподвижно стояли вокруг неё, прикрытые заклинанием. Выходит, среди них всё же есть маг! Вот Бездна!

Что-то проносится над головой — надеюсь не заклинание — пригибаюсь. Топот ног — двое мечников наконец бросились в атаку. Слышу, как арбалетчики перезаряжают оружие.

Свист стали справа — уклоняюсь, одновременно выбрасывая назад левую руку. Кончик клинка рассекает упругую плоть, запах крови накатывает с утроенной силой. Короткий тонкий вскрик, человек откатывается назад, шипя от боли. А он невысок — попало по лицу вместо горла. Второй нападавший тоже отскакивает в сторону.

Тихо скрипит дверь, кто-то выглядывает из избушки и останавливается на пороге. Его почти не слышно, но я замечаю. Искомый маг?

Стрела из арбалета навывлет пробивает полу куртки. Кто это у нас такой меткий? Новый болт, прилетевший от его товарища, отбиваю в сторону лезвием кинжала. Нападавшие, даже раненый, одновременно бросаются на меня. Глухой стук отброшенного в сторону арбалета, едва слышный шелест вынимаемой из ножен стали — один из стрелков меняет самострел на... м-м-м... прямой полуторник?

С относительно короткими кинжалами невозможно на равных рубиться против трёх мечей. Приходится уклоняться, вертеться, «сливать» удары по лезвиям своих клинков и двигаться, двигаться, двигаться.

Бой длится меньше минуты, а кажется, словно несколько часов. Маг не может напрямую воздействовать на меня, но, видимо, как-то помогает своим сообщникам — движутся они чересчур быстро для людей. Непонятный шорох — на одном из моих кинжалов повисает что-то мягкое. Камни леденеют — движением кисти отбрасываю нож в одного из нападавших, удачно отступившего. Тот самый, невысокий, я целюсь в лицо. Звук падения. Один из оставшихся с диким криком бросается ко мне, чтобы тотчас напороться горлом на оставшийся кинжал.

Миг спустя последний оставшийся в живых мечник всё-таки умудряется достать меня своим мечом. Левый бок обжигает боль. Успеваю перехватить его руку, не давая завершить удар. Оборачиваюсь, одновременно высвобождая кинжал. И, не прерывая движения, всаживаю его нападавшему под подбородок.

Отталкиваю обмякшее тело, чужой меч выскользывает из разжавшейся ладони и моего тела. Зажав рану одной рукой, устремляюсь к последнему из нападавших. Быстрее, Орин! Уклонившись от арбалетного болта, подбегаю к нему и, не дав времени среагировать, одним движением перерезаю горло. Замираю на месте, напряжённо прислушиваясь. Ну? Чтс предпримешь, колдун?

Со стороны хижины доносится какой-то шорох, шаги, глухой удар...

Внезапно перед глазами проясняется. Чёрный магический туман светлеет и оседает, словно впитываясь в землю. Маг, судя по ушам и сложению — полуэльф, лежит ничком перед входом. За его спиной стоит бледная, трясущаяся Лерда, сжимающая связанными руками какую-то каменную статуэтку.

— Мори! — девушка роняет окровавленную фигурку и бросается ко мне, — Мо-ори!

За этим следуют, разумеется, обильные слёзы и повисание на моей шее. Да осторожнее, больно же!

— Мори! — она прижимается, ничего не замечая и дрожит как в лихорадке. Цепляется за одежду так, что пальцы становятся белыми, как кость. — Мори... пожалуйста, не оставляй меня больше одну... никогда-никогда!

— Конечно, — неловко провожу запястьем по её напряжённой спине. — Ну, тихо, тихо. Всё закончилось. Ты молодец.

— Мо-ори-и!

Девочка-девочка... что же мне с тобой делать? Я ведь всё вижу... да ты и не стремишься скрыть.

Любовь смертных никогда не была до конца мне понятна. И, если честно, давно уже не вызывает особенных эмоций. Слишком много их было. Экзотичность и смазливость привлекательны везде и всегда, а во мне хватает и того и другого. Иногда чужая любовь может быть использована в моих целях, иногда, наоборот, доставляет неприятности. Иногда просто есть, и мне от всей души плевать на её наличие.

Но сейчас всё по-другому. И даже не в возрасте твоём дело, в четырнадцать лет девушки порой бывают весьма... зрелыми. Как же ты ухитрилась до сих пор не повзрослеть, Лерда? Как у тебя получается мечтать, чувствовать, как ребёнок? Придумала себе влюблённость и смотришь на меня как на прекрасного принца-спасителя из сказки. А я убей, не знаю, как мне с тобой поступить.

— Пойдём в дом? — осторожно отстраняюсь, разрезаю верёвки на её запястьях. Лерда удивлённо смотрит на тёмные пятна на своей одежде.

— Ты ранен?!

— Ничего серьёзного. Пошли.

Маг всё также ничком лежит у входа. Проверять пульс нет необходимости — на его затылке темнеет глубокая багровая вмятина, угол у валяющейся рядом статуэтки вымазан алым и тёмным.

На полу хибарки прямо от порога начинается какой-то сложный магический рисунок с увесистыми каменными статуэтками на углах. То ли демоны, то ли стилизованные драконы, но всё равно твари на редкость мерзкие, особенно на морды. Не дай Богиня приснятся! Ближайшая к двери по понятным причинам отсутствует. На идеально чистом, даже странно для такой хибары, столе в углу несколько тусклых полусгоревших свечей. Странно, света их снаружи даже после смерти мага не было видно. Стараясь не наступить на светлые линии, прохожу к единственной лавке. С облегчением вкладываю кинжал в ножны, вытягиваю ноги, сбрасываю куртку и заворачиваю рубашку, пытаюсь, наконец, осмотреть рану. Кровотечение не слишком сильное, хоть в этом повезло.

— Лерда, воды принеси.

С потерянным видом топтавшаяся рядом Лерда опрометью бросается исполнять приказание.

— Стой! Да стой же, дурёха! Видишь, в углу сумка чья-то стоит. Посмотри в ней, там наверняка фляга есть.

Фляга была, и даже почти полная. С опаской приняхавшись к горлышку, опрокидываю её себе в рот. Блаженство! Напившись, выливаю оставшуюся воду на рану. Глубокий разрез пониже рёбер, длиной больше пяди. Непристойно разошедшаяся кожа обнажает ярко-алые распоротые мышцы, сочащиеся кровью. Крупные сосуды, по счастью, не задеты, кровь стекает тонкими струйками, пропитывает одежду.

— Нужно зашить. Лерда, сможешь?

И без того бледная девушка стремительно зеленеет.

— А придётся. Сейчас помощи перевязать хотя бы.

В конце концов, ранами можно и позже заняться, когда в лагерь вернёмся. Кровь скоро должна остановиться, а остальное может и подождать.

— Что им было нужно? — спрашиваю я, когда мы совместными усилиями затягиваем последний узел. Бинтами служит порезанная на полосы рубашка мага, благо — льняная и чистая. Снимать ее, правда, пришлось мне — Леренва наотрез отказалась подходить к трупу ближе чем на пару шагов.

— Не знаю, — в голосе девушки непривычная хрипотца. Перевожу на нее обеспокоенный взгляд — неужели горло повредили?

— Вот он, — кивок в сторону полуэльфа, — сказал, что они должны доставить меня куда-то.

— Доставить?

— Угу. Это заклинание-портал, — она указала на чертёж на полу. — Я как-то видела у господина такое.

— Точно такое?

— Н-не знаю, похожее.

— Ясно. — Всё равно что-то не сходится. Слишком бездарное похищение. Почему они не стали дожидаться меня у реки, а сразу решили возвращаться? И как узнали где нас искать? Неужели в Ашшиане?

— А как работают эти порталы, ты не знаешь?

— Примерно. Их очень сложно создать, не все маги такое могут. Я слышала, что сейчас существует постоянная сеть порталов между убежищами волшебников. А чтобы пройти из одного места в другое надо изменить рисунок строго определённым для каждого образом. Это как адрес у городского дома.

Только сейчас замечаю, что помимо меловых линий в узоре есть и другие, более старые, нанесённые белой краской. Весёленький отшельник тут, оказывается, жил! Впрочем, мне, кажется, про него рассказывали. Сумасшедший старик, чью избышку обходят стороной даже дикие звери. Значит, из портала ребята вышли, в него же собирались вернуться, бойцы охраняли, пока маг настраивал портал, потом отвлёкся на шум, не выдержал, решил помочь своим... откуда у меня ощущение, что я притягиваю версию за уши? Ладно, подумаю об этом позже.

— Лерда, сумку мага захвати. — Пороюсь на досуге. Надо будет и сюда завтра вернуться. Я сейчас не в том состоянии, чтобы устраивать полноценный обыск, а с Леренвы в этом деле толку чуть.

Подхожу к трупу полуэльфа, носком сапога переворачиваю его на спину. Это тяжело — для полукровки он удивительно массивен. Вглядываюсь в обесцвеченное смертью лицо. Заострённые уши, характерный разрез глаз, но вот в лице преобладают человеческие черты — крупный нос с горбинкой, массивная челюсть. Иссиня-чёрные волосы не достают до плеч. Мы с ним совершенно точно никогда не встречались.

С трудом наклонившись, вытаскиваю его меч из ножен, чувствуя, как кровь пропитывает повязку. Разворачиваюсь к магическому чертежу.

— Отойди в сторонку.

Осколки фигурок разлетаются по комнате. Не удовлетворившись результатом, кончиком меча несколько раз перечёркиваю рисунок, затем втыкаю клинок в его центр. Надеюсь, этого хватит.

А небо на востоке уже зарозовело. Отправив Лерду отвязывать лошадей, подхожу к трупам. Двое — явные степняки, судя по всему, арбалетчики. Вот только одеты в принятые в астаях облегающие штаны из плотной ткани и свободные рубахи навыпуск. Поверх них — кольчуги. Дорогое удовольствие, простым наёмникам точно не по карману. Вместо родовых татуировок на щеках — следы свежих ожогов, волосы собраны в простые хвосты, а не традиционные сложные косы. Бесцветные глаза, как и у всех, употребляющих чёрную пыльцу. А вот это странно — кочевники убивают даже за упоминание о ней. На веках — тонкие серебристые линии, явно не являющиеся просто макияжем. Хм, так вот почему на нападавших магическая тьма не подействовала. Ещё один из местных — высокий и массивный, как и большинство мужчин южных астаев. Столь же непримечательная одежда, лужа крови, натёкшая из перерезанного горла... переворачивать его, дабы убедиться, что и он мне незнаком, желания не было. Чуть поодаль навзничь лежит женщина. Коротко стриженные, как у большинства наёмниц, чёрные волосы слиплись от крови, ниже правого глаза длинный порез. В глазнице левого торчит мой кинжал. И... не только он. Из-под лезвия выбиваются нити толстой, белёсой паутины. Спускаются по щеке, переплетаются с травой, расползаясь на несколько шагов. Интер-ресненькая штучка. Брезгливо, двумя пальцами вытаскиваю из трупа кинжал, заворачиваю в обрывок маговой рубашки. Надеюсь, это отмывается.

— Мори, а что с лошадьми делать? — лошади, кстати, теперь вели себя совершенно по-

лошадиному.

— Выбери, какая понравится, остальных расседлай и отпусти.

— ...Ну а когда я пришла в себя, рядом был только тот полуэльф, чертил узор. Кхе... Ударил меня и велел замолчать. А потом шум послышался, и он бросился к двери. А я взяла статуэтку, подошла к нему и...

Лерду передёргивает. Это ещё нормально, когда до неё, наконец, дошло, что она тогда натворила, истерика была классическая, хоть в трактат вставляй. По счастью, случилось это уже после того, как мы с помощью иглы, нити и отнюдь не молитвенных упоминаний всех подвернувшихся богов привели в порядок мою рану, так что у меня были все возможности её успокоить.

— А больше они ничего не говорили?

— Нет, ничего.

Мы неспешно удалялись от оставшегося на месте избушки пепелища, восстанавливая по пути вчерашние события. Я верхом на Мраке, Лерда — на миниатюрной тёмно-серой кобылке с белой стрелкой на морде и в белых «чулках» на передних ногах, после долгих колебаний нареченной Звёздочкой. Мрак подобному прибавлению в нашей компании был рад несказанно.

Сидела в седле девушка неуверенно, напряжённо вцепившись в поводья, да и в штанах ей явно было все ещё неловко. В астаях на женщин в мужской одежде смотрят достаточно спокойно — влияние эльфов сказывается. А вот на севере с этим пока ещё строже. Что меня всегда восхищало в людях — умение заимствовать всё, что плохо лежит! Идеи, обычаи, изобретения — всё полезное. Так вот, в длительной поездке или во время тяжёлой работы, не говоря уж о сражении, штаны на жительнице Альянса вполне допустимы и ожидаемы. Но Лерду, явно воспитывали в других правилах, северяне к женщинам вообще иначе относятся.

Обыск, к сожалению, ничего не дал. В сумке мага, помимо моих вещей, оказались лишь несколько мутноватых кристаллов, мелок и костяное колечко, без колебаний отправленные мной в костёр вместе с сумкой.

На месте схватки, к которому мы вернулись около полудня (всё равно почти по дороге), тоже не удалось найти ничего, что бы пролило свет на происхождение нападавших. В доме кроме обычной утвари лишь плохо замаскированный тайник с какой-то чародейской мелочью, да запутанные узоры на каждой стене. У бойцов вовсе никаких мелких предметов — ни монет, ни драгоценностей, ни герба хозяина. Обычная одежда, абсолютно одинаковые мечи и арбалеты (один из них послужил неплохим трофеем; мечи меня не привлекли — лезвия сплошь изрисованы какой-то чародейской тайнописью, мало ли что), у двоих в левой руке неприятного вида склизкие комки, словно слепленные из толстых нитей. После тщательных поисков ещё одна «паутинка», на сей раз расправленная, обнаружилась висящей на соседней ели. А вот арбалетные болты опять рассыпались в пыль. Надо будет их в ближайшем городе прикупить. Полуэльф тоже разочаровал — ни в одежде, ни в оружии ничего особенного, даже кулона со знаком мага нет, хотя слабосильные подмастерья их редко носят.

Вообще, полукровки, особенно не признанные, довольно часто становятся колдунами. Во-первых, потому что маги никогда не страдали предубеждениями относительно расы и

происхождения и охотно принимают всех. По сути, чародеи уже почти стали отдельной нацией — ставший магом оставляет свой народ и начинает превыше всего ставить интересы магического сообщества. А во-вторых, обычному смертному, чтобы получить возможность заниматься магией, требуется своего рода толчок. Что-то, что бы вывело его из внутреннего равновесия. Сильное потрясение, лёгкое душевное расстройство, несчастная (очень несчастная) любовь... что-то, порождающее дисбаланс, раскрывающее внутреннюю сущность для влияния извне. В душах потомков межрасовых связей такой дисбаланс присутствует изначально.

Каждая из четырёх, существующих на данный момент, рас воплощает собственную стихию.

Люди — это огонь. Яростное пламя, яркое и быстро гаснущее. Они живут меньше других, зато в полную силу, до конца отдаваясь достижению цели. Самые ужасающие зверства и самые великие подвиги всегда творились людьми.

Гномы — земля, скалы. Стабильность и надёжность. Неторопливость, размеренность, нелюбовь к переменам. Самый приверженный традициям народ.

Ундины — вода. Хитрость, изворотливость, способность приспособиться к любым обстоятельствам, оставаясь в то же время собой. Самая миролюбивая раса, непревзойдённые дипломаты, торговцы и посредники. Среди прочих народов у них не без оснований сложилась репутация отъявленных лжецов и мошенников.

Эльфы — воздух. Лёгкость, мимолётность, неспособность к глубоким чувствам и долгой сосредоточенности. В нынешние времена они тщательно маскируют эти свои качества самоконтролем, но всё равно, особенно в юности, скорее играют, чем живут.

Полукровки — это сочетание двух стихий. Вечная борьба, изначально внутреннее противоречие, смешение того, что смешиваться не должно. Дисбаланс заложен с самого рождения, и остается до конца жизни. Душа и тело, раздираемые двумя противоположными силами, неспособность стать кем-то цельным и настоящим... Возможно, именно поэтому у потомков смешанных пар никогда не бывает детей.

После обыска (помощь Лерды, правда, ограничилась моральной поддержкой) мы стащили трупы в хижину и подожгли её. Не то чтобы парой-тройкой мертвецов сейчас кого-то удивишь... Но не в моих это правилах — бросать тела без погребения. Пусть и врагов.

Обставленный, в традициях северных Астаев, тяжёлой мебелью из тёмного дерева кабинет пересекали полосы льющегося из высоких стрельчатых окон света. В самом его центре, ровно посередине солнечной полосы, в похожем на трон резном кресле сидел мужчина средних лет. Темноволосый, худощавый, с чуть неправильными чертами типичного для севера Альянса лица. Нахмутив густые брови, он читал написанное на шелковистой колдовской бумаге послание. Дочитав, скомкал несчастный листок и швырнул его на пол. Затем он глухо выругался, мешая современные обороты со старинными выражениями, вскочил на ноги и принялся мерить кабинет шагами.

Посланные на место неудавшейся засады люди ещё должны будут выяснить детали, но он и так примерно представлял, что они там найдут.

Этот... этот... ухитрился перебить охотников и сбежать, прихватив с собой девчонку! Мерзкая нелюдь! Тварь! Хитрая, скользкая... сильная.

Ещё и портал уничтожил. А заодно — двух подмастерьей мага, попытавшихся пройти через него в избушку Ингерта. Волшебник с размаху саданул кулаком в стену и замер, тяжело дыша.

Ничего фатального всё же не произошло, решил маг, справившись с эмоциями. Куда они направляются ему известно, остаётся просто подготовить новую ловушку. На сей раз более продуманную. А слуги — дело наживное.

«Нет, но каков гад!» — Человек подумал это уже с некоторым восхищением. Пятеро бойцов, заклинания, магические ловушки! Вот... паршивец!

Маг помассировал ноющую от удара кисть и позвонил в колокольчик, вызывая слугу. В кабинете стоило прибраться, а ушибленную руку обработать со всем тщанием.

Мрак на ходу игриво кусает Звёздочку за холку. Шикаю на него — сейчас не до личной жизни! Дорога непривычно пустынна. Впрочем, весной, в разгар посевной, мало кто путешествует. Вот осенью, когда урожай соберут, по этому тракту целые караваны потянутся, на ярмарки.

— А, может, ты заметила что-то в их поведении? — продолжаю допытываться у понурой Лерды я. — Необычное, странное?

— Не... кхе... нет, — говорить ей ещё немного больно, несмотря на принятые меры, синяки на шее скрывает пропитанная целебной мазью повязка. — То есть... а что странное?

— Хороший вопрос! — меня, кажется, слегка занесло. — А, кстати, почему ты их приближения не почувствовала?

— Не знаю... задремала я.

— Ясно, — слабые амулеты против мага почти не действуют. Чутье ясновидящих, как выяснилось, тоже. — А когда ты Источником любовалась, никого знакомого или подозрительного не видела?

Лерда смешно морщит лоб, вспоминая.

— Нет. Но там такая толпа была... да я и не присматривалась.

— Понятно, — с сожалением отказываюсь от безнадёжной затеи хоть что-то узнать. — От меня теперь ни на шаг не отходи. Не знаю, что им было нужно, но лучше не рисковать.

— Угу.

Некоторое время молчим. Лошади едут размеренным шагом, косятся друг на друга тёмными сливами глаз.

— Мори, а давай тогда как-нибудь вместе Магический Источник посмотрим?

Она что, специально?!

— Нет.

— Ну Мо-ори! Это же такая красота!

— Я видел вещи гораздо красивее.

— Да?! И что же?

Источник, которого не касались маги. Но тебе этого знать совершенно необязательно.

Молчу. Даже не смотрю на неё.

Объективных причин для того, чтобы заезжать в этот город, у нас не было. Субъективные же касались только меня. Так что недоумевающая Лерда была вынуждена на ночь глядя тащиться за мной в храм Троиц, не понимая ровным счётом ничего. Оставлять её в гостинице в свете последних событий показалось мне не слишком благоразумным.

Религиозного чувства как такового во мне не то чтобы совсем нет... просто оно у меня на редкость гибкое. Я не верю ни в одного из богов, но всегда исповедую религию той страны, на территории которой в данный момент нахожусь. Ну, разве что Богиню Неба поминаю при случае, и то это уже скорее ругательство.

Храм стоит, как и положено, на окраине — достаточно высокое каменное здание с увенчанным знаком Троиц шпилем и высоченными, в два моих роста, дверьми, сейчас гостеприимно распахнутыми.

Леренва несмело останавливается в дверном проёме, я же прохожу внутрь.

Огромное пустое помещение, витражные окна, высокий потолок... красиво. Центральный церемониальный зал в этот час почти пуст. Лишь худощавый немолодой священник с сонным видом маячит в уголке. При виде посетителей его сонливость как рукой снимает. Святой отец поспешил мне навстречу, расплываясь в угодливой улыбке.

— Чего желаете? Отпевание, поминовение, быть может... свадебный обряд?

Лерда, расслышав последнее предложение, захихикала.

— Ничего. Просто хочу помолиться.

Священнослужитель с кислым лицом отошел в сторону, мигом утратив ко мне весь интерес.

Не переношу этот дух торгашества, пропитавший сейчас почти все святилища! Как на рынке, право слово, причём такое творится не только в храмах Альянса. Хорошо хоть атмосфера в святилищах осталась прежней — возвышенной и умиротворяющей. Впрочем, чуёт моё сердце, это тоже ненадолго.

Высокие, в полтора человеческих роста, изображения Трёх Братьев стояли в алькове в глубине помещения, за алтарём из резного мрамора. Умудрённый годами старик, зрелый мужчина, мальчик-подросток — неразлучная триада, воплощения бесконечного мирового круговорота. Прошлое — настоящее — будущее, смерть — жизнь — новое рождение. Мне искренне нравится религиозное учение Альянса Астэ, несмотря на недостатки его служителей. Подхожу к изображениям, чуть склоняю голову, кончиками пальцев правой руки прикасаюсь сначала ко лбу, затем к губам и груди. Складываю ладони перед грудью, одну на другой.

Странно, но первой в голову пришла молитва рыцаря Храма, убившего врага. Надо же, столько лет прошло, а я всё ещё её помню! Впрочем, какая разница. Лерда не поймёт, а священнику, судя по всему, происходящее глубоко безразлично.

— Во имя того, что здесь и сейчас, что прошло и что воплотится, да останутся прошлому окончившиеся жизни врагов моих, и да не будет преград у них в следующем рождении. Пусть примут они моё прощение, как боги прощают их. Да не останется...

На самом деле это нужно исключительно мне. Молитва, не важно, кому — древнейший и эффективнейший способ успокоить душу. Лучше разве только танцы и сочинение стихов. Я не люблю творить смерть. Убийство — оно всегда оставляет след. В душе, судьбе, мире... Отняв чужую жизнь, словно навсегда лишаешься чего-то важного. И очень хорошо, что было совершено какое-никакое погребение, а во мне не было ни ненависти, ни упоения. Это значит, что нити Мирового Полотна не порвалось — просто запутались и изменились. А

изменения, даже самые тёмные, не так страшны. Как бы то ни было, они — часть хода вещей. А что до моей души... так что ж, не впервой. Один раз отвергнув неприкосновенность чужой жизни, назад уже не возвращаются. Молитва просто помогает это принять и смириться. Потом несколько дней будет воротить от мяса, да сниться не слишком приятные сны. А случившееся нужно оставить прошлому. Моей вины в нём нет.

Пару минут спустя мы рука об руку выходим из храма.

Сидящий на ступеньках нищй провожает меня тяжёлым взглядом бесцветных, как мутные льдинки, глаз. Мужчине хорошо если исполнилось двадцать пять лет, но лишённое выражения лицо уже испещрили морщины, а едва прикрытое лохмотьями тело истощено до самых последних пределов. Передёргиваюсь — чёрная пыльца и те, кто её употребляет, всегда вызывали у меня плохо сдерживаемую гадливость.

Этот похожий на угольную пыль порошок дарует людям и гномам сладкие грёзы, почти мгновенно убивает ундин и превращает эльфов в берсерков. Получают его из одного практически повсеместно встречающегося растения и, несмотря на строжайший религиозный запрет, чёрную пыльцу можно найти почти в любой лавке травника.

Вечер удался просто божественный — ясный, тёплый, такой по-особому тихий, что, кажется, будто стук шагов по мостовой разносится на многие лиги вокруг. Пребывающая в на удивление хорошем настроении Лерда мурлычет себе под нос какую-то незатейливую песенку и только что не подпрыгивает при ходьбе. Прислушиваюсь. А знакомый мотивчик! И, кстати, весьма неплохо получается. Кто ей сказал, что у неё голоса нет?

— Что поём?

— Да так... — она смущённо отводит глаза, — я от мамы слышала. Название только не помню...

— Я тоже. Но саму песню знаю. Давай вместе!

Мой дом в холмах зелёных, мой дом в высоких травах.

Взбираются по склонам весёлые дубравы.

С рукава слетает сокол — к нам приехал издалёка

Всадник Изумрудноокий из страны лесов высоких —

Там мой дом в зелёных холмах.

На пятой строчке Леренва, наконец, справляется со смущением и чуть неуверенно подхватывает:

— Серебряные шпоры, а плащ, как лист, зелёный.

В кудрях полночно-чёрных жемчужная корона.

С рукава слетает сокол прямо в девичье оконце:

Я приехал издалёка, из краев, где дремлет солнце —

Там мой дом в зелёных холмах

Прохожие оборачиваются. Лерда краснеет, я же лишь беззаботно смеюсь. Люди забудут нас на следующий же день. Какое нам дело до них, когда в воздухе пахнет цветущими вишнями, а тёплый ветер путается в волосах. Хочется бегать по стенам, творить красоту и совершать глупости.

Возьми янтарный перстень, жемчужную корону.

Скорей поедem вместе в мой дом в холмах зеленых.

Там вино в подвалах бродит, там несутся к морю кони,

Виноградной спелой гроздьё звезды падают в ладони.

Там печаль тиха, как вечер, там легенды море шепчет.

Там поёт закатный ветер о давным-давно ушедшем.

Там венки сплетают девы, там играют менестрели.

Там давно собралась гости, ожидая королеву —

Там мой дом в зелёных холмах

Мой дом в зелёных холмах...11

Наши голоса переплетаются, и звонкое эхо теряется в переулках.

На следующее утро, только проснувшись, отправляюсь проведать лошадей. У Звёздочки вчера, кажется, разболталась одна из подков, искать кузнеца было поздно, надо бы сегодня обеспокоиться. Надеюсь, денег хватит. После всех моих трат болты к трофейному арбалету тихо и незаметно отодвигаются в область мечтаний, а в карманах опять звенит лишь горстка перламутра. Ну и десяток янтарём, зашитый в подкладке куртки. Но это — на самый последний предел крайнего случая.

Город готовится к празднику Цветения — одному из трёх главных праздников Альянса, наряду с праздником Урожая и Середины Зимы. Начало года по астайскому календарю, день Младшего-из-Троих, весны, любви и юности. Завтра вечером, сразу после торжественного богослужения, на улицы высыпят празднично одетые горожане с цветущими ветвями в руках. Будут костры, вино, музыка и пляски до рассвета. Ошалевшие от весны и свободы парочки, от подростков до их почтенных родителей, будут целоваться по всем углам, будут потешные поединки, выступления акробатов, бродячих артистов и певцов, и традиционные подарки незнакомцам, разумеется, тоже будут. Восхитительный обычай — готовить к празднику подарки, чтобы в этот день вручать их любому попавшемуся незнакомцу, безо всяких условий и условностей. День Цветения — единственный день в году, когда бедняк может получить золотое кольцо от богатого купца, а родовитая астаэс — простой гребень от младшего ученика резчика по дереву. Мимоходом жалею, что не получится задержаться. Человеческие праздники — явление сумасшедшее и прекрасное, я их люблю всей душой.

Переговоры с кузнецом, к счастью не занимают много времени, как и его работа, и уже через час я снова стучусь в дверь номера. Общего, разумеется, к чему глупые вопросы?!

— Войдите! — глухо доносится из-за двери.

— Доброе утро! — быстрым шагом вхожу в комнату.

— Ой, Мори, это ты?! — Лерда вскакивает с подоконника, торопливо пряча за спину какой-то исписанный листок. Так, писать она умеет. Впрочем, не удивительно. — А я думала, это кто-то из слуг.

— Что это у тебя? — подозрительно присматриваюсь. Бумага и рильда явно позаимствованы из моих вещей, но это же не повод так нервничать!

— Ничего. Так... ничего особенного, — она отчаянно краснеет.

— Покажи, — мне просто любопытно.

— Нет! — девушка комкает в руках лист. — Там ничего интересного!

— Тем более покажи. Обожаю всё неинтересное!

— Ну Мори! Мори! Отдай немедленно!!!

— Сейчас отдам, не волнуйся, — разворачиваю листок одной рукой, второй без труда удерживая девушку на расстоянии. Вчитываюсь. Надо же, стихи! Совсем детские, корявенькие, но есть в них что-то...

— Мори, отдай! Не смотри!! Мори, ну пожалуйста!

— Это ты написала? — возвращаю ей бумагу. Невероятно! Мне, конечно, доводилось слышать, что сильные переживания могут способствовать пробуждению таланта, но чтобы так быстро. Поверить не могу!

— Ну... да. — Лерда сжимает в кулаке злополучный листок. — А что, очень плохо?

— Хорошо! — Хочется подхватить её на руки и закружить по комнате, но такие проявления чувств мне сейчас противопоказаны. Обнимаю девушку за плечи, легонько целую в кончик носа. — Просто замечательно!

— Правда? — растерянная Лерда смотрит на меня округлившимися глазами.

— Конечно! Очень красивые стихи. И очень искренние.

— Спасибо, — она утыкается лбом мне в плечо. — Это первый раз, когда я попробовала что-то записать... Никогда не думала, что смогу. Это о тебе.

— Я понял. Спасибо.

Лерда все ещё прижимается ко мне. Тёплая, вкусно пахнущая молоком и чем-то неопределённо сладким. Хм, карамель? С любопытством зарываюсь носом в её волосы. М-м-м... действительно, карамель. И, кажется, свежие сливки. Кто-то опять поутру крутился у кухни! Глубоко вдыхаю аромат, жмурясь от удовольствия. Какой приятный запах! На завтрак, кажется, будет что-то интригующее. Хор-р-рошшо...

— Мори, ты чего?! — испуганный писк Лерды разом приводит меня в чувство.

— Что? Ой, прости! — торопливо убираю руки. Смущённая девушка отшатывается. — Ладно, пошли завтракать! Учти, это последняя приличная трапеза на ближайшие три-четыре дня. Потом переходим на походно-подножную кормёжку.

— А что такое?

Вздыхаю. Перед ней мне отчего-то даже немного стыдно.

— Сегодня утром я потратил последние деньги.

...Кровь. Тёмная, густая. Она медленно, как-то лениво вытекает из длинных порезов, пятная светлое серебро. Багряный и серебряный — неудачное сочетание. Некрасиво. Режет глаза. Неправильное сочетание, никакой художник его специально не использует. Кровь на серебре... невозможно. Нельзя!..

Встряхиваю головой, отгоняя наваждение. Свет. Солнце. Бок болит. Кони всхрапывают. Лерда опять что-то мурлычет вполголоса.

Я здесь. Сейчас. Нет никакой крови. Нет ничего, просто привиделось.

Потираю виски. Что произошло? Что вообще со мной творится в последнее время?

Неужели пророчество? Передёргиваюсь, словно от налитой за шиворот ледяной воды. Чувствую, как струйка холодного пота медленно стекает между лопаток. Только не ясновидение! Нет, нет, не может быть. Нужно меньше времени проводить на солнце. Это сон, просто сон, он не имеет значения!

Высокий темноволосый мужчина лет тридцати пяти на вид сидел за столом в центре просторного, залитого солнечным светом кабинета и увлечённо что-то писал. Неспешно, тщательно следя за красотой почерка. Не то, чтобы это сейчас имело значение, но магу

просто нравилось соблюдать безупречность даже в мелочах. Закончив, он отложил писчую кисточку и на всякий случай перечитал письмо. Да, пожалуй, всё. Инструкции даже, наверное, излишне подробны, но избыток указаний ещё никому никогда не мешал. Маг сложил послание аккуратным треугольником и прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Привычно потянулся вовнутрь, туда, где в самой сердцевине его существа искрилась, звенела, переливалась сила стихий.словно хрустальный бокал, полный игристого вина. Не отмеряя, он зачерпнул восхитительную силу, перелил на кончики пальцев. Аккуратно огладил воздух вокруг письма и словно вылепил из него изящную серебристую птичку размером с ласточку. Та повертела головкой, глянула на волшебника чёрным внимательным глазом и несколько раз взмахнула крыльями, словно тренируясь. Маг встал и без церемоний сгрёб её со стола. Затем подошёл к открытому окну, выпустил пичугу и долго провожал её взглядом. Такой маленький неуязвимый вестник найдёт адресата даже на другом конце земли и свалится ему прямо в руки сложенным посланием, а чужака, рискнувшего на него покуситься, убьёт быстро и практически неотвратно. Маг улыбнулся. Теперь оставалось только ждать.

Тучи начали сгущаться после полудня, а к вечеру всё небо от горизонта до горизонта уже затянуто ровным тёмно-серым слоем. Мы с Лердой не сговариваясь подхлёстываем коней. Дорога вьётся по редколесью, признаков жилья всё не попадается.

Мне давно не доводилось бывать в этих местах, и расположение всевозможных мелких деревушек сильно изменилось.

— Скоро дождь начнётся, — тревожно покосилась на небо Лерда.

— Ага. И это очень не ко времени.

— Почему? — рассеяно поинтересовалась девушка.

— Промокнем. Переночевать-то негде!

Я-то ладно, переживу, а вот лошади... Да и Лерда наверняка простудится.

— И неужели ни в одной из ближайших деревень у тебя не найдётся никакого хорошего знакомого, который пустит нас переночевать? — какие, не побоюсь этого слова, невиннейшие глаза!

Язви-язви. Вот нарочно оставлю под дождём — будешь знать.

— К сожалению, в близлежащих нет. О! Придумал! За ночлег можно будет тобой расплатиться.

— Что-о?!

— Огород там прополоть, корову подоить... Лерда, ты коров доить умеешь?

— Мори!

Посмеиваюсь. Кажется, дразнить её стало моей новой вредной привычкой.

— Кстати, о знакомых. — Дорога круто сворачивает. — Никогда не поздно ими обзавестись!

Застрявшая в колее телега с сеном кажется мне подарком от самой богини судьбы. Её владелец, на все корки честивший бестолковую лошадь, неудачный день и всех ТроиХ по очереди и в сочетаниях, как раз пытается её оттуда вытолкнуть. Немолодой уже селянин, не богатый, но опрятно одетый, лицо в меру добродушное. Глаза умные — хороший признак.

— Помочь?

Крестьянин настороженно косится на меня. Оценивает взглядом породистого коня и

добротную куртку и на всякий случай кланяется. Неглубоко. Так, чтоб обозначить.

— Ну, ежели не побрезгуете.

Спрыгиваю на землю.

Вдвоём дело идёт заметно веселее и уже через пару минут телега стоит ровно, готовая к продолжению пути.

— Не знаю, как и благодарить вас, таэ. А то битый час с ней, окаянной, мучился, думал — до темноты домой не доберусь. А главное — в десяти шагах от дома, вот что обидно.

— Так вы здесь живёте? — выражение лица открытое и дружелюбное, в глазах неподдельный интерес. Хорошо бы перед этим ещё парой фраз о жизни с собеседником перекинуться, но и без этого может получиться.

— Ну да. Во-он там, за рощей, моя деревня.

— Тогда не подскажите, где здесь можно дождь переждать? Сами поглядите, тучи какие. Вот-вот польёт.

Напрашиваясь на ночлег, главное не наглеть и ни о чём не просить прямо. Человек тебе сам всё предложит, если подобрать правильный тон и достаточно располагающую улыбку.

— Я уж думала, ты его уговоришь нам весь свой дом уступить, — Лерда хихикает. — И накормить в честь знакомства.

За стенами умиротворяюще шуршит дождь. Сильно пахнет сеном и пылью.

— Ну, знаешь ли! Я, конечно, существо обаятельное, но не маг и не всемогущий. Прости уж!

— Не маг, говоришь? — девушка поворачивается ко мне. — Знаешь, я иногда в этом уже сомневаться начинаю. Как ты его уговорил?

— Знаю людей хорошо, — закидываю руки за голову.

— М-м-м... мне иногда интересно, а есть ли вообще что-нибудь, что ты не знаешь, не можешь или не умеешь.

Смеюсь. Мы вот уже почти полчаса с удовольствием валяемся на сеновале, слушая шелест дождевых капель по крыше и доносящееся снизу сонное фырканье лошадей.

— Я не божество.

— Угу. Ты незаконнорожденный сын эльфийского правителя. Или потомок какого-нибудь Дитя Звезды.

Прикусываю подвернувшуюся соломинку, улыбаюсь уголками губ. Странно, но болезненная тема на сей раз не вызывает у меня привычного отторжения. Кто знает, почему. Возможно потому, что впервые за Бездна знает сколько лет, рядом со мной человек, который верит.

— Во-первых, эльфийские правители называются князьями. И у всех у них фамильная черта — серебристые волосы. Метка высшей аристократии. А Дети Звезды вообще не появлялись на свет традиционным способом. Сама знаешь, знатоки до сих пор спорят, откуда они брались.

— Знаешь, в замке у господина я видела несколько их изображений, — Лерда с шуршанием ворочается, устраиваясь поудобнее. — По-моему, они были похожи на эльфов.

Если я хоть что-то в этой жизни понимаю, портреты, по которым можно что-то понять, должны быть из поздних эпох, сделанными по легендам. Портрет, написанный с натуры вряд ли способен сохраниться до нашего времени.

— Разве? На мой взгляд — не слишком. Разве что чертами лица...

— Ага, — откуда это знаю я, она, как ни странно, не спросила. — Такие же ненормально красивые. Если не обращать внимания на цвет кожи и клыки — похоже. Да и в обычаях было, говорят, что-то общее...

— От эльфов они были далеки столь же, сколь и от прочих народов.

Эльфы! Эльфы, по сути, не так уж отличны от людей или гномов. Разве что помнят чуть больше, да стареют чуть иначе. Из четырёх, существующих на данный момент рас, ни одна принципиально не отличается от прочих.

Прикрываю глаза, чувствуя, как напряжение последних дней медленно растворяется, словно соль в воде. Дождь. Покой. Безопасность. Хорош-ш-шо... Я знаю, что это всего лишь самообман, но иногда позволяю себе такие вот маленькие вольности. Просто закрыть глаза, и представить, что всё в порядке. Что я всё ещё...

— Мори, а он не придет? — едва слышный шёпот бесцеремонно вырывает меня из дремоты.

— М-м-м?

— Тот полуэльф. Говорят, что духи убитых... ну... приходят. В снах.

Она замолкает. Скашиваю глаза. Лерда лежит на подстеленном плаще свернувшись калачиком и глядит прямо перед собой широко раскрытыми, настороженными глазами. Ох, детёныш, не о том ты думаешь!

Поворачиваюсь на бок, протягиваю руку и осторожно, как к чему-то очень хрупкому, прикасаюсь к ее плечу.

— Лерда, ты в богов веришь?

— Э-э... ну... а ты это к чему?

— Ясно. Я так примерно и предполагал.

Стараясь не потревожить рану, придвигаюсь ближе, прижимаю доверчиво расслабившуюся девочку к себе.

— Мёртвых больше нет, понимаешь, Лерда? Их нет. Они все ушли на Ту Сторону. Он ушёл из этого мира, и ты больше перед ним не виновата. Просто потому, что ему теперь всё равно. Он не придёт.

Мягкие, как тополиный пух, волосы щекочут подбородок. Котёнок, да и только! Вот-вот мурлыкать начнёт.

— Единственный, перед кем ты в ответе, это ты сама. И это ты придёшь в свои сны, станешь у изголовья, и спросишь: «почему?». Ты перед собой в ответе, понимаешь, малыш? И теперь ты просто будешь помнить. Всю жизнь, до последнего вдоха.

Так внимательно слушает! Даже дыхание затаила.

— Многие пытаются забыть или оправдаться, но это неправильно. Память не подкупишь, а прореха в душе только растёт. Другие до конца жизни мучаются от чувства вины, а это страшно, это разрушает, подобно яду. Прими то, что случилось. Вспомни, как уходила жизнь из его тела, как она стекала по твоим пальцам. Живи с этим. И прости себя, ведь больше тебя простить некому. Если ты сейчас согласишься навсегда запомнить ту смерть, то потом сотню раз подумаешь, прежде чем покушаться на чужую жизнь.

— Мори, а ты помнишь всех, кого убил?

— Каждого.

Мы так и засыпаем под шум дождя, тесно прижавшись друг к другу и завернувшись в одно одеяло.

— Лерда?

— М-м-м?...

— Как имя твоего господина?

— Дэррик... Виттанийский...

Спи, девочка. Спасибо.

Серый Замок появляется на горизонте к исходу следующего дня. Серый он, кстати, не потому что из серых камней (хотя и это имеет место), а потому, что в середине лета в здешних пустошах цветёт одна на редкость неприятная травка с серой, легко разносящейся по ветру пылью. Так что две недели в году серые здесь не только стены, но и воины, лошади и оружие. Нам повезло, что до этого ещё далеко. Огромное каменное строение, задуманное и выстроенное для обороны южных границ Альянса Астэ, крупнейшая из цепи крепостей, протянувшейся на границе со степью, высилось посреди равнины, почти подавляя своими размерами. Ставшая широкой и медлительной Виольна огибает его, ограждая с трёх сторон и круто поворачивает, становясь естественной границей между Альянсом Астэ и территориями, подконтрольными степнякам. Мост через неё, каменный и отменно укрепленный, выглядит как часть оборонительных сооружений. Переправиться через реку можно только тут — сносного брода поблизости даже в разгар засушливого лета не найти, а деревьев на том берегу слишком мало, чтобы построить плот или лодку. Солдаты Шенгреила за этим тщательно следят, регулярно вырубая и подпаливая прибрежные заросли.

Жмуцаяся к подножью замка деревушка кажется пёстрой кошкой у ног хозяина. Высокие башни, толстые стены, полощущийся по ветру флаг. Приспущен — значит хозяин в отъезде. Что ж, будем надеяться, хоть кто-то из семьи астаэ дома.

— Ух ты! — выдохнула Лерда. — Какой большой!

— Ещё бы! — поворачиваю к ней голову. — Столица, как-никак.

Вообще-то Шенгреил нельзя назвать полноценным астаем. Полоска земли на границе со степями, города — крепости, и жители, с пелёнок умеющие сражаться. Приграничье, рубеж. Шенгреил от Дикой Степи по большей части отделяет Виольна, и крепости почти всегда стоят рядом с мостами или бродами. Здешний мост по обоим концам венчают высокие башни с постами стрелков, а часть его можно было в любой момент поднять, отрезав замок от противоположного берега.

— Почти приехали! — достаю из внутреннего кармана куртки шкатулку, после недолгих поисков извлекаю на свет тонкой работы брошь для плаща в форме полураспустившейся лилии. Встряхиваю поводьями, подгоняя коня. — Хэй!

— Мори, подожди! — доносится до меня испуганный голос Леренвы. — Да стой же!

Стражники у ворот мне как ни странно незнакомы. Молодые, наверняка едва закончившие обучение. Спешиваюсь, приветливо киваю напрягшимся воинам.

— Кто вы и зачем прибыли в Серый Замок? — в меру надменно вопрошает один из них, тот, что повыше и, вроде как, поопытнее. Второй с подозрительным видом шурит глаза, в основном почему-то на Лерду.

— Привет, Сора дома?

Стражник, кажется, теряется. Повторяет слегка повысив тон:

— Назовите себя!

— Если дома, передайте, пожалуйста, что я приехал.

Судя по взгляду стражника, он явно считает, что у меня не всё в порядке с головой. Посмеиваюсь. Лерда за моей спиной, кажется, готова с ним согласится. А, между прочим, выделяюсь я исключительно перед ней. Бездна знает, с чего, настроение подходящее.

— Орин! — с крепостной стены рискованно свешивается девушка в дорогих доспехах. Подхватывает упавший на глаза шлем и продолжает ещё громче: — Впустите его немедленно!

Во внутреннем дворе замка на меня с визгом кидается закованный в кожу и железо сгусток темперамента.

— Вернулся!

Обнимаю девушку в ответ, спиной чувствуя ревнивый взгляд Леренвы. Кажется, до этого момента она была искренне уверена, что обладает исключительным правом виснуть на моей шее.

— Как же я по тебе соскучилась!

— Здравствуй, Бельчонок, — детское прозвище заставляет её возмущенно фыркнуть. Ну да, конечно, мы же уже взрослая славная воительница, целых семнадцать лет.

Стражники, те, что помоложе, недоумевающее косятся. Старшие, не первый год знающие и её и меня, лишь добродушно усмеваются. Глупо придерживаться ритуалов с девушкой, которую помнишь пищащим младенчиком в пелёнках.

Тёмно-рыжие косы, чистое, аристократически правильное лицо, невысокий для жительницы южных астаев рост — эта юная воительница на самом деле дитя весьма благородных кровей. Дочь астаэ от первого брака, носящая традиционное для старших дочек правителей Серого Замка имя — Альрэна ас'Шенгреил.

— Тётушке уже доложили, она будет ждать. — Тётушкой Белка называет вторую жену своего отца, астаэс12 Сорану ас'Шенгреил и, вопреки всем сказкам о мачехах и падчерицах, очень любит.

— Замечательно! Сейчас, только лошадей в конюшню поставим.

Не то, чтобы я здешним конюхам не доверяю, но последние дни я усиленно обучаю Лерду правильному уходу за её кобылкой. Хочется, чтобы Звёздочка считала Леренву другом, а не хозяйкой. Хозяйка для животного из неё, при её характере, никакая, а вот взаимное уважение должно получиться. — Кстати, знакомься, это Лерда.

Прячущаяся за моей спиной Леренва сковано кивает. Альрэна широко улыбнувшись, наконец, отцепляется от меня.

— Здравствуй! Я Альрэна. Можно Альра. Будем друзьями?

Леренва растерянно оглядывается на меня. Ободряюще улыбаюсь — привыкай, у неё в семье все такие.

— Ах да! — запускаю руку в карман куртки, — Ну-ка, протяни ладошку.

Достаю из кармана брошь, подношу к Белкиной руке и, мгновение помедлив, разжимаю пальцы. Лерда за моей спиной почти беззвучно шипит, словно закипающий чайник.

— О-ой! — будущая астаэс держит подарок двумя руками, в горсти, словно боясь уронить. — Как ты узнал?

Таинственно улыбаюсь. Лилия — символ женщины-рыцаря.

— Когда посвятили? — в тот момент, когда кто-нибудь из семьи властелинов Серого Замка не сможет стать рыцарем Храма, я побреюсь налысо!

— В самом начале весны, как испытания прошла. Я уж думала, не разрешат — Святой

Проводник считает, что женщина не может сражаться столь же самоотверженно, как мужчина. Но я им всем показала!

Нынешний Святой Проводник вообще женщин, похоже, за что-то недолюбливает. Всего десять лет у власти, а уже успел запретить им занимать высшие церковные должности и командовать отрядами больше ста человек.

В приённом зале замка нас уже ждут. Повелительница окидывает нашу пропылённую компанию оценивающим взглядом, потом переводит взгляд на приёмную дочь и приподнимает бровь. Белка мигом сооружает на мордочке раскаяние и опрометью бросается на самовольно оставленный пост. После этого астаэс наконец-то обращается ко мне.

— Явился, красавец! — на меня надвигается гора мускулов в кожаных штанах и сильно запылённой рубашке с закатанными рукавами — судя по всему, Сора только что вернулась с тренировки. Лучше неё мечом в Шенгреиле до сих пор владеет только её супруг.

— Доброго дня. Всё хорошеете, астаэс Сорана! — задираю голову. Нет, на рост я не жалуясь (всё равно бесполезно), но для того чтобы взглянуть в лицо этой женщине нужно постараться подавляющему большинству мужчин. Знакомьтесь, Сорана, полноправная хозяйка замка Шенгреил, женщина видная, причём во всех смыслах. Гвардейский рост, бычья сила, громовой командный голос и почти два десятилетия воинской службы за плечами. Сначала в гвардии Шенгреила, затем командиром личной охраны астаэс, где он с ней, собственно, и познакомился. Ка-а-акой был скандал, когда они поженились!

— Астаэс, тоже мне, повелительницу нашёл! Ну, здравствуй, подлиза! — с этими словами меня бесцеремонно сгребают в охапку и прижимают к необъятных размеров груди.

— Кхе-кхе, я тоже... рад... кхе... видеть... Сора, задушишь!

— Вот ещё! — женщина ничуть не смущается, но на землю меня всё же возвращает. Мы с ней близкие друзья уже лет двадцать, так что обращаться со мной как с тряпичной куклой она имеет полное право. — Аргис в отъезде, будет через пару недель. Я распоряджусь, чтобы вам комнаты приготовили.

— Буду очень признателен. Кстати, познакомься, это Леренва, моя спутница. Лерда, это Сорана, здешняя хозяйка. Прошу любить и жаловать.

— Рада встрече! — Сорана не церемонясь, протягивает девушке широкую, твёрдую как дерево ладонь. Рукопожатие — приветствие воинов, Лерда его раньше только разве что со стороны могла видеть, но отвечает не колеблясь.

— Неужто зазнобу, наконец, завёл? — Сора как всегда бесцеремонна. Двенадцать лет в ранге астаэстак и не сделали из неё аристократку.

Лерда смущается, но не протестует.

Пренебрежительно фыркаю, возводя глаза к потолку — женщины! Дай Соране волю, она бы уже давно меня на ком-нибудь женила, причём моим мнением по этому вопросу даже не поинтересовавшись.

— По делу или в гости? — без лишних церемоний спрашивает Сора.

— Прости, друг, по делу. Можно будет библиотекой воспользоваться?

— Прямо сейчас?

— Очень смешно! Я задержусь денька на четыре, ты не возражаешь?

Разумеется, она не возражает.

Неписаное правило для всех моих достаточно длительных визитов в дома друзей —

первый день я отдыхаю, послав в Бездну все заботы и планы. Местом отдыха на данный момент служит ванна с горячей ароматизированной водой. Знаю — немужественно. Категорически не подходит для воина и говорит о прямо-таки неприличной изнеженности. Но, во-первых, изредка можно своим слабостям и поддаться, а во-вторых, на людское мнение мне всегда было... как бы это помягче...

— Мори, можно к тебе?

— Нет!

Поздно. В комнату проскальзывает нагруженная стопкой чистых полотенец Леренва. От своих обязанностей в отношении меня она даже здесь отказываться не желает.

Торопливо сползаю в воду по самый подбородок, скашиваю на неё глаза

— Лерда!

— Ой! — девушка зажмуривается. — Я не смотрю, не смотрю.

Она на ощупь пристраивает полотенца на ближайшей лавке, ухитрившись ничего не уронить. То ли чудом, то ли всё-таки подглядывает.

— Мори... — Лерда заканчивает возиться с полотенцами, но зачем-то остаётся в комнате, только отворачивается к дверям. — Мори, скажи, а как у тебя всё это получается?

— Что?

— Ну, они тут такие замечательные... и астаэс, и Альра.

Так, с наследницей она уже явно успела пообщаться и довольно близко. Хотя, скорее, это Белка с нею пообщалась. Вот и хорошо. Мне уж казалось — будут друг на друга ревниво шипеть не меньше недели.

— И до этого. Дорена, её муж... как у тебя получается, что вокруг тебя столько хороших людей?

Не всегда, малышка, отнюдь не всегда.

— Хороших людей нужно искать, понимаешь? А найдя — держаться за них всеми силами.

И всё же её присутствие меня нервирует. Под водой подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками, стараясь свернуться как можно плотнее.

— И я... спросить хотела, — она замолкает, собираясь с мыслями. — Ты решил... ну, насчёт меня?

— Давай завтра, а?

— Ладно.

Она, наконец, выходит, позволяя мне выбраться из воды и завернуться в полотенце. Настроение испорчено. Ну не знаю я, как ей сказать, что всё ещё неделю назад решено было! Ладно, подумаю завтра. На сегодняшний вечер у меня другие, куда более приятные планы.

— А эта девушка, Лерда, она действительно твоя подруга? — Сорана отпивает вина. Довольно жмурится, катая на языке изысканный напиток.

Это что-то вроде традиции — пить с ней каждый раз, как приезжаю. Обычно к нам еще астаэ присоединяется, но сегодня мы празднуем мое появление наедине друг с другом.

— Да нет. Так, подопечная, —жимаю плечами и отправляю в рот ломтик сыра, попростому ухватив его рукой. Мы с правительницей вполне уютно сидим в одной из малых гостиных, разделённые небольшим столиком с закусками и вином. Уютно потрескивает пламя в камине, несколько толстых белых свечей разгоняют мрак вокруг стола, он отступает в углы комнаты и скапливается там, стусившись, как патока. Ни стражников, ни дам из

свиты астаэс (в Шенгреиле эти две категории людей по большей части смешиваются), мы только вдвоём. Неслыханное нарушение приличий для любого астая, кроме приграничного. — Скорее, что-то вроде младшей сестрёнки.

— Зря, тебе давно пора хоть кого-то завести, — астаэс смотрит мне прямо в глаза, серьёзно и строго. Посторонних нет, а значит можно поднимать темы, обычно избегаемые. — Не жену, так хоть любовницу постоянную.

Так ведь и поперхнуться можно!

— Сора, не начинай! — ну как ей объяснить, что мне и так неплохо?

— Не нуди, я знаю, что говорю. Долго будешь бобылём ходить?

— Сколько хочу, столько и буду! — одним махом допиваю вино в своём бокале. — И вообще, с чего ты взяла, что у меня в Ллевельдеиле никого нет?

— С того и взяла, что нет. Был бы кто, ты бы по человеческим землям годами не мыкался. — Всё намного сложнее, Сорана. Намного. — Я, знаешь ли, в последнее время подозревать начала, а, может, ты в принципе на женщин не смотришь?

— Да тьфу на тебя, Сора, что говоришь!

— А что? Про вас, остроухих, мно-ого интересного рассказывают, — криво усмехается она. Лицо у неё в такие моменты становится совершенно разбойничьим, даже след давнего перелома на переносице заметнее.

— Про судьбу тех, кто рассказывал, тоже много чего интересного болтают, знаешь ли! — Неуклюже перевожу разговор: — Про себя лучше расскажи, где супруг, как дети?

— Да в Аранне Аргис, дела у него там. Будет со Святым Проводником увеличение гарнизона обговаривать. — Муж Сораны, как ни странно, отнюдь не тихий забитый книжник, как многие, глядя на неё, предполагают. По габаритам Аргис превосходит супругу раза этак в полтора, всем своим обликом до безумия напоминая порядочных размеров медведя. Шенгреил — пограничный астай, здесь другие не выживают. А изнеженные аристократки из центра Альянса склонны сбегать с любовниками через полтора года после свадьбы. Аргис один раз на политическом браке обжёгся и ошибок решил не повторять, плюнув на выгоды и сделав предложение командиру своих телохранителей. Ох, что на это в Аранне сказали... Впрочем, сделать ничего не смогли — Шенгреилский Советник его поддержал, а в законах ничего против не нашлось.

Друг друга правители любят совершенно искренне, и трое замечательных детей тому подтверждение.

— Младшие с ним. Старшую ты видел. — Для Соры Белка — дочь, как-никак с пяти лет воспитывает. — Она, кстати, меньше чем через десятидневье собирается с отрядом границу патрулировать.

Охрана южных границ — основное назначение астая Шенгреил, благословленное Святым Проводником. Ради этого здешним астаэ даже прощают некоторые вольности.

Согласно церковным правилам, любой претендент на трон астая должен либо пять лет прожить послушником в главном храме, либо три года отслужить в войсках Аранны, к которым, кстати, приписано почти всё шенгреильское население.

Нет нужды уточнять, что все три дочери астаэ избрали воинскую службу. Младшим до посвящения всего несколько лет осталась. Сына же станут всерьёз учить воинскому искусству лишь через год, но мальчик уже демонстрирует неплохие задатки. Впрочем, в их роду все были совершенно потрясающими воителями.

— Ясно. На границе спокойно?

— Да, вполне, — Сора сдувает упавшую на глаза иссиня-чёрную прядь и задумчиво дёргает себя за одну из небольших изумрудных сережек — родового украшения астаэ Шенгреила. Она отдаст их Альрэне в день её свадьбы. — С Лленвельдеилом мы недавно соглашение на поставку кожаных доспехов заключили, конфликтовать смысла нет. Степняки, правда, пошаливают, но мы с ними испокон веку на ножах. Справится девочка.

— Конечно. Она же вся в тебя!

— За то и выпьем!

Даже самое хорошее вино в больших количествах негативно влияет на координацию движений. Это если по-учёному. По-простому — мы с Сораной здорово перебрали. Ашшианские цветочные вина — коварная штука, на вкус лёгкие, а в голову бьют серьёзно. И если Соре достаточно было всего лишь дойти до соседней комнаты и там рухнуть на постель, то мне добираться до своих покоев нужно чуть ли не через весь замок. Дорогу удлиняет ещё и то, что непокорные ноги никак не желают нести меня в правильном направлении, так и норовя отклониться от курса или запнуться о ковёр. Кажется, пару раз они всё-таки свернули не туда. Портретной галереи властителей Шенгреила на моем пути точно изначально не планировалось.

Неспешно прохожу вдоль ряда картин. Их не так много, роду нынешних астаэ меньше ста лет. Разные лица. Молодые и старые, по большей части привлекательные, нарисованные с большим или меньшим мастерством. Останавливаюсь у одного из самых старых полотен. Хмель немного выветрился, так что стою почти ровно.

Немолодой уже человек. Строгое, волевое лицо, присыпанные сединой каштановые волосы, массивная фигура, больше подходящая для ношения доспехов, чем расшитого золотом парадного камзола. Эрвин ас'Шенгреил. Великолепный воин, мудрый и благородный правитель... весьма энергичный ребенок с неистребимой склонностью к проказам.

Чуть поодаль портрет его матери, первой астаэ Серого Замка Альрэны ас'Шенгреил. В разное время было сделано несколько её изображений, но здесь висит самое раннее. С задумчивым видом стоящая у окна молодая женщина, одетая в многослойное парадное одеяние, сидящее на ней так, словно оно ей в тягость. Из отороченных кружевами рукавов выглядывают кисти рук, слишком крупные для аристократки. На правом запястье — вычурный свадебный браслет красного золота. В больших светло-серых глазах — лёгкая растерянность, точно она не вполне понимает, как и зачем здесь оказалась. От этого вид у неё трогательный и отчего-то грустный.

Приветственно улыбаюсь. Сильная и прекрасная женщина. Одна из самых сильных, каких мне доводилось встречать.

Рядом — последнее полотно, изображающее основателя рода. Не слишком удачно — художник явно не мог похвастаться мастерством, да и сходство с оригиналом достаточно отдалённое. Неестественно выпрямленная, застывшая в какой-то деревянной позе фигура, затянутая в чёрно-синий костюм, подчеркивающий бледную до полупрозрачности кожу. Длинные угольно-чёрные волосы собраны в высокий хвост, резковатое худое лицо можно назвать красивым, но очень странной, нечеловеческой красотой. Встречаюсь взглядом со светло-зелёными глазами на картине.

— Ну что, Орин ас'Шенгреил, неплохо наша семейка преуспела? Что рожу такую надменную скорчил? Не рад?

Хихикаю. Не стоило столько пить.

— А я вот радуюсь. Всё-таки удачно тогда получилось дорогу срезать.

Старое грустное воспоминание. Неприятное, пожалуй.

Залитая солнцем лесная поляна. Окровавленное тело у корней дуба — совсем молоденькая девушка в разорванном платье, обхватившая обеими руками непомерно огромный живот. Я до сих пор не знаю, что с ней произошло, и от кого она убегала, не обращая внимания на хлещущие ветви. Да и не до того было — когда безумные от боли глаза взглянули мне в лицо, умоляя о спасении. Не своём — одного взгляда было достаточно чтобы понять, что она доживала последние минуты — крохотного создания, властно стучащегося в этот мир.

...Кровь на траве, так много... скользкое, извивающееся тельце в руках, живое, какое счастье, всё-таки живое... слабый, прерывистый писк новорождённого...

Когда под вечер мы с младенцем вышли к человеческому селению, никто не верил, что этот щедущий комочек плоти останется жить. Полное десятидневье мы с приютившей меня молодой вдовой выхаживали новорождённого, а когда стало ясно, что ребёнок выживет, отправились в столицу астая Шенгреил. Прошлый владелец этих земель скончался, не оставив наследника, и титул астаэ даровали мне, как лучшему рыцарей Храма. Собственно, путь через тот лес был для меня всего лишь попыткой сократить дорогу до своих владений.

Альрэна присоединилась ко мне. Изначально — в качестве кормилицы для маленького Эрвина (её ребенок умер вскоре после рождения). Впрочем, в Серый Замок она въехала уже полноправной хозяйкой, астаэс и законной матерью наследника.

Любви между нами не было. Ни в одном из смыслов этого слова. Лишь прохладное взаимоуважение равных и чуждых. Но она оказалась достаточно умна, чтобы принять титул и обязанности астаэс, став более чем достойной правительницей. До сих пор ею восхищаюсь.

Спустя двадцать пять лет Эрвин стал достаточно взрослым, чтобы принять от меня власть над астаем, дав мне возможность наконец-то «умереть», избавившись от надоевшей роли. С тех пор я — что-то вроде тайного духа-хранителя семьи. Заезжаю регулярно, каждые несколько лет, иногда помогаю и советую, чаще — нянчу потомков, разрешаю семейные конфликты и слежу за сменой поколений. Серый Замок нельзя в полной мере назвать моим домом, но мне нравится бывать здесь.

Традиционно ранний завтрак проходит в трагическом молчании. Мы с Сораной маемся головной болью, сидя над пустыми тарелками. Лерда и Альрэна украдкой позёвывают — насколько мне известно, вчера они почти до утра болтали, обосновавшись в Белкиной комнате.

— Ну как всегда. Орин приехал — бардак вернулся! — комментирует со своего места Рениан — Советник властителей Шенгреила. Неизвестно с чего избравшая служение богам языкатая ехидна — двоюродный младший братец Аргиса, занимавший в юности почётную

должность семейной головной боли.

Искренне сожалею, что стол такой длинный и широкий. И что таскать за уши пожилого заслуженного человека как-то не принято.

— Можно подумать, в моё отсутствие у вас тут образцовый порядок, — отхлебываю воды, мимоходом пожалев, что кубок такой маленький. — И поти-и-ише, я тебя порошу.

Девчонки прыскают. Рениан закатывает глаза.

— Похмелились бы, страдальцы.

Нас двоих синхронно передёргивает — о чём-то крепче воды даже думать не хочется. Ну не умею я пить! И Сора тоже, хоть и тщательно скрывает. Когда в попойке участвует Аргис это не проблема — он пьёт за всех троих. Но вот на двоих вина приходится заметно больше привычной нормы.

— Везёт же тебе! — невольно вырывается у меня. — Ты от этих мук по законам церкви избавлен.

Рениан в ответ лишь усмехается — согласно написанному ещё во времена становления веры Трёх Братьев «Уложению о правилах, кои должен соблюдать благочестивый слуга Трёх», священникам категорически запрещено затуманивать разум, дабы не оскорблять связь своей души с божествами. Им, кстати, и в брак вступать нельзя по той же причине. Правила этого уложения сейчас куда чаще тайком нарушаются, чем соблюдаются, но Рениан, как ни странно, один из немногих священнослужителей, скрупулёзно исполняющих все пункты.

После завтрака Белка с Лердой уносятся осматривать замок. Я же, прихватив кувшин воды и кружку (Советник усмехнулся, но, почему-то, смолчал), поднимаюсь в библиотеку.

Просторное светлое помещение, высокие, до самого потолка, книжные шкафы. Чтение астаэ Шенгреила любят почти так же, как и сражения. Ещё начиная с — хм — основателя рода. Мне ужасно хочется порыться на полках, полистать книги, узнать, что тут нового появилось со времён моего последнего визита. Одёргиваю себя — сначала дело.

Пристраиваю воду на стол у окна, только после этого обратив внимание на лежащую там книгу. Небрежно пролистав, натываюсь на иллюстрацию — очень большой и очень рыжий парень, увлеченно целующий невероятно красивое черноволосое создание мужского, кажется, пола. Фыркаю — ну, Белка, ну оригинал! Интересно, а Сора знает? Отложив книгу на край стола, отхожу к одному из дальних шкафов. В определённом порядке нажимаю на пластинки яшмовой инкрустации — полки с книгами разъезжаются в стороны, открывая второй ряд. У каждого астаэ есть подобная подборка — секретные документы, досье на других правителей и, разумеется, наиболее известных магов. Вот последние меня как раз и интересуют. Стребаю с нижней полки стопку тяжёлых томов и возвращаюсь к столу. Где-то здесь затерялись несколько страниц с биографией и возможностями некоего Дэррика Виттанийского. Со вздохом открываю первую из подборок — начнём с самых древних.

Солнечные квадраты неспешно ползут по комнате. От стены к столу. По рассыпанным бумагам, книгам, мне. Стекают на пол и продолжают неторопливый путь к породившему их высокому окну. Когда они уже почти совсем исчезают под подоконником, меня отвлекают лёгкие шаги за спиной. Двое. Крадутся. Один — умело, другой старательно. Явились, плутовки! Продолжаю как ни в чём не бывало перелистывать страницы, прислушиваясь к происходящему за спиной.

Мелкие, осторожные шажки, сдавленное хихиканье, тёплые ладошки, закрывшие мне глаза...

— Лерда.

— Как узнал? — Леренва отнимает руки от моего лица, с довольным вздохом обнимает, прижавшись к спине и уткнувшись носом в волосы за ухом.

— У Белки походка другая. И ладони в мозолях от меча. Не так ли?

— Ну да, — Альрэна обходит стол с другой стороны и осторожно пристраивает на нем уставленный тарелками поднос. — Ты обед пропустил. Как изыскания?

— Пока никак.

Тут Белка замечает провокационную книжку и, покраснев, воровато прячет её в складках юбки. Ага. Сора не знает.

— А что ты ищешь? — Лерда, заглядывает в книгу из-за моего плеча.

— Ничего конкретного. — Перевожу взгляд на поднос: большой дымящийся чайник, чудесно пахнущий незнакомыми травами, сливки, варенье, внушительная горка блинчиков. — Спасибо. Чья была идея?

— Её! — с готовностью ябедничает наследница астаэ. — Нерегулярное питание, оказывается, вредно для здоровья.

— Но ведь и правда вредно!

Сдвигаю бумаги в сторону:

— Присоединяйтесь!

Лерда смущается:

— А мы как бы уже.

Ага. А две лишних кружки — это так, по ошибке поставили. Белка тем временем, не церемонясь, притаскивает ещё два стула и со скрипом придвигает их столу, по пути украдкой сунув припрятанную книгу на одну из нижних полок.

— А ты мелиссой пахнешь! — Лерда отстраняется и, наконец, садится рядом со мной. — И розмарином. Как так получается?

— Книжной пылью ещё не до конца пропитался. Ну что, весь замок осмотрели?

— Нет ещё. Большой он очень.

— Да ты что! Только верхние этажи! Наш замок целиком и за неделю не облазишь.

Под увлечённое обсуждение достоинств Серого замка воздаём должное блинчикам. Про себя удивляюсь, насколько быстро эти девушки наши общий язык. Впрочем, Белку не любить невозможно. Надеюсь, Леренва будет на неё похожа, когда немного подрастёт.

По закону всемирной подлости и, не иначе, личному распоряжению некоей стервозной небожительницы, нужный мне маг находится в последней из книг, когда в небесах уже разгорался костёр заката, а девушки давно отправились осматривать неисследованные части замка.

«Дэррик Виттанийский, старший магистр, один из Правящий Десятки. Родился за пятьдесят два года до основания Альянса в крестьянской семье в Сэлисе. В возрасте семнадцати лет ушёл из дома и начал обучение магии».

Значит, ему сейчас сто семьдесят пять лет. Для мага — возраст солидный, но ещё не старость.

«Обучался непосредственно в Аранне, наставник...» Так, это не важно. «Магистерская работа...» — А вот это уже интереснее — «Совместимость магических способностей и природного таланта». Несовместимы абсолютно. Ни один маг не может создать ничего великого или настоящего. разве что скопировать при помощи колдовства.

«Семьи нет и никогда не было, о постоянных любовных связях информации нет. Признанных потомков не имеет. Дружеских отношений ни с кем кроме бывших учеников не поддерживает, со своим наставником враждовал вплоть до смерти последнего. На данный момент проживает на берегу Эльденского залива в удалённом от людского жилья поместье «Фиолетовая раковина», полностью закрытом для визитов. Даже переговоры с коллегами предпочитает проводить на нейтральной территории. Согласно косвенным сведениям «Фиолетовая раковина» находится на участке побережья между Рисном и устьем Виольны, но точное местоположение его неизвестно». Жаль. Ладно, местные наверняка знают, если пораспрашивать. Не о самом поместье, так о каком-нибудь холме или долине, куда издревле запрещено ходить.

«Характер увлекающийся, в делах, касающихся своих исследований несколько фанатичен. К избранной цели идёт, не считаясь с потерями». Далее описание нескольких инцидентов с его участием. Занятно, но малоинформативно. «В качестве союзника может быть неудобен, как враг — крайне опасен. Умён, но склонен не обращать внимания на не относящиеся к занимающей его проблеме факторы.

Был наставником у...» Не стоит внимания.

Вытаскиваю из ящика стола лист тростниковой бумаги, кисть и тушечницу, аккуратно выписываю нужные мне сведения, автоматически переводя на эльфийский. Писчие кисточки и тушь люди у эльфов заимствовали давным-давно, но мне до сих пор привычнее писать кистью эльфийскую вязь, для человеческих языков оставляя перо или рильду.

Уже лучше. Я знаю имя и то, как найти дом врага. Я могу бросить ему вызов.

Тем же вечером Рениан нашёл меня на верхней площадке одной из башен.

— Вот скажи, — он опирается на ограждение рядом со мной, растрёпанную полуседую гриву колышет ветром, — Ты можешь не впутываться в неприятности?

— С чего ты решил, что у меня проблемы? — задумчиво вглядываюсь вдаль. Закат отгорел, и первые звёзды уже различимы в густой синеве небес. Небо ясное, ни облачка.

— А можно подумать, у тебя бывают периоды, когда их нет? — он иронично приподнимает бровь. — Или боком ты на сучок напоролся? С кем поссорился, признавайся.

Непроизвольно потираю повязки. Рана уже почти не болит, швы можно и снять.

— С магом. Кажется, довольно могущественным.

— Ну ты... — Рениан давится вдохом, не в силах подобрать подходящее сравнение. — Ты последний разум потерял?!

— Кто бы говорил! Мне напомнить, по чьей вине Шенгреил до сих пор с Сэлисом отношений не поддерживает? — знаю, не красиво напоминать человеку о его ошибках. Но я терпеть не могу, когда лезут в мои дела.

— Орин, — Рениан серьёзен как никогда, — Мою юность ты помнишь. Но однажды я всё же понял, что не должен подвергать опасности близких и взялся за ум. Ты в десятки раз старше меня, почему же ты не можешь этого осознать?

А ведь он прав, как бы мне не хотелось это не замечать. Неуклюже пытаюсь отшутиться:

— Из меня выйдет не слишком благочестивый священнослужитель.

Рениан продолжает пристально смотреть мне в висок. Ёжусь, но головы не поворачиваю.

— Вам ничего не угрожает, даю слово.

— А Лерда? Ты о ней подумал? Она же ребёнок совсем, а ты втянул её в такие неприятности!

— Строго говоря, это она меня в них втянула.

Созвездие Скорбящей Девы возшло до последней звёздочки — можно загадывать желание. По легенде, Младший-из-Троих когда-то отправил на небо свою человеческую возлюбленную, пообещав воссоединиться с ней после Конца Мира. С тех пор бедная девушка печально и терпеливо ждёт своего счастья, но, по доброте душевной, может и замолвить словечко перед женихом, если твои мысли достаточно чисты. Мечты и надежды как раз по его части.

Неожиданно для себя рассказываю Рениану всю историю, начиная с нашего с Леренвой знакомства. Тот молчит, сосредоточенно хмурясь.

— Тебе это так важно?

— Не спрашивай.

Я всё равно не смогу объяснить.

— Не буду, — соглашается он. — Мне всегда казалось, что твои секреты — не то, что следует знать обычным людям. Как ты намерен его убить?

— Есть идея. У эльфов помощи попрошу.

— Так уверен, что помогут? Впрочем, я не спрашиваю.

— И не надо. Лучше помоги швы снять, если не сложно.

— Пошли. И вот что, — он приостанавливается, — Тот полуэльф вполне мог и не быть магом. Для того чтобы изменить рисунок портала способности не обязательны.

— То есть... ты хочешь сказать, что там был ещё кто-то?

— Может так, а может и нет. Он мог использовать артефакты. Или действительно колдовать.

Лерда приоткрыла дверь и тенью проскользнула в комнату полуэльфа. Небольшая и на удивление скромно обставленная, она совершенно не вязалась с тем уважением, которое здесь питали к её спутнику. Прислушавшись и оглядевшись, девушка на цыпочках направилась к широкой кровати с балдахинном.

Морион спал на спине, натянув одеяло почти до самого подбородка. Одна рука закинута за голову, вторая расслабленно свешивается с края постели. Нереально длинные волосы разметались по подушкам, несколько тонких прядей падают на лицо. Льющийся из окон звёздный свет придавал его коже оттенок расплавленного серебра. В сужающемся к подбородку лице не было ничего от человека, совершенству черт позавидовал бы и эльф-аристократ. Тонкие, уходящие далеко к вискам брови, высокие скулы, прямой нос, чётко очерченные твёрдые губы... Вот только уши маленькие и округлые, совсем человеческие.

Леренва осторожно протянула руку, кончиками пальцев отвела в сторону одну из угольно-чёрных прядок. Наклонилась ниже. Не удержавшись, слегка коснулась его губ своими. Чуть-чуть. Едва ощутимо. Длинные пушистые ресницы легонько дрогнули. Лерда дёрнулась, пытаясь отшатнуться, но на её затылок тяжело опустилась ладонь полуэльфа. На удивление сильные пальцы впились в голову, безошибочно найдя швы костей черепа, предупреждающе сжались. Леренва замерла, боясь дышать.

Морион медленно открыл глаза. Смерил взглядом потерявшуюся между «покраснеть

от смущения» и «побледнеть от ужаса» девушка и вдруг улыбнулся. Покровительственно и чуть неодобрительно. Как ребёнку, застигнутому за незначительной шалостью. Стиснутая на затылке девушки ладонь успокоено расслабилась. Лерда почувствовала себя оскорблённой.

— Что случилось? — как ни в чём не бывало осведомился полуэльф, убирая руку. — Ты что-то хотела?

— Да, — глаза жгли злые, совершенно неуместные слезы. — Я... Мори, ты... дурак!

Девушка резко выпрямилась, сморгнула влагу с ресниц.

— Я не ребёнок! Слышишь! Не ребёнок!

Морион невозмутимо сел на постели. Одеяло сползло, не открыв, впрочем, ничего интересного — спал он в ночной сорочке.

— Хватит обращаться со мной как с младенцем! Я взрослая женщина!

Полуэльф вздохнул, посмотрел на неё странно сочувствующим взглядом. Лерде захотелось влечь ему пощёчину.

— Ненавижу тебя!

Морион перехватил занесённую для удара руку, дёрнул на себя. Сгреб в охапку потерявшую равновесие девушку, прижал к груди, не обращая внимания на отчаянное сопротивление. Несколько минут Лерда ещё пыталась драться, потом сдалась, истерически разрыдалась, что-то невнятно бормоча и вздрагивая всем телом.

— Тише, тише, — он нежно провёл ладонью по её волосам, запустил в них пальцы и принялся мягко массировать кожу головы. На Лерду почти мгновенно накатила сонливость. — Я всё прекрасно понимаю. Просто с высоты моих лет ты кажешься именно ребёнком. Было бы неправильно смотреть на тебя как-то иначе.

Сижу на краю постели, подтянув колени к груди и с головой завернувшись в одеяло. Кое-как успокоенная Лерда давно отправилась в свою комнату и, подозреваю, уже сладко спит. А я всё прислушиваюсь к тишине, пытаюсь сообразить, как же она ухитрилась незаметно ко мне подкрасться. Дожили! Человеческую девчонку не учуять, пока она с поцелуями не полезла! Разумеется, крепкий сон сыграл свою роль. И усталость. И то, что в Сером Замке я себя чувствую в полной безопасности.

Продолжай убеждать себя в этом, Орин. Может через пару столетий и убедишь. А если посмотреть правде в глаза, то выходит, что ты уже не можешь воспринимать её как чужака и угрозу. Ты веришь ей. Тому, с кем делишь Путь, невозможно не доверять. Так-то, Орин. Признай, она уже часть твоей жизни.

Рассеяно запускаю пальцы в волосы. Бред. Мы знакомы меньше двух недель! С другими её соплеменниками после десятилетий общения ничего подобного не случилось! Бред, полный бред! Неужели, одиночество настолько меня доконало? Невозможно!

И ладно бы кто-то достойный. Бестолковая малолетка! Наглая, вздорная, не умеющая держать язык за зубами. Невоспитанный ребёнок! Ещё и девушка. С девушками у меня точки соприкосновения за всю жизнь находились лишь несколько раз!

Отбросив одеяло, поднимаюсь с постели. Бред — не бред, а делать что-то надо, пока далеко не зашло. Надо... спокойно подумать мне надо! Хотя бы несколько дней. Вдали. От. Неё.

Значит так, сначала нужно решать проблему с магом, а уж потом, если всё будет хорошо, можно будет вернуться и без помех во всем разобраться. Астаэс девочку в обиду не

даст, в Сером Замке она в полной безопасности.

Да, тогда всё и обсудим. Возможно, это всего лишь минутное наваждение. Ну, а если нет — что ж, тем лучше. В конце концов, у меня уже очень давно не было спутников.

Поднятая с постели Сорана пребывает не в самом светлом расположении духа. Но спорить не пытается. Лишь вздыхает неодобрительно:

— Девочке-то твоей я что скажу?

— Ну, не знаю, придумай что-нибудь! Сора, пойми, это очень важно! Я уеду на несколько десятидневий, возможно, больше. Потом вернусь и всё объясню.

— А если не вернёшься? — она обеспокоенно смотрит на меня, словно знает, куда я собрался. Впрочем, Рениан ей наверняка уже всё рассказал.

— Куда я денусь? Сора, ну что ты! Как будто я раньше в переделки не попадал!

— Раньше ты посреди ночи не срывался. — Сорана проводит рукой по глазам и плотнее запахивается в плащ. — Ладно, герой. Расспрашивать не буду. Но ежели не вернёшься...

— Вернусь, обещаю. О Лерде тут позаботься, ладно?

— Как о родной дочери.

Из вещей беру только самое необходимое. Запас сухарей и вяленого мяса на несколько дней, смену одежды, тёплый плащ, пару копий карт из библиотеки астаэс, трофейный арбалет и полтора десятка стрел к нему, овёс для Мрака и всякие нужные мелочи.

Пока я седлаю злого спросонья жеребца, Сорана стоит в дверях конюшни, кутаясь в плащ и глядит на меня с каким-то странным выражением. Молчит.

Под уздцы вывожу коня в замковый двор, подхожу к воротам. Сора повелительно взмахивает рукой, и стражник поспешно распахивает неприметную калитку. Оборачиваюсь к астаэс:

— До встречи.

Она вдруг протягивает руку и крепко сжимает мою ладонь.

— Будь там осторожен. И возвращайся. Здесь тебя всегда ждут.

Как и во многих других местах этого мира.

На миг прижимаюсь лбом к её плечу. Чтобы в следующее мгновение вскочить в седло и уехать не оглядываясь.

Альрэна торопливо шла по коридорам замка, поглощённая поисками младшей приятельницы. Весть о том, что Орин уехал та выслушала молча, но с таким лицом, что Белка не могла не обеспокоиться.

После долгих поисков Леренва обнаружилась в одной из дальних галерей, слушающая любезности какого-то сменившегося стражника. Девушка смотрела в пол и всем своим видом демонстрировала, что неожиданный ухажер и его слова интересуют её меньше всего на свете, но того это не останавливало. Одним строгим взглядом прогнав «кавалера», Белка подошла к подруге.

— Почему сама не отвязалась?

— Ну не знаю... неудобно как-то... Альра, вот чего они ко мне вечно лезут?

Наследница криво усмехнулась:

— Светленькая ты. Знаешь, какая это в астаях редкость? Да, я спросить хотела. Ты на

Орина не в обиде? Он обычно так не поступает, видно, дело действительно срочное.

— Нет, — Лерда нахмурилась и неожиданно серьёзно произнесла: — Альра, могу я с тобой поговорить? Только, чтобы никто не услышал.

— Ладно, — Альрэна быстро огляделась и увлекла подругу в один из боковых проходов. Дойдя до пыльного тупика, освещаемого единственным крошечным окошком под потолком, девушки остановились и обернулись друг к другу. Лерда замялась.

— Понимаешь, тут такое дело... В общем, Мори из-за меня уехал.

— Да ну? — Белка скептически приподняла бровь.

— Мы поссорились. Немного. Из-за того... ну... я его поцеловала. — Леренва покраснела и добавила: — Случайно.

Альрэна неожиданно рассмеялась.

— И ты думаешь... ха-ха... он... уф... из-за этого?... Ой, не могу!

Лерда насупилась.

— И ничего смешного!

— Извини, — Белка утёрла выступившие слёзы. — Но это действительно смешно. Я в своё время, — «в твоём возрасте» осталось не произнесённым, — его тоже целовала, и что? Смеялись потом хором.

— Нет, ты не понимаешь! Я ему тогда такого наговорила! И... я же обещала ему, что не буду доставлять неприятностей. — Девушка шмыгнула носом. — А тут... ну... я, получается, доверия не оправдала, да?

— Нет, ты что! — Белка взволнованно дёрнула себя за одну из кос. — Орин никогда не обижается, не объяснив, за что. Он приедет и всё разрешится, не переживай!

— А если с ним что-нибудь случится? — голубые глаза предательски заблестели. — Я так хотела с ним поговорить... и извиниться... и сказать, что...

— Вернётся, вот и скажешь всё, что собиралась. — перебила её Альрэна.

— Нет! — с неожиданным жаром воскликнула Лерда. — Я должна быть рядом с ним! Должна, понимаешь! Я это чувствую. Мне нужно найти его... а я не знаю, что делать.

Юная воительница глубокомысленно почесала нос.

— Да-а... бывает же! Да погоди ты реветь! Дай-ка подумать. Куда он поехал, я узнать могу. Тётушка или дядя Рениан наверняка в курсе. А через шесть дней мы на патрулирование выезжаем. Можно будет тебя немного проводить — я, как командир, имею право менять маршрут. Не сильно, правда. А как же тётушка? Ой, не одобрит!

Наследница астая ободряюще улыбнулась подруге, став на мгновение очень похожей на Сорану.

— Не раскисай, что-нибудь придумаем!

Дэррик Виттанийский сидел в кресле и напряженно размышлял. Какие эльфы? Откуда? При чём тут они? Ладно, исходим из худшего. Морион его имя, скорее всего, уже знает. От кого — глупый вопрос. Девчонке ещё предстоит ответить за непомерно длинный язык. А от эльфов он вполне может получить помощь в убийстве мага. Логично. С могущественным волшебником даже самый сильный воин справиться не в состоянии, но у некоторых остроухих встречалась врождённая способность противостоять магии, и эльфийские маги до сих пор так и не добились признания её опасной и подлежащей учёту.

Кстати, об эльфийских магах. Кого там можно в Ллевельдеиле привлечь?

Маг занялся мысленным составлением списка достойных доверия эльфов. Надо бы выяснить, под каким именем полуэльф там известен... и какой властью обладает.

Отменять уже почти начатую операцию было немного жаль, но, к сожалению, Серый Замок теперь был совершенно бесполезен.

...Где-то в Степи отряд кочевников со странными прозрачными глазами разочарованно разворачивал лошадей. Поживы сегодня не будет.

Впрочем, (тут их командир придержал коня) это совсем не обязательно. Им ведь запретили нападать только на Серый Замок.

1 уважительное обращение к мужчине.

2 астаи — небольшие полусамостоятельные государства, объединенные общей Церковью Трёх Братьев. Составляют Альянс Астэ. В данный момент — четыре крупных и шесть мелких. Неофициальная столица — Аранна.

3 в связи с редкостью и дороговизной благородных металлов на территории Альянса Астэ используются монеты из полудрагоценных камней. "Ракушка" — мелкая монетка из перламутра.

4 монеты среднего достоинства изготавливаются из резного янтаря.

5 порода лошадей, использовавшихся рыцарством. Очень большие и очень сильные, способные нести всадника в доспехах.

6 Крупнейшая денежная единица — нефритовая монетка. Равна пятидесяти янтарным. Каждая из янтарных монет равна ста перламутровым.

7 астаэ — в данном случае — правитель астая. Так же используется на территории Альянса Астэ как почтительное обращение к благородному человеку.

8 Крыс и Шмендра «Странники».

9 Для наложения заклинания на мыслящее существо требуется его твёрдое добровольное согласие, вкупе с сознанием природы и последствий магического действия. Если есть хоть малейшие сомнения или страх, заклятье не сработает. Единственное исключение — слуги, давшие магу клятву верности. Их господин может делать с ними всё, что пожелает.

10 уважительное обращение к женщине.

11 Иллет «Дом в Зелёных холмах»

12 супруга астаэ, либо женщина, управляющая астаем. Также — благородная замужняя

женщина. К детям и прочим младшим родичам астаэ традиционно обращаются таэ/таэс вплоть до совершеннолетия.

Глава 2. Другая сторона

И вновь — убегающая под конские копыта дорога. Сколько их было в моей жизни? Кажется, вся жизнь — один сплошной путь из ниоткуда в никуда. С краткими остановками у тёплого очага в домах друзей или среди кровавой грязи у тронов властителей. В этом мире нет двух одинаковых дорог. Больше того, по одной и той же дороге не пройдёшь дважды, а, возвращаясь, всегда встречаешь новое место и других людей. Этот мир слишком изменчив, чтобы позволить себе такую роскошь как постоянное пристанище.

Но зато можно познавать его в своё удовольствие!

Я не в силах понять, как можно устать от жизни. Когда вокруг столько нового, неизвестного. Не пройденные дороги, несыгранные роли, непрочитанные книги, встречи, которым только предстоит состояться. Это завораживает и заставляет сердце биться чаще.

Не по-весеннему жаркое солнышко немного печёт голову. Надо было всё же потратиться на шляпу. Мрак неторопливо перебирает копытами, я дремлю в седле, погрузившись в свои мысли. До Ллевельдеила — одного из крупнейших эльфийских княжеств — полтора десятидневья пути на запад. Достаточно времени, чтобы обдумать происходящее.

Редкие чахлые перелески почти не дают тени. Хорошо, что с водой здесь проблем нет. Ближе к югу деревья исчезнут вовсе, сменившись ковром из трав и цветов. В это время года Степь должна просто завораживать красотой.

Степь... что-то там неладное творится, как ни крути. Тот, кто хоть недолго пожил среди степняков, не может не уяснить одну простую вещь. Употребляющий чёрную пыльцу кочевник — это не просто немыслимо, это невозможно. Как зелёное солнце или обжигающий лёд.

Не хочется этого признавать, но сразу две таких невозможности — знак того, что у степняков что-то не в порядке. Серьёзно так не в порядке. Не стоит ли немного отложить визит к эльфам и для начала заглянуть в Степь? Маг от меня никуда не денется.

Чуть морщусь. Вся эта история просто вызывающе подозрительна! Преступившие вековые запреты кочевники, маг, интересующийся Детьми Звезды, маленькая ясновидящая, которая какому-то магу зачем-то очень нужна. И не факт, что именно тому, у кого она воспитывалась.

Не стоило, наверное, так резко срываться из Серого Замка. Нужно было Лерду расспросить поподробнее... Ладно, что сделано, то сделано.

Ощущение того, что все эти вещи связаны всё же не оставляет. Чёткое такое предчувствие из тех, что меня редко подводят. Вполне возможно, что со смертью мага разрешится и всё остальное. До всяком случае, он-то точно знает, кому его воспитанница понадобилась и зачем. Но Лерда сейчас в безопасности. Даже более чем, астаэс — фигура из тех, с которыми считаются даже маги. А вот если в Степи не всё в порядке, оставаться в стороне я просто права не имею. И если бы Джалэнай что-то знал, он бы мне уже сообщил.

Хмыкаю. Знала бы Сора, кем меня считают по ту сторону границы! Убила бы.

Со вздохом вытаскиваю одну из припасённых на крайний случай монеток. Подкидываю. Профиль Проводника — Ллевельдеил, знак Тройх — Степь. Янтарный кружок теплится в солнечных лучах, приземляясь мне точно в центр ладони. Звезда с шестью лучами

разного размера. Степь.

Решительно тряхнув поводьями, направляю Мрака к угадывающемуся вдали поселению. Сегодня ночуем под крышей.

Крохотная деревушка пугливо жмётся к подножью замка. Не столь мощного, как Серый, но тоже вполне надёжного. Главное — постоянный двор в ней есть, причём чистый и вполне внушающий доверие, несмотря на то, что расположен на самой окраине. В здешних местах приличные постоянные дворы вообще редкость. Оторвав от сердца две янтарных монеты, требую лучшую комнату и бадью горячей воды. Визит в Степь требует серьёзной подготовки, и где-нибудь в лесу с этим не справиться.

Пока слуги носят воду, я торопливо ужинаю, сидя в общем зале. Гречневая каша с мясом немного пригорела, но я, в принципе, ем всё, особенно если оно горячее. Жизнь приучила не привередничать.

Чужой пристальный взгляд едва не заставляет меня поперхнуться. Как можно равнодушнее оглядываю помещение и натываюсь на внимательные глаза незнакомой ундины в дальнем углу. Вопросительно приподнимаю брови. Женщина недолго медлит, затем поднимается и идёт ко мне почти через весь зал.

Поздоровавшись и дождавшись ответного кивка, незнакомка садится напротив. Несколько мгновений беззастенчиво её разглядываю. Немолода, но все ещё достаточно привлекательна — вряд ли намного старше восьмидесяти лет. Бледная до прозрачности кожа, круглые тёмно-зелёные глаза с тонкими как бумага веками, сильно вздёрнутый нос со способными открываться и закрываться щелями ноздрей — вполне обычная ундина. Странно, для них здесь чересчур сухо. Синеватые волосы гладко зачёсаны и собраны в тугий пучок на макушке — не сказать, чтобы красивая причёска, но вполне подходящая, если хочешь терять как можно меньше влаги. Вне помещений наверняка ещё покрывало носит. Платье из плотной ткани, укутывающее женщину от подбородка до ступней, не новое и с запалённым подолом. Страница? Торговка? Кожа межпальцевых перепонки сухая и складчатая — давненько дочь Воды не плавала в родном море.

— Чем я могу вам помочь?

— Скорее уж я вам, — женщина тоже времени зря не теряет, пристально рассматривая моё лицо и глаза. — Насколько я могу судить, у вас сейчас нет проблем с деньгами.

Ошибаетесь, таэс. И сильно.

Продолжаю вопросительно смотреть на ундину. Кажется, я догадываюсь, к чему она клонит.

— Могу подсказать, на что их потратить.

— Не нуждаюсь.

— На десяток переходов вокруг другого торговца не найдёте.

— Я же сказал, не нуждаюсь.

— Как знаете, — женщина встаёт и возвращается на своё место.

Устало опускаю веки. Да, цвет моих глаз неестественен. Но это, Бездна побери, не значит, что меня заинтересует чёрная пыльца!

Отшвырнув ложку, поднимаюсь из-за стола. Комната уже должна быть готова, а у меня совсем пропал аппетит.

Вымытая и расчёсанная грива тяжёлым плащом спадает на спину, заставляя голову чуть

откидываться назад. Густые мягкие волосы такой длины при моём образе жизни скорее орудие пытки, но предложения укоротить их хотя бы до пояса я всегда встречаю оскаленными зубами и рычанием. Интересно, чего в этом всё-таки больше: жизненной необходимости или большого самолюбия?

Разделив их на восемь прядей разной толщины, начинаю неспешно сооружать косу. На сей раз не простую — вычурное плетение может рассказать знающему о том, из какого рода человек, какая у него семья, чем он славен и насколько богат. На столе передо мной лежат цветные шурки и костяные бусины — они тоже пойдут в дело. Сплести степняцкую косу — почти искусство, требующее времени и полной сосредоточенности. В Степи мужчины волос почти никогда не распускают и тем более не обрезают. И, впервые увидев человека, можно по плетению косы сказать о нём почти всё.

Закончив, перевязываю кончик тонким кожаным шнурком с бубенцами. А вот серьги лучше вынуть — согласно законам Степи, прокалывать своё тело, дабы вставить украшение, может только женщина. Запрет, кстати, религиозный. Пролитая человеческая кровь — всегда жертва Богине Неба, причём женщина может пожертвовать только свою кровь, а мужчина — только чужую. С этим ещё любопытный обычай связан. Мужчины в Степи никогда не точат сами своё оружие, опасаясь порезаться, вместо этого принято отдавать нож или ятаган кому-то из друзей. Даже выражение такое есть — «братья по клинкам», означает друзей, близких настолько, что доверяют друг другу точить своё оружие. Считается, что если порезался чужим ножом, то кровь пролил его хозяин, а значит жертва угодна Богине.

Теперь развести тёплой водой немного туши и, глядя в зеркальце, тонкой кисточкой подрисовать затейливый узор на левой щеке. От скулы к шее — стилизованное изображение дикой кошки в прыжке. Тушь эта не простая — рисунок не сотрётся даже за несколько недель, и подновлять его почти не надо. Специально для таких случаев покупаю. Последний штрих — несколько капель ягодного сока под веки.

Порывшись в шкатулке, достаю пару морионовых браслетов и ожерелье-ошейник из шести рядов этих же мелких черных камней. Не люблю оставаться без защиты, а без амулетов чувствую себя как раз так. Так, теперь чистая одежда. Хорошо бы что-то степняцкое, но степной комплект остался Гармелю, а в астаях такое не купишь. Придётся облачиться в то, что есть.

Критическим взглядом окидываю себя в маленьком тусклом зеркальце. Здравствуй, Яаттай из рода Каракала. Тебе нужно о многом поговорить со своим файхом.

Устраиваюсь на кровати, закинув руки за голову. Так, теперь главное — не проспать. С постоянного двора так и так придётся выбираться через окно и очень тихо, чтобы у местных жителей было как можно меньше шансов меня встретить.

Степь цветёт. Кольшущееся под ветром травяное море от горизонта до горизонта притягивает взгляд, заставляет дыхание сбиваться, а сердце стучать часто, словно лошадиные копыта. Хочется подхлестнуть коня и устремиться вперёд, во весь опор, чтобы ветер бил в лицо и пугался в волосах, а от запаха цветов кружилась голова. Порой я даже позволяю себе такое ребячество, к явному восторгу Мрака.

Хорошо тут, право слово! Сейчас. Меньше чем через две недели трава выгорит, а в полдень раскалённый воздух будет обжигать горло на вдохе. Но пока — свежесть травы и буйство красок, короткая, яркая как вспышка весна.

До мест, где сейчас должны кочевать Каракалы, не меньше пяти дней пути, но это меня

мало беспокоит. Никогда не подводившая память услужливо приводит к колодцам, озёрам и мелким, обречённым рано или поздно пересохнуть речкам.

Люди мне не попадаются — встретить их здесь можно, только если специально искать. И то, смотря как искать — чужак имеет все шансы просто заблудиться.

Мне прекрасно известно, куда сейчас направляется мой род и остаётся лишь следовать к их обычным пастбищам. И размышлять. На сей раз просто для себя.

Успокаивать душу стихотворными строчками у костра и бесконечными напевами без слов, смотреть на низкие, огромные звёзды, слушать шелест трав и беседовать с миром. Не бояться и не гадать. Пусть всё идёт своим чередом.

Ранним утром из ворот Серого Замка выехал отряд воинов, отправляющихся на очередное патрулирование границы. Дисциплинированно пересёк мост и направился на юго-восток.

Такие отряды пятьдесят-сто воинов следили, чтобы степняки держались подальше от приграничных селений. Те порой решались напасть и разграбить астайские деревни, даже не смотря на своё демонстративное неприятие всего иноземного. Тяжёлая, опасная, но вполне заурядная работа, которую Альэрэна теперь должна была исполнять наравне с родителями. Белка с самого детства знала, что рождена для битвы, а воины уже сейчас беспрекословно признавали её своим командиром. И никогда не роптали на приказы, а уж тем более на просьбы.

Ни Сорана, ни Рениан юную предводительницу не провожали, а потому на то, что один из солдат на удивление неловко держится в седле и явно непривычен к доспеху, никто не обратил особого внимания.

Ваэй заметил чужака ещё издали. Всадник на непривычной лошади — высокий массивный жеребец из тех, на которых в Степи никто не ездит. Юноша придержал свою кобылу и на всякий случай взялся за лук. Незнакомец тоже остановил коня и поднял руку в приветственном жесте.

Ваэй взмахнул свободной рукой, предлагая подъехать поближе. Всадник, в отличие от коня, оказался худым и непримечательным. Молодой парень в потрёпанной астайской одежде и без видимого оружия. Не похож на этхал, но родовой рисунок на лице отчётливо виден.

Разглядев, наконец, кто это, юноша вздрогнул и торопливо отвёл глаза. Убрал лук, машинально потёр украшенную родовой татуировкой щеку, отгоняя зло.

— Да охранит Богиня твой путь! — приветственно произнёс он, глядя в землю. Яаттая, якшающегося с чужими выродка, в роду Каракала не любили и побаивались. Считалось, что он приносит неудачи и даже может наслать болезнь.

— Да охранит Она и твою дорогу.

Колкий, насмешливый взгляд, казалось, чувствовался кожей. Поговаривали, его мать была лесной девой, а то и серой ведьмой. Отсюда и бледная кожа, и глаза, посмотрев в которые можно было, как утверждали женщины, лишиться разума, а то и души.

— Я приехал переговорить с файхом, — одна из немногих фраз, которых удостоивались от надменного нелюдя простые этха. В редкие свои появления общался он почти исключительно с файхом и главами семей.

— Я провожу вас, — неохотно выдавил Ваэй. Можно было бы конечно и не предлагать — чай, не заблудится, но мало ли что у него на уме. Вроде и родич согласно Закону, а всё равно чужак, от них всего ожидать можно.

Яаттай хмыкнул, но протестовать не стал, так что юноша развернул смирную соловую кобылку и неспешно поехал рядом с ним.

— Что нового под Небом? — вопрос был задан легко и спокойно. Такой... разумеющийся вопрос. Ваэй поёжился. Хоть и украшено каракалом его лицо, а всё равно чуждость не скроешь. И отвечать на такие вопросы чужаку... ох, аж подумать тяжело.

— Милостью Богини, всё хорошо, — не стал вдаваться в подробности парень, искоса взглянув на сопровождаемого.

Яаттай рассеянно смотрел вперёд и юноша, пользуясь случаем, украдкой его разглядывал. Бледный, худой как щепка, кисти рук узкие, словно у девушки, даже в перчатках заметно. На воина ничуть не похож. А вот коса заплетена по-воински, многими победами украшена. Как такое может быть? И не изменился ничуть, с тех пор как пять лет назад Ваэй с ним первый раз у шатра отца столкнулся. Истинно — нелюдь.

— Это радует. А новости какие? — тот перекинул косу на спину, блеснул солнечных лучах широкий браслет, брызнул колючими искорками в глаза. Красивый. И ожерелье ему под стать. Ваэй невольно залюбовался. Вот бы ему такие, все одногодки от зависти бы полопались. Или для Ласэйи, в подарок.

— Да говори ты, не бойся. — Юноша словно очнулся. И вдруг понял, что прямо смотрит в чернущие, что те камни в ожерелье, раскосые глаза. Яаттай понимающе усмехнулся. — Я без причины людям зла не желаю.

— Я и не боюсь! — обиделся парень. — Воины этха ничего не боятся!

— Верю, — его собеседник отвернулся, всё ещё посмеиваясь. Но почему-то это не казалось таким уж обидным. — Так расскажешь или нет?

Ваэй пожал плечами и, неожиданно для себя, начал рассказывать новости.

В шатре файха душный полумрак, пропитанный горьким травяным запахом. Принимаюсь — лечебный отвар, правителя опять беспокоят суставы. Джалэнай — бессменный глава рода Каракалов вот уже на протяжении тридцати лет — сидит на ковре, скрестив ноги, щурит непроницаемо-чёрные глаза. Его одежда оторочена мехом степной кошки, как положено лишь файху, на шее и запястьях блестят золотые украшения. Мельком окидываю Джалэная взглядом и тут же утыкаюсь глазами в пол. Прохожу в центр шатра, опускаюсь на колени, касаюсь лбом циновки, сложив ладони перед грудью. Теперь выждать положенные тридцать ударов сердца.

— Да охранит ваш путь Богиня.

— Да охранит Она и твою дорогу, — сильный, не смотря на преклонные годы, звучный голос. — Поднимись, мальчик, к чему церемонии?

Угу. А не исполни я хоть один пункт из этих церемоний, вы бы первый мне недовольство выразили. В предельно доступной форме, плетью поперёк хребта. Поднимаюсь

на ноги, наконец-то встречаю взгляд своего файха. Предводитель Каракалов уже стар. Длиннющая, петлями раскинувшаяся по полу коса почти совсем седая, смуглая кожа сплошь изрезана морщинами. Но жилистое тело ещё крепко, а узкие глаза ясны и светятся умом.

— Согласишься ли разделить со мной трапезу?

— Благодарю за честь.

Это тоже традиция. Вернувшегося даже после недолгого отсутствия этха первым делом приглашают к столу. На случай, если в его обличье в дом пришёл злой дух, из тех, что не могут есть человеческую пищу.

Джалэнай хлопает в ладоши. Из-за занавески, отделяющей мужскую половину от женской, выпархивают несколько девушек в халатах с яркой вышивкой — его незамужние дочери и внучки, споро и почти бесшумно расставляют на циновке блюда и кувшины. Закончив, так же бесшумно исчезают.

— Какие вести ты принёс мне? — Без обиняков спрашивает файх, как только мы завершаем трапезу. Ну да, без веской причины я в Степи не появляюсь. Джалэнай через меня получает информацию о мире за пределами Степи (я, однако, не такая сволочь, чтобы рассказывать этха слабым местам в обороне крепостей и тому подобном). Он, кажется, единственный файх, кого это всерьёз интересует. И, самое приятное, заинтересовало без моего влияния.

— Неясные. — Если верить словам того мальчишки, в последнее время не происходило ничего экстраординарного ни в роду Каракала, ни у его соседей. Никаких побегов, исчезновений, таинственных смертей. Жизнь шла своим чередом.

— В землях Астэ мне довелось встретить двух этха, преступивших Закон. В одежде жителей Альянса и с бесцветными глазами.

Джалэнай еле заметно вздрагивает.

— Ты уверен?

— У обоих были ожоги на месте родового знака. И волосы расплетены. Я убил их.

— Кому они служили? Расскажи подробно, с самого начала.

Рассказываю. Джалэнай хмурится, покусывает мундштук длинной, затейливо выгнутой трубки. Она давно погасла, но файх не обращает на это внимания. Слушает, не перебивая.

— Я не знаю, кто это мог быть. В роду Каракала за последние годы не пропало ни одного человека. Никто не пытался уйти или нарушить Закон.

И за то и за другое наказание одно — смерть. Этха не терпят отступников. Возможно, не самый верный путь, но степняки сейчас, пожалуй, единственный народ, который не затронула пропитавшая все остальные гниль вседозволенности. Есть деяния, которые нормальный этха никогда не совершит.

— Скоро Первое Полнолуние года, соберутся файхи всех родов. Я должен обсудить твои вести с ними.

— Благодарю вас. Могу я продолжить свой путь?

— Нет. Ты будешь сопровождать меня.

— Но...

— Ступай, отдохни с дороги. Ласэйя тебя проводит.

Файх вновь хлопает в ладоши, показывая, что разговор закончен. Из-за занавески выныривает невысокая бойкая девочка, ровесница Лерды или чуть младше. Широко улыбнувшись, кланяется, мазанув по полу перевитыми нитями бисера косицами, и жестом

приглашает следовать за собой. Мне ничего не остаётся, кроме как подняться на ноги и, поклонившись на прощание, выйти из шатра.

Ваэй беспокойно крутился на своей лежанке. Ночь перевалила за середину, а заснуть всё не получалось. Утром главы семей отъедут в храм Полнолуния, дабы почтить Богиню. Отец, как всегда, едет, и он, Ваэй, в этот раз будет его сопровождать! Как совершеннолетний наследник и будущий глава семьи.

Первое Полнолуние года — ночь почитания Богини. Величайший праздник во всей Степи. Простые этха празднуют всю ночь напролёт, а главы родов привозят дары в Её храм, дабы выказать расположение служительницам божества. А жрицы танцуют в лунном свете и пируют вместе с гостями.

Легендарные танцы жриц! Немногим смертным доводилось их увидеть, а те, кто видел, не могли потом забыть. Юноша невольно покраснел. Перевернулся на другой бок. Повозился, пытаясь устроиться поудобнее. Сон не шёл.

Отчаявшись заснуть, Ваэй поднялся с лежанки, тихонько оделся и вышел из шатра. До рассвета было ещё далеко. Стойбище казалось целиком погружённым в сон, только пофыркивали в темноте лошади.

Тут юноша заметил одинокую фигуру, движущуюся от шатра файха. Яаттай, даже в нормальной одежде, всё равно отличался от степняков, Ваэй узнал его даже со спины. Нахмурился и двинулся следом. Тот неспешно направлялся куда-то в степь.

Запах пыли и трав. Опрокинутые звёзды над необъятным простором Степи. Мягкая успокаивающая тишина, наполненная шелестом стеблей, стрекотанием кузнечиков... неуклюжими шагами крадущегося за мной мальчишки. Хотя ладно, преувеличиваю. Крадёт он вполне прилично. Почти не слышно, если специально не прислушиваться. Усмехаюсь уголками губ — можно было бы очень весело поиграть в кошки-мышки. В один миг исчезнуть из поля зрения, раствориться среди высоких стеблей, перейти на бесшумную, скользкую походку охотника. Впрочем, не стоит портить отношения с тем, с кем предстоит делить дорогу.

Рука задевает какой-то кустик. Ноздри щекочет знакомый терпкий запах — серебристая степная полынь. Растираю в пальцах мелко изрезанные листочки, вдыхаю тяжёлый, будоражащий аромат. Прикусываю отломленную веточку — едкая горечь оседает на губах. Не знаю почему, но мне нравится это ощущение. Сильный, яркий вкус. Вновь глажу серебряные листья, перекаत्याю стебелёк в другой уголок рта. Горько.

Не переставая покусывать ветку полыни, опускаюсь в траву. Укладываюсь на спину, закидываю руки за голову. В десятке шагов поодаль озадаченно замирает мальчишка. Бдит.

Перевожу взгляд на небо. От плохого настроения нет лучшего лекарства, чем звёзды. Вечная красота, заставляющая забыть о проблемах и сомнениях.

Нет у меня ни малейшего желания ехать в Храм! Разъяснить ситуацию собравшимся там главам родов Джалэнай может и сам. А вот мне потеря времени крайне нежелательна. Да и воспоминания не хочется будить. Слишком многое связывает меня с древней столицей. Плохого, хорошего... старого. Века прошли.

Главнейший из городов Зайнерии, блистательная Тофайна, символ мощи и богатства правителей этха. Давным-давно, во времена расцвета империи, один из магов-правителей решил перенести столицу в центр исконных земель этха. Собственно, падение Зайнерийской

Империи с этого и началось. Усилиями всех придворных магов был изменён климат, строители в кратчайшие сроки возвели город, считавшийся прекраснейшим из всех, выстроенных людьми. Чуть больше двух столетий спустя заточённые стихии вырвались из-под контроля, и город был разрушен землетрясением. Величайшая из империй к тому моменту уже агонизировала — выжившие горожане просто покинули его, не пытаясь отстроить заново.

И лишь жрицы Богини Неба остались в своем храме, стеречь хранящиеся там святыни. При строительстве города в новое святилище со всеми возможными почестями перевезли их главное сокровище — гигантскую статую Богини, а её предыдущее жилище разрушили по приказу императора. Священнослужительницам просто некуда было идти. С тех пор они живут за счёт даров вернувшихся к образу жизни предков этха и, могу поспорить, постепенно теряют накопленные знания. И мне совершенно неинтересно, во что они превратились за столетия такого существования.

Мальчишка нетерпеливо ёрзает. Понятно. Скучно лежать на одном месте, когда подозрительный нелюдь и не думает как-то вредить добропорядочным этха.

— Ну кто так подкрадывается, ты мне скажи?

Даже дыхание затаил. Смешной!

— С тем же успехом ты мог бы идти за мной в полный рост, распевая песни.

— Неправда! — обиженно доносится из высокой травы. — Нормальный человек бы меня ни за что не заметил!

— Будешь всегда рассчитывать на людей — долго не проживёшь. В следующий раз не забывай о расстоянии, на которое разносятся твои шаги! Тот, у кого слух тоньше человеческого, может легко их услышать. — И, уже более мирным тоном: — Не спится?

— Тебе, как я посмотрю, тоже! — парнишка, видимо, решает, что терять ему уже нечего.

— Разумеется. Завтра же выезжаем.

— Гордись! — Вазй, судя по звукам, устраивается поудобнее и продолжает: — Даже не каждому из чистокровных этха выпадает такая честь.

— Я и горжусь. — Ну да, вру. Иногда иначе не получается.

— Ты не понимаешь! Жрицы Богини это же... это так... и их танцы...

Парнишка не находит нужных слов и, смутившись, замолкает.

— Всё я прекрасно понимаю. И танцы жриц, кстати говоря, уже видел.

— Когда это?

В этой роли меня в Храме ещё не было.

— Давно. Когда в развалинах не только жрицы жили. Мне посчастливилось знать величайшую из танцующих жриц — Айфир, прозванную Чёрной Жемчужиной. Ту, что служила последнему Императору.

— Врёшь ты всё! — смелый ребенок, уважаю. — Она ещё когда жила! И вообще — сказки все это.

— Может и вру.

— Точно врёшь! Так долго даже нелюди не живут.

— Хех! Много ты знаешь о нелюдях! Кстати, светает уже. Тебя отец не хватится?

Парнишка вскакивает и опрометью бросается домой. Неторопливо поднимаюсь и направляюсь следом, поглядывая на светлеющее небо.

Лерде хватило денег на маленькую комнатку в гостинице и теперь она сидела на подоконнике и смотрела в окно. В маленьких, неправильной формы стёклышках, обрамлённых свинцовым переплётом, нельзя было многое разглядеть. Ей смутно виднелись лишь огоньки других окон и фонарей и зыбкие движущиеся тени поздних прохожих. “Словно рыбы в глубине” — пришло в голову. Она казалась самой себе бесконечно отдельной от этого смутного движения. Как рыбак, что сидит на берегу. Лерда улыбнулась от нелепости этого сравнения. Рыбак из неё получился на редкость неудачливый — никто из тех, кого она расспрашивала, не видел невысокого черноволосого полуэльфа на здоровенном коне. “Ты необычайно талантлива”, — говорила когда-то мать, глядя её кудри тонкими горячими пальцами. — “Ты сможешь добиться того, чего мне никогда не достичь. Сможешь получить всё, чего только захочешь!” “А сейчас я хочу найти Мори, но добиться этого не получается.” — мысленно ответила она непрошеному воспоминанию. — “Ну почему у меня опять ничего не получается?!” Лерда уткнулась лбом в колени и расплакалась от злости.

Развалины древней столицы возникают на горизонте на восьмой день пути. Тёмное, неясное пятно, постепенно обретающее чёткость, растущее, распадающееся на силуэты отдельных зданий.

Ваэй еле слышно ахает и тут же смущённо косится на меня. Во время пути мальчишка старался держаться поближе (вдруг что-нибудь интересное расскажу), но при этом демонстративно не обращал на меня внимания (воинам этха нет дела до дурацких баек). Ну что ж, не будем разочаровывать будущего главу одного из самых уважаемых семейств.

— Когда-то этот город поражал воображение своими размерами. — Да и сейчас, будем честны, впечатление производит. — Его населяли десятки тысяч людей. К тому же многие специально приезжали, чтобы увидеть легендарный императорский дворец или храм Богини.

— Дворец? — обернулся ко мне Ваэй.

— В центре города когда-то было огромное озеро. Храм и дворец стояли на противоположных берегах, выстроенные так, что казалось, будто здания пытаются заключить его в объятия. И от дворца, и от храма к воде спускались ступени, в три шага шириной каждая. И на каждой — прекрасные статуи.

Едущие рядом молодые воины заинтересованно прислушиваются. Большинство из них уже бывало в заброшенном городе, но вряд ли хоть кто-то мог достоверно вообразить, как он выглядел в пору своего расцвета. Современные этха в городах не живут.

В паломничество к жилищу Богини традиционно отправляются лишь самые важные для рода этха. Файх и главы семей с наследниками, везущие дары Её служительницам. От Каракалов, одних из самых многочисленных в Степи, было всего два в половине десятка мужчин, да две девочки, избранные для участия жриц. От остальных вряд ли будет больше. На праздник первого полнолуния не принято возить с собой охрану — у порога Дома Богини запрещено отнимать жизни. Даже представители враждующих родов, в другое время способные зубами перервать друг другу глотки, в ночь Первого Полнолуния пьют вино из одной чаши.

— Каждое утро старшая супруга Императора лично сходила по ним и набирала чашу воды, чтобы Император, проснувшись, мог омыть руки и лицо той влагой, что даёт жизнь его

подданным. Фасад императорского дворца и фасад Храма были выстроены по одному плану, здания как бы отражали друг друга. Только Храм был отделан ашианским мрамором и плитками лазурита, а императорский дворец — вулканическим стеклом и красным гранитом.

— Яаттай, поравняйся со мной, — негромко приказывает до этого молча слушавший файх. Придерживаю коня, виновато опускаю голову. Кажется, мне не стоило так откровенничать.

— Не смущай юношей своими выдумками, Яаттай. — Джалэнай не то, чтобы сердится но явно недоволен.

— Как будет угодно моему файху.

— Мне угодно, чтобы ты не открывал рта, пока я тебе не разрешу.

Ещё ниже опускаю голову, но Джалэнай даже не смотрит в мою сторону. Нервно дёргаю себя за косу. Надо же было так увлечься! Вот Б-бездна!

Дэррик Виттанийский сидел в кресле, и вертел в руках недавно распечатанное письмо. Маг недовольно хмурился: согласно донесению Морион в Ллевельдеиле до сих пор не появлялся. Хотя по всем расчётам должен был прибыть уже два дня назад. Где же эту тварь носит? Дэррик поймал себя на том, что всерьёз беспокоится за жизнь неуловимого «полуэльфа». Прожить столько лет и погибнуть в какой-нибудь дорожной стычке с грабителями как раз тогда, когда маг почти его заполучил — гадость вполне в его духе!

Маг задумался ненадолго. Поморщился болезненно — предстоящая процедура была на редкость неприятна, опасна и отнимала уйму сил. Затем он выпрямился и несколько раз глубоко вздохнул, сосредотачиваясь. Медленно, со всей возможной аккуратностью произнёс положенные слова, мысленно сплетая узор заклятья. Осторожно потянулся вовне, туда, где мерцала искорка чужого разума. Где-то на огромном расстоянии от него мирно спящий человек вздрогнул от боли. Полуприкрытые глаза мага затянула перламутровая плёнка. На лбу выступил пот, лицо застыло.

— Здравствуй, — произнёс он в пустоту. Говорить — лучший способ отделить свои мысли от чужих при контакте сознаний. Некоторое время маг молчал, прислушиваясь к неслышному ответу.

— Да, я знаю, — чуть раздражённо прервал он собеседника. — Тебе необходимо найти его, ты это понимаешь? Любыми способами.

Снова сосредоточенное молчание.

— А мне откуда это знать?! Подумай, поищи следы. Если ничего не найдёшь — расспроси на постоянных дворах по дороге к замку. Да, вернувшись!

Недовольная гримаса почти пробилась сквозь отстранённость.

— Нет, действуй самостоятельно. Я не смогу тебе помочь. Маг потёр висок кончиками пальцев.

— Аркай сводит счёты, ему не до тебя.

Тишина. Недовольство всё заметнее. Тем не менее, следующие слова он произнёс мягко и участливо.

— Прости. Я понимаю, тебе тяжело. Внешний мир грязен и жесток. Ничего, потерпи немного. Мы закончим, и ты вернёшься ко мне. На своё место.

С этими словами маг резко разорвал связь. Скорчился, беззвучно шипя сквозь стиснутые зубы. Переждав приступ боли, Дэррик обессилено откинулся на спинку кресла. С трудом подняв руку, стёр капли пота со лба. По неизвестным причинам ситуация становилась всё более неуправляемой. Неужели он где-то допустил просчёт?

В разрушенный город въезжаем в молчании. Замолкают шушукавшиеся всю дорогу девочки, молодые воины не перебрасываются шутками, даже лошади, кажется, стараются вести себя потише. Тофайна подавляет. Размерами, древностью, пустотой. Целых зданий сохранилось очень мало, большинство домов скорее похожи на бесформенные груды камней, засыпанные землёй. На них растёт трава, в её зарослях стрекочут насекомые и шуршат мелкие зверьки. Некогда ведущие к храму улицы, впрочем, заботливо расчищены, и даже почти в целости сохранили бульжную мостовую. Над нашими головами порхают гнездящиеся в развалинах ласточки и стрижи. Жизнь в столице всё ещё продолжается, только это уже не человеческая жизнь.

«Интересно, а что Лерда бы сказала, увидь она это» — приходит в голову не к месту и не ко времени. Ловлю себя на желании видеть рядом с собой несносную девчонку. Просто для того, чтобы спросить её мнение и выслушать несколько рифмованных строчек, которые она сложит под впечатлением от увиденного. В последние дни она иногда читала мне свои стихи и, надо признать, получались они всё лучше и лучше. Старательно вытряхиваю из головы глупые мысли.

Тем временем наш отряд выезжает к центру города. Окружённое развалинами пустое пространство, заросшее высоченной, способной с головой скрыть человека травой и редким кустарником. Когда-то здесь было озеро, но, лишённое магической подпитки, оно давно высохло. Справа тёмная, полурассыпавшаяся громада императорского дворца, слева почти полностью сохранившийся... точнее, восстановленный за долгие годы храм Богини, к которому мы и направляемся. Лошади дружно цокают копытами по остаткам набережной, приободрившиеся этха негромко переговариваются между собой.

На площади перед входом в Храм уже расположились посланцы от других родов. Насколько можно было судить — наш отряд почти последний. Файх торопит коня, выезжает вперёд. Глава рода всегда первым приветствует жриц и прибывших раньше гостей. Пусть и служит эта поднятая рука скорее для привлечения внимания.

Выехав на площадь, мы останавливаемся и оглядываемся по сторонам. Большинство прибывших уже расстелили ковры и расставили привезённые подарки. Спешившись, Джалэнай велит своим людям начать подготовку к празднованию, а сам направляется к уже поджидавшим его в стороне файхам остальных родов.

Очень хорошо сохранившаяся площадь перед Храмом достаточно велика, чтобы вместить всех желающих принести свои дары служительницам Богини. По краю, традиционно, размещаются посланцы родов, каждый на своём, десятилетиями не изменяемом месте. Ставят лошадей, расстилают ковры, разводят костры на строго отведённых, покрытых многолетней копотью местах. Лучшие воины сосредоточенно готовят угощение из привезённых с собой продуктов. Готовить у этха — женская работа, но угощения для праздника Первого Полнолуния готовят только мужчины и быть в их числе — большая честь. Трепещут на ветру разноцветные ленты, светятся узоры золотой вышивки на

тканях, пахнет дымом и благовониями. Мы предпоследние, свободны только площадки Пустельг и Каракалов.

Всё пространство перед входом в Храм застелено коврами, на которых будут сидеть пирующие и танцевать жрицы. Шатров в ночь Первого Полнолуния не разбивают, празднующих укрывает само небо, и лунный свет обливает фигуры танцующих священнослужительниц.

Их выступления — это действительно нечто особенное. Целый ритуал, направленный на то, чтобы вознести хвалу Богине и вызвать желание у присутствующих мужчин. И чем оно сильнее, тем довольнее и благосклоннее будет в наступившем году божество. В конце ночи танцевавшая жрица имеет право выбрать любого из присутствующих и разделить с ним ложе. Для мужчины этха это большая честь.

Всхрапывают лошади, негромко переговариваются занятые работой этха. Приготовления к празднованию почти завершены. Девочки — будущие жрицы шепчутся, сидя на тюках с не распакованными ещё тканями и одеждами, предназначенными в дар жрицам. Богине отправляют не больше нескольких девчонок от всех родов, даже не каждый год. Каждый фйх сам решает, есть ли среди его людей те, кому не стоит и мечтать о свадебных колокольцах в будущем. Не дурнушки, этха вообще считают красоту не самым главным женским качеством. Просто если в небогатой семье слишком много дочерей, то замужество — судьба исключительно старших из них. Девушке полагается приданное, и в самых бедных семьях порой могут скопить его только для одной-двух дочерей.

Вытаскиваю из чехла рулон ослепительно белой льняной ткани, на которой будут разложены дары Богине от рода Каракала. Ткань, в отличие от подношений, расстилается безо всяких обрядов, по-деловому.

— Яаттай! Яаттай! — передо мной возникает запыхавшийся Вазэй. — Файх велел тебе идти к нему. Во-он туда, я провожу!

Качаю головой. Уж что-что, а своего фйха я могу найти и самостоятельно. Всучив мальчишке злосчастный свёрток, направляюсь в сторону Храма.

За моей спиной девочки, хихикая, принимаются наперебой давать Вазэю указания, где и как лучше расстелить ткань.

Главы родов собрались чуть в стороне от дверей Храма. Окидываю присутствующих быстрым взглядом и опускаюсь на колени. Здесь все, кроме фйха не прибывших ещё Пустельг.

— Поднимись, Яаттай, — раздался рядом со мной спокойный голос Джалэная. — Я разрешаю тебе говорить. Расскажи всем то, что ты поведал мне, вернувшись из земель Альянса.

Неохотно размыкаю губы. Слова простого воина имеют куда меньший вес, чем слова фйха, мне могут и не поверить.

Когда я замолкаю, недолгое время стоит недоверчивая тишина. Но уже через пару мгновений её сметает сразу несколько голосов. Почтенные главы родов говорят все разом, перебивая друг друга, словно спорящие пастухи.

— ... Невозможно!

— Степные Лисы никогда...

— Вот уже сто лет как...

— Немыслимо!

— Я ручаюсь за свой род!

— Быть может, ваш воин ошибся...

— Темнота, ранение...

— Разве можно верить...

— Посланцы рода Пустельги до сих пор не прибыли, — этот голос раздаётся из-за моей спины. Женский, хрипловатый. Немолодой. Оборачиваюсь, чтобы снова рухнуть на колени, едва взглянув на подошедшую. Да и файхи, как по команде сгибаются в поклоне. Умение ходить, не тревожа песчинки под ногами, жрицы, как выяснилось, не потеряли.

— Приветствую пришедших в Её дом гостей! Поднимитесь, прошу.

С облегчением поднимаюсь, чтобы как можно незаметнее переместиться за спины глав родов — негоже простому воину стоять к Верховной Жрице ближе них. Украдкой разглядываю её. Высокая худая женщина, кажется, сильно старше сорока лет, в десятке длинных, унизанных золотыми кольцами кос поровну серебра и тёмной меди. Лицо узкое, хищное, почти не тронутое временем, нос с заметной горбинкой. Двойное жемчужное ожерелье — знак её положения — просто надето, а не приколото к коже, как было принято когда-то.

— Не хочет ли сказать госпожа, что Закон нарушил род Пустельги? — первым заговаривает Джалэнай.

О том, что полгода назад Пустельги вдрызг рассорились с Лисами и Каракалами в Степи знали все до последней ящерицы. Не слишком приглядная история, в общем-то. Два дурных юнца соперничали из-за девушки. И когда ситуация окончательно зашла в тупик, не нашли ничего лучше, чем взяться за ятаганы. К несчастью, один из них был единственным сыном файха Пустельг, а второй — отпрыском одной из весьма уважаемых семей Каракалов. Первому не повезло. Джалэнай предлагал выплатить виру за убийство, но Аркай и слышать о ней не хотел, требуя выдать ему головы убийцы и заварившей кашу ветреной лисички. Оба рода, разумеется, ответили категорическим отказом, и совет файхов их поддержал. Тогда глава Пустельг поклялся покоем предков отомстить обидчикам. Серьёзных стычек ждали не раньше начала лета, когда скот и лошади как следует отъедятся после зимы. Пока же их отношения можно было назвать вооружённым нейтралитетом.

— Я лишь предполагаю. — Лёгкий ветерок колышет узкие шёлковые ленты юбки верховной жрицы. Привычно пытаюсь прочесть её цвета и тут же сбиваюсь — яркие полосы складываются в совершеннейшую бессмыслицу. — Как бы то ни было, ночь вот-вот начнётся, и мы должны отложить печальные разговоры. Но завтра утром я жду вас всех у ступеней Храма.

Главы родов, от самых слабых, до самых влиятельных, лишь молча склоняются в ответ.

Жрица, которой выпало сегодня начинать ритуал, совсем молоденькая и явно ужасно волнуется. Нет, ни в жестах, ни в походке грациозно обходящей площадь девушки это не отражается, но вздёрнутая голова, напряжённая, старательно удерживаемая улыбка, излишне резкие движения... кто её учил?

Она между тем завершает круг и выходит в его центр. Замирает, вытянувшись, сосредоточенно прикусив губу. Напряжённая тишина сменяется низким, пробирающим до костей барабанным ритмом. Танцовщица взлетает в прыжке быстрым, почти хищным движением, взвиваются в воздух лёгкие шёлковые ленты и тяжёлые, увитые золотом косы,

переливчато звенят браслеты на запястьях и лодыжках...

Сдерживаю желание отвернуться. Во времена расцвета Храма такое исполнение сочли бы попыткой сорвать празднество. Хм, интересно, это ещё конструктивная критика или уже стариковское брюзжание?

— Что, не нравится? — шёпотом спрашивает сидящий по правую руку Ваэй, заметив краем глаза мою кислую физиономию.

Пожимаю плечами.

— Не слишком.

— Я так и знал! — он ехидно усмехается, не отрывая от жрицы горящего взгляда. Повод для самодовольства у парнишки есть и весьма весомый — во время церемонии вручения даров одна из участвовавших в ней служительниц Богини соизволила ему улыбнуться и даже перекинуться парой слов. Ваэй настолько счастлив и горд, мне даже неловко говорить ему, что в восхвалении Богини она принимать участия не будет, а потому благосклонности ему не светит ни при каком раскладе. — Танцы простой смертной не могут удовлетворить того, кто знал Небесную Жемчужину Айфир.

— Жемчужина была лишь первой среди равных, не преувеличивай. Жрица во время церемонии думает о Той, кому посвящает свой танец. Мысли этой заняты лишь тем, как лучше показать мужчинам свои бёдра.

В этот момент из-за спин сидящих на земле зрителей выскальзывают остальные участницы. Мелко ступая, пересекают разложенные на земле ковры, уставленные угощением, вступают в круг. На сей раз я всё же не выдерживаю и отворачиваюсь. Как и следовало ожидать, ритуал начинала лучшая.

А этха, даже немолодые файхи, не на шутку увлечены зрелищем. Ваэй аж рот приоткрыл! Пожалуй, если я сейчас исчезну, никто не заметит.

Поднимаюсь со своего места и, бесшумно ступая, исчезаю в темноте.

Заросли, в которые превратилось дно высохшего озера, совершенно непролазны. Обхожу их по остаткам каменной набережной, тщательно выбирая дорогу. Камни за долгие годы расшатались, скреплявший их раствор почти полностью выветрился.

Императорский дворец почти не сохранился. Что неудивительно — катастрофа началась именно с него. Я даже, пожалуй, смогу указать точное место.

Медленным шагом обхожу гору растрескавшихся, обожжённых солнцем камней. Они, как и большая часть зданий, глубоко вросли в землю, из щелей растёт высокая трава. Восточное крыло, как ни странно, более-менее уцелело — лишь рухнула одна из стен, да разъехались местами когда-то тщательно пригнанные друг к другу каменные блоки. Тщательнейшим образом придавив размышления про «на кой мне это понадобилось» подбираюсь к остаткам здания. Вскоре свободно идти становится невозможно — карабкаюсь по камням, помогая себе руками. Интересно, свернуть шею среди развалин — достаточно нелепая смерть, чтобы быть реальной? Кусок растрескавшегося песчаника осыпается под ступнёй. Падаю на колени, цепляясь обеими руками за пучки жухлой травы. Кажется, последняя мысль была лишней.

Наконец достигаю уцелевшей части здания. Перекрытия частично осыпались, земля и разбитые камни устилают пол, но идти всё равно легче. Поднимаю голову — сквозь остатки

окон и дыры в стенах просвечивает звёздное небо. Крыша, насколько я помню, не уцелела, а вот второй этаж, быть может, ещё проходим. Если лестница цела. Достая один из заранее припрятанных под курткой факелов, несколько минут вожусь с огнивом. Свет озаряет просторное помещение с усыпанным камнями и песком полом. Когда-то он был выложен мозаикой, но она, если и сохранилась, погребена под слоями мусора.

— Ойу-у-у!

Резко оборачиваюсь на звук — с преграждающего вход завала стремительно скатывается маленькая фигурка. Отбросив факел, со всех ног бросаюсь к мальчишке, в надежде успеть хотя бы замедлить его падение. Успеваю. Ловлю, прижимаю к себе, защищая от острых камней.

— Цел?

Ваэй в ответ шипит что-то утвердительное, пытаюсь вывернуться из моих рук. Проигнорировав попытки сопротивления, тщательно ощупываю его в поисках возможных переломов. Кажется, действительно цел, ссадины не в счёт.

— Хвала Богине! Дурак, ты не представляешь, как тебе повезло!

— Пусти!

Разжимаю руки. Встаю и протягиваю ему ладонь, которую тот высокомерно игнорирует. Неуклюже поднимается на ноги, безуспешно пытается отряхнуть одежду. Стоит вполне ровно — значит и правда цел. Страшно вообразить, что со мной сделает его отец, если с парнем что-то случится по моей вине.

— Ну и зачем ты за мной увязался?

Насупленное молчание, взгляд исподлобья. Всё с тобой ясно. Кстати, молодец, сообразил, что пойдя он прямо за мной, был бы услышан. Крался, как видно, поодаль, судя по времени, не меньше чем в ста шагах. Как же повезло, что из-за факела мне пришлось задержаться у входа!

Как теперь назад полезешь?

— Так же, как и сюда! — Ваэй с независимым видом разворачивается и направляется обратно к завалу.

— Стой! Не дури, вместе вернёмся.

— Ну-у... ладно. — И он мне ещё одолжение делает! Слов нет! — А ты зачем сюда пришёл?

Мальчишка с любопытством оглядывается. Факел, как ни странно, не погас, неплохо освещая окружающее. Всё, что было здесь ценного вынесли ещё столетия назад, но на стенах сохранились фрески и остатки вычурной лепнины, часть высоких колонн всё же устояла, а помещение, даже полуразрушенное и засыпанное пылью и мусором, поражает своими размерами.

— Посмотреть, — беззаботно пожимаю плечами. Даже не лгу. Подняв факел, зажигаю от него ещё один и протягиваю мальчишке.

— Угу, — тот с факелом в руках подходит к одной из стен, недоверчиво касается пальцами полустёртого изображения изогнувшейся в сложном танцевальном движении девушки. Частицы штукатурки облетают с глухим шорохом, лишив танцовщицу ножного браслета и части ступни. Ваэй с виноватым видом отходит от стены.

— А что здесь было? — оборачивается он ко мне.

— Церемониальный зал.

Нарисованная девушка самозабвенно кружится в танце, окутанная развевающимися

косами и лентами зелёного шелка. Из обрамлявшего когда-то изображение рельефного узора в виде побегов плюща мародёры вытащили все самоцветы.

— Пойдём наверх? Здесь нет больше ничего интересного.

Лестница, пусть и местами обвалившаяся, сохранилась. Ступать по ней приходится вдвое осторожнее, слишком уж подозрительный шорох и скрип раздаётся при каждом шаге.

На втором этаже фрески видны ещё хуже — сказалось свободно достигающее их солнце. Когда-то здесь было несколько просторных комнат, в которых принимали гостей и занимались музыкой. Сейчас стены обвалились, потолок рухнул, о былой красоте не напоминает ничего.

— Двигайся только вдоль стен, — на всякий случай предупреждаю опять отвлёкшегося на какую-то безделицу мальчишку. Так, а здесь должен быть проход к центральной части дворца. Не сохранился, разумеется.

— Как отсюда далеко видно! — восхищённо восклицает Ваэй, высовываясь из выходящего к озеру оконного проёма. — Ой, смотри, Храм! И костры праздничные!

Подхожу к нему. Храм и прилегающая к нему площадь действительно видны как на ладони. Высокие костры, мечущиеся между ними фигурки. Мечущиеся?

— Яаттай, что там происходит? — испуганно шепчет Ваэй, оглядывается на меня, в широко распахнутых глазах отражается пламя факела.

Мне бы тоже хотелось это знать.

— Похоже на нападение. Возвращаемся немедленно!

Схватив мальчишку за руку, устремляюсь к лестнице. Вниз, быстрее, быстрее...

— Не туда! — одёргиваю метнувшегося к завалу Ваэя. — Мы не успеем через город!

— А как же?..

Лихорадочно оглядываюсь. Ага, вот же он — неприметный проход во внутренние помещения. Несколько проходных комнат, спуск в подвал, небольшая комнатка без окон.

— Здесь раньше тайный ход был. Прямо к Храму. Если уцелел — доберёмся за пару минут.

— А есл... если н-нет?

— Тогда можем и не торопиться.

Подземный ход всё же уцелел. В него в своё время столько магии вложили — землетрясения нипочём, не то, что время. Сдвигаю в сторону с виду совершенно неподъёмный каменный постамент, засыпанный осколками статуи, спрыгиваю в открывшийся провал. Неприятно, конечно, но придётся потерпеть.

— Ваэй, сюда! Факел сперва кинь.

— А-а... да, я сейчас.

Мальчишку приходится-таки снова ловить. Ничего, высота небольшая. Надавливаю на один из камней стены, постамент со скрежетом становится на место, закрывая дыру.

— Быстрее!

Высокий, узкий, практически прямой коридор. Подземный ход строили одновременно с дворцом, ещё до создания озера. Как раз на случай неожиданного нападения. Бежим вперёд, по стенам мечутся отсветы от факелов.

— Яаттай!

Неохотно останавливаюсь. Ваэй удивлённо рассматривает лежащий у стены труп. Годы превратили его в хрупкую мумию, одежды истлели. Черты иссохшего лица уже невозможно

разобрать. Впрочем, захлестнувшая шею зелёная лента по-прежнему ярка — эльфийский паутинный шёлк плохо поддаётся времени.

— Идём, нет времени.

Если всё обойдётся, надо будет обязательно вернуться и похоронить его. Поздно, конечно, но лучше сейчас, чем никогда.

Наши факелы гаснут как раз тогда, когда уже видны покрытые пылью ступени, ведущие к выходу. Тщательно ощупываю закрывающую его плиту, наконец, нахожу выемки для пальцев. Плита поддается с мерзким сухим скрежетом, на голову сыплется песок, забивается в волосы и за шиворот, противно липнет к мокрой от пота спине.

В одном из внутренних помещений храма стояла когда-то такая же статуя. Хотя нет, стоит до сих пор. Первый Маг-Император Зайнерии, чтоб ему в посмертии не повезло. Выныриваю из лаза, протягиваю руку замешкавшемуся Ваэю. Затем педантично возвращаю статую на место — не стоит оставлять такие секреты на всеобщем обозрении. На постаменте лежит забытый кем-то ритуальный кинжал с посеребрённой рукоятью. На миг задерживаюсь, чтобы поднять его — оружие нам сейчас пригодится.

Внутренняя планировка храма ничуть не изменилась за эти годы, так что найти дорогу к выходу не составило особого труда. Анфилада пыльных, полузаброшенных помещений заканчивается одним из боковых выходов с распахнутой настежь дверью.

На площади у Храма вовсю кипит бой. Вооружённые чем попало гости отбиваются от многочисленных воинов в астайской одежде. Тоже этаха, но с обрезанными волосами и бесцветным безумием в глазах. Кое-где мелькают яркие одеяния растерянных жриц, с перепугу позабывших о пристёгнутых к икрам ритуальных ножах. А ведь жрицы — единственные женщины этха, которым позволено проливать чужую кровь. Считается, что к ним у Богини особое отношение.

— Отец! — Ваэй отчаянно устремляется куда-то в сторону. В последний момент успеваю стиснуть в кулаке чуть не выскользнувший из пальцев рукав его рубахи.

— Возьми! — Передав мальчишке подобранный кинжал, разжимаю руку. Ваэй уже признан взрослым и воином, я не имею права его остановить. Да хранит тебя Богиня, парень.

У самого входа лежит мёртвая жрица. Та самая, начинавшая праздник. На юном лице навеки застыл испуг и какая-то детская обида, широкий разрез наискось пересекает горло от мочки уха до ключицы, чёрная в сумерках кровь всё ещё течёт из него, расплываясь лаковой лужей. Вытаскиваю из ножен её кинжалы, подкидываю в руках, привыкая к балансу. Подойдёт. Надо найти файха.

Кое-кто из нападавших уже обратил внимание на появление нового лица. Несколько человек бросаются ко мне с разных сторон. Не проблема.

Моим первым противником оказывается высокий, молодой совсем парень со знакомым чем-то лицом. Встречались раньше? Не важно. Отбить направленный в голову удар, вторым кинжалом распороть живот. Развернуться, рассекая горло следующему противнику. На секунду кажется, что впереди мелькнуло праздничное одеяние Джалэная. Устремляюсь туда, расчищая себе дорогу клинками. Смена стоек, уклоны, выпады — иногда бой до жути напоминает танец. Сотворение смерти — страшная, отталкивающая, вывернутая наизнанку красота. Ещё один упавший под ноги труп, пробежать несколько шагов, отбить удар... Поймать потрясённый, неверящий взгляд. Глаза Верховной Жрицы широко распахнуты, с узких лезвий клинков в её руках срываются багряные капли. Потом, Верховная, всё потом.

Вы же только-только призвали своих девиц к порядку!

Где же?

Мой файх тяжело валится на землю, пытаюсь зажать рану на боку. В последний момент успеваю оттолкнуть добивающую руку, полоснуть по глазам торжествующего отступника. Аркай?

— Вы живы? — встаю над телом главы рода, оскалившись и сжав рукояти кинжалов. Ну, кто ещё?

— Где тебя носило, жеребёнок паршивый?!

Еле удерживаю облегченный вздох. Жив! Ну что ж, теперь посмотрим, кто сможет до него добраться.

Этха сражались отчаянно. Слишком страшная, невозможная, не укладывающаяся в голове вещь — нападение на храм Богини в ночь Первого Полнолуния. Додумавшихся до подобной мерзости следовало уничтожить во что бы то ни стало. Этха бились как демоны, но голыми руками, против вооружённых и более многочисленных нападавших немногого сделаешь.

В тот момент, когда это стало ясно почти всем, в спины отступникам неожиданно ударил отряд рыцарей, возглавляемых невысоким воином в подозрительно знакомых фамильных доспехах. На мгновение мне показалось, что я сплю. Впрочем, миг растерянности прошёл, и теперь основной задачей стало докричаться до юной воительницы сквозь шум битвы.

— Белка! Прикажи своим людям не трогать обычных этха!!! — орать так, что даже в гуще боя слышно я, как выяснилось, ещё могу. Даже Джалэнай вздрагивает.

Белка, умница, не растерялась. Лишь замерла на миг, увидев и узнав меня. И тут же передала команду своим воинам.

«...Рьелинли встретила его в одном из постоянных дворов Шерла. Через два дня после отъезда из Серого Замка. Она не знает, куда он мог направиться в дальнейшем».

Дэррик Витанийский отложил письмо и глубоко задумался. В Ллевельдеиле полуэльф не появлялся. Более того, знакомый эльфийский маг сообщил, что в числе подданных Князя авантюрист и путешественник по имени Морион вообще не значится. Дэррик чуть заметно поморщился. Вся эта история была, кажется, намного загадочнее, чем он предполагал.

Маг достал из стопки чистый лист бумаги и принялся набрасывать письмо Аркаю. Обезумевший от горя файх, предложивший верность всего своего рода в обмен на покровительство и помощь в отмщении, кажется, в этот раз всё же будет полезен. Если добыча затерялась в Степи, он её найдёт.

В превращённом в лазарет Храме шумно и людно. Уцелевшие файхи уже послали гонцов к своим родам за воинами и целительницами, а пока прекрасные жрицы — те из них, кто не пострадал, разумеется — лично меняют повязки, готовят еду, поят раненых и отгоняют смерть от тех, кому посчастливилось выжить в боине.

Альра с её отрядом смотрелись здесь довольно чужеродно, но Верховная непререкаемым тоном заявила, что неожиданные спасители останутся, пока не залечат раны, и никто не посмел с ней спорить. Старшая жрица тоже получила лёгкие ранения в предплечье и бедро, но отлёживаться не пожелала, быстрым шагом перемещаясь по всему Храму и железным тоном командуя как уцелевшими священнослужительницами, так и суровыми воинами, причём не различая этха и жителей Альянса. Даже Белка поглядывала на неё с нескрываемым уважением.

Мой файх ещё не пришёл в себя. Джалэнай неподвижно лежит на циновке, вынуждая меня, как единственного оставшегося невредимым воина, сидеть у его изголовья с самым преданным и обеспокоенным видом. Разумеется, собрав перед этим всех способных держаться на ногах Каракалов, раздав, на правах самого старшего, срочные поручения, ненавязчиво проследив за тем, чтобы к Белке и её людям отнеслись со всей возможной вежливостью, поприсутствовав на совещании Верховной с уцелевшими файхами и теми, кто вызвался их заменить, приняв посильное участие в помощи раненым... Честно говоря, это вообще первая возможность присесть за весь день.

— Яаттай... — лежащий на соседней циновке Ваэй ворочается и пытается подняться.

— Лежи, ты что! — укладываю его обратно. — Пить?

— Да.

Подношу к его губам чашку с водой. Напившись, Ваэй утомлённо закрывает глаза и, кажется, вновь засыпает. А я в который раз чувствую смешанное со стыдом облегчение. Говорить мальчику, что он теперь глава семьи, придётся ещё не сейчас.

— В себя не пришёл? — неслышно подошедшая Верховная Жрица усаживается рядом, звякнув многочисленными украшениями. Даже хромать бесшумно умудряется. Потрясающая женщина!

— Нет.

— Перемотай потуже, — она протягивает мне раненую руку. — И скажи, наконец, своё имя, я вчера не успела его спросить.

— Яаттай, — склоняюсь над её рукой, распутываю тугие узлы на совесть наложенной повязки. — Могу я просить об ответном даре?

— Нагле-е-ец! — жрица криво усмехается, — Впрочем, признаю, заслужил. Алаксия. При рождении названная также Алаксаной.

Вздрагиваю. Вот это да! Первый раз слышу, чтобы Верховной жрицей становилась нечистокровная этха. К детям от чужаков в Степи относятся не слишком хорошо — жить позволяют лишь доказавшим свою полезность и верность роду.

— Ну, сам расскажешь, или мне тебя расспрашивать придётся? — приподнятая насмешливо бровь, ясно различимый приказ в негромком голосе.

— У меня целебная мазь ещё есть. Разрешите воспользоваться?

Она усмехается.

— С девицей твоей я уже с глазу на глаз пообщалась. Не бойся, файх не узнает. На вашу связь обратила внимание одна я.

Поднимаю на жрицу ошарашенные глаза.

— Моя мать была родом из Альянса, так что я прекрасно говорю на их языке, — Снизолла до объяснений Алаксия. — Так ты будешь говорить или нет?

А вот это — невероятная редкость. Женщинам этха порой случается понести от мимоезжего чужака. Одного из проверенных купцов, которых этха изредка пускают к себе,

хотя и предпочитают добывать вещи Альянса в набеггах, или просто от странника, случайно встреченного в Степи. Этха не ценят невинность до брака, даже скорее наоборот, завидные невесты порой уже имеют ребёнка, живое доказательство того, что девушка не бесплодна. А кровь не вредно и немного разбавить. Но чтобы мужчина этха взял в законные жёны чужачку! Такое не в каждом поколении бывает.

— Как она здесь оказалась? — всё же вытаскиваю из поясной сумки плоскую коробочку с остатками мази. Жрица лёгким интересом наблюдает за моими действиями.

— Пустельги напали на одно из приграничных селений, — при упоминании рода отступников она брезгливо морщится. — Дальше сам представляешь. Дай-ка сюда!

Алакская несколько мгновений пристально разглядывает мазь, затем подносит к носу и сосредоточенно принюхивается.

— Надо же, самое обычное лечебное зелье. Не ожидала!

— Верховная, вы... вы ведь меня сейчас почти прямо обвинили, так?

— Прости, — далёким от раскаяния тоном бросает она, возвращая коробочку, — Должна же я быть уверенной в твоих целях. Сам ни к девчонке, ни к воинам её приближаться не вздумай, если что-то нужно, я передам. Не хватало ещё кого-нибудь на подозрения навести. Но прежде ответь мне на один вопрос...

— Потерпите, она щиплется, — начинаю аккуратно наносить мутно-белёсую жидкость на края раны. Старый, проверенный временем состав, помогающий избежать воспаления. Кровотечение уже давно остановилось, шов покрылся коркой запёкшейся крови. Замечательно.

— Юлишь как змея. Я же всё равно... ой!

— Я предупреждал. И, Верховная, вы же сами всё поняли, к чему вам мои слова?

— Значит... да?

— Да, — затягиваю последний узел повязки. — Готово.

— Благодарю тебя, воин, — женщина грациозно, словно и не была ранена, поднимается на ноги. — Я надеюсь, что мне ещё удастся поговорить с тобой.

Допросить Аркаю решают лишь через несколько дней, когда в Храм приезжают воины всех родов. Им предстоит нелёгкая миссия — найти оставшихся в живых Пустельг и вырезать их до последнего младенца. Так борются с чумой и красной лихорадкой. Так выжигают колонии крыс. И мне сейчас и в голову не пришло бы осудить их. Законы Степи строги и священны.

Файх отступников сидит на земле в центре храмовой площади, связанный по рукам и ногам, слепые глаза прикрывает побуревшая от запёкшейся крови повязка. Вокруг него широким кольцом собрались все, кому Верховная жрица сочла нужным разрешить присутствовать. Допрос отступников традиционно проводят старшие жрицы, способные различить ложь. В этом, ввиду серьёзности преступления, участвует сама Алакская.

Солнце неумолимо подбирается к зениту — время начинать. По крыше храма бестолково скачет какая-то маленькая птичка.

Алакская посолонь обходит пленного, медленно и молча, рассыпая под ноги соль и семена полыни. Старинный обычай, защищающий от зла. В нескольких шагах от меня Белка ёжится и молча осеняет себя знаком Тройх. Ей позволили присутствовать на допросе, но явно не предупредили о соответствующих ритуалах. Украдкой посылаю ей ободряющий взгляд — ничего страшного не предстоит, в этом нет ни капли колдовства. Жрица тем

временем останавливается напротив пленника и прижимает кончик ритуального ножа к его лбу.

Странно, солнце печёт всюду, почему мне так зябко? Или это камни в ожерелье холодят кожу? Но ведь вокруг ничего угрожающего.

— Аркай, бывший файх Пустельг, что лишены звания рода, ответишь ли ты Верховной служительнице Богини Неба?

Стоящий рядом с Белкой немолодой смуглый воин принимается быстро шептать ей на ухо, переводя.

— Да, отвечу.

На рассвете уже был проведён ритуал, лишаящий всех бывших Пустельг имён и человеческого статуса. Теперь для этха они ничем не отличаются от животных. Аркаю имя оставили до конца допроса — с животным не говорят. Он это оценил. А может, ему просто уже всё равно.

— Почему ты нарушил Закон?

— Я хотел отомстить.

Пичуга слетела с крыши и закружилась над площадью. Странная, таких здесь никогда не водилось. Крохотное тельце с непропорционально большими крыльями. Серебристая. Первый раз такую вижу.

— Ты сам решил напасть на Храм?

— Мне подсказал маг... из Альянса. Я не знаю его настоящего имени. Он обещал помочь мне отомстить.

А ведь он безумен. И не чёрная пыльца тому причина. Аркай сошёл с ума давно, когда ему только привезли завёрнутое в шкуру тело единственного сына. Но этого никто не заметил.

— Именно для этого ты приказал своим воинам попробовать запретное?

— Ради мести. Это было его условием...

Не могу не признать, хорошая идея. Зависимый, в обмен на пыльцу, позволит наложить на себя любые чары. Какая-то мысль упорно скребётся на границе сознания.

— Зачем вы напали на деревню Альянса? — неожиданно подаёт голос Альрэна. Этха косятся на неё с неодобрением. Непозволительная вольность — прервать Верховную. Впрочем, жрица лишь слегка пожимает плечами. И невозмутимо повторяет вопрос на языке этха, не дожидаясь окончания перевода.

— Воинам хотелось убивать. Он обещал им кровь, но...

— Не применяй слово «воин» к своим людям. Чью кровь маг обещал им?

Птица, наконец, определившись с намерениями, садится Аркаю на плечо, и, едва коснувшись его кожи, превращается в аккуратно свёрнутый лист дорогой бумаги. Одновременно с этим бусины моего ожерелья наливаются мертвенным холодом. Опасность!

— Что это? — Алаксия подняла листок и, недоуменно хмурясь, развернула.

Этха не имеют дел с магией. Любой житель Альянса знает, что колдовские послания нельзя трогать тому, кому они не предназначены.

— Верховная, нет! — бросаюсь к ней, опережая собственный вопль. Медленно-медленно, как под водой, жрица поднимает глаза, недоумённо смотрит на меня. Резкий удар по запястьям заставляет её разжать руки, а я, обхватив женщину за пояс, оттаскиваю её как можно дальше от падающего клочка бумаги, за очерченный солью круг. Примитивная, основанная исключительно на вере, но в некоторых случаях вполне действенная защита.

Вспыхивает листок ещё в воздухе. Бледно-голубым, неестественным пламенем. Оно перекидывается на землю, в мгновение ока охватывает пленника целиком. Алаксия оборачивается и оседает на землю, вполголоса призывая на помощь Богиню. Мне зрелище заживо разлагающегося человека уже не в новинку, но к горлу всё равно подкатывает ледяной комок. Есть во всём этом что-то до дрожи жуткое. Что-то куда хуже обычного колдовства. Аркай молчит, судорога, исказившая его лицо, неприятно похожа на улыбку. Обнимаю Алаксия за плечи. Верховная жрица дрожит и шепчет молитву, словно маленькая напуганная девочка. Опытные, многое повидавшие на своём веку воины в ужасе отворачиваются, Белка прикрывает рукой рот.

Через несколько долгих, страшно долгих мгновений тело, бывшее повелителем Пустельг, наконец рассыпается прахом. Алаксия неуверенно поднимается и стряхивает мои руки. Шаг в сторону, брезгливо искривившиеся губы — она вновь Верховная жрица, сильная и уверенная в себе.

— Полагаю, мы больше не в силах ничего узнать, — Алаксия бросает мимолётный взгляд на засыпанную прахом площадку. — Иннай, велите своим людям развести здесь костёр и жечь его до вечера. Всех остальных прошу за мной.

Воины Альянса уехали через пару часов. Альрэна кидала на меня отчаянные взгляды, но возможности поговорить так и не представилось. Незримую черту, разделяющую их и этха, нельзя было переступить, не привлекая внимания. Единственное, что удалось — день назад передать через Алаксия, что всё хорошо и что я объяснюсь, как только появится возможность.

Этха смотрели им вслед со странным выражением. Альянс и Степь враждовали испокон веков, но здесь умеют ценить помощь, а тем более — спасённую жизнь файха. Могу поспорить, не позже чем через месяц в Серый замок явятся посланники ото всех родов. Ловлю краем глаза задумчивую улыбку Верховной — она явно думает так же.

Ещё несколькими часами позднее Храм покидали этха. Большая часть отправлялась искать затаившихся отступников, остальные везли домой тех раненых, что могли перенести дорогу. Погибших этха похоронили утром, насыпав курган на берегу бывшего озера. Когда-то степняки сжигали своих мертвецов, но сейчас этот обычай уже отошёл в прошлое — дров в Степи не так много, да и масло дорого. Погребальными дарами послужило оружие нападавших. Поминальный обряд проведут потом, отдельно в каждом роду, как только вернуться последние воины. А до тех пор по умершим не разрешено даже плакать. Тела отступников просто вывезли подальше от города и бросили, на радость лисам и шакалам.

Верховная жрица выходит на ступени Храма, держа в руке серебряный кубок с вином. Как ни странно, меня это не настораживает. Мне, как и ещё полтора десяткам этха из разных родов, предстояло задержаться в Храме, пока не смогут передвигаться оставленные здесь раненые. Мой файх уверенно шёл на поправку, что не могло не радовать. Его мнение о том, кто здесь слаб и не перенесёт дороги, до сих пор звенело в ушах у всех Каракалов.

Женщина тем временем сердечно прощается со всеми этха, после чего подходит к Карлаю, ныне ставшему старшим сыну Джалэная, взявшему на себя управление родом, пока отец не оправится от ран.

— Твой воин спас мне жизнь. Я благодарна.

Мужчина кланяется. Алаксия вежливо улыбается, продолжая держать кубок в чуть

оставленной руке. В мою голову наконец-то закрадываются нехорошие подозрения.

— Отныне и до тех пор, пока я Верховная жрица, род Каракала почётные гости Храма в любое время и всегда могут рассчитывать на совет от меня и моих сестёр.

На сей раз кланяются все Каракалы. Прочие этха косятся на них с лёгкой завистью. И, с неприкрытым любопытством, на кубок, всё ещё находящийся в руках Верховной жрицы. Женщина тем временем разворачивается ко мне. Жестом останавливает попытку опуститься на колени, пристально смотрит в глаза.

— Ты же, воин, заслужил отдельную награду. Ночь Полнолуния уже окончилась, но праздник не был завершён как должно, — она обмакивает в вино кончики пальцев и протягивает мне кубок.

Мёртвая тишина. Абсолютная. Неслыханная, высочайшая честь — быть избранным Верховной жрицей. Благословение и избраннику, и его роду, и всем его потомкам в течение трёх поколений. Редчайшее событие и, да, вполне достойная награда за спасённую жизнь. Богиня, признайтесь, что вы такое против меня имеете?

У меня трясутся руки. Так, что драгоценный кубок едва не падает на землю.

— Не отравлено, — одними губами шепчет Алакся, придерживая мои пальцы, — Нужно поговорить.

Вкус вина в моей памяти не отложился.

Пламя обнимет иссохшие останки, кутает их рыжим коконом, наконец-то стирая из этого мира. Жаль, нельзя так же сжечь на погребальном костре память. У баюкаемого огнём трупа когда-то были зелёные глаза и не слишком добрый характер. Давным-давно.

— Кем он был? — в свободном алом платье и накинутом сверху, как принято у женщин этха, халате с яркой вышивкой, Алакся смотрится моложе и, как ни странно, мягче.

Занятно, в легкомысленных, чисто символических ритуальных одеждах — Верховная жрица, та, чей голос перевешивает мнение фэйхов, лёд и властность во всей фигуре, а в скромном и закрытом одеянии — уже не юная, но сумевшая сохранить привлекательность простая степнячка. Хоть сватайся!

— Теперь это уже не важно.

Небо на востоке едва начинает светлеть, развалины окутаны туманом, словно саваном. Мы стоим среди руин дворца и смотрим в огонь. Вряд ли кто-то из этха в состоянии представить, что подарившая ночь простому воину Верховная жрица будет до утра складывать с ним погребальный костёр для больше трёх столетий назад убитого человека. И говорить. Столь о многом.

— Ты ничего не скажешь ему в дорогу?

Несколько мгновений раздумываю над этим вопросом.

— Между нами не осталось несказанного.

Жрица серьёзно кивает и вполголоса поёт провожающую молитву, глядя на огонь. Он чтит Богиню, пусть и не слишком серьёзно.

— Лёгкой дороги, — неуверенно произношу я в конце. Молчим. Показавшееся из-за горизонта солнце заливают заброшенный город розово-золотыми лучами, заставляя ключья тумана испуганно жаться к земле. Очень красиво и так... правильно? Тофайны моих воспоминаний нет и больше никогда не будет, а то, что от неё осталось, живёт теперь своей жизнью. Наверное, мне стоило приехать сюда, чтобы это понять.

Когда костёр догорает окончательно, мы разворачиваемся и уходим. Теперь ветер

разнесёт частицы пепла по Степи, сделав умершего её частью. Обряд завершён.

— Скажи, как ты понял, про то письмо? — Алакся спотыкается и без церемоний хватает меня под руку. Остатки каменной набережной на берегах бывшего озера скорее мешают, чем помогают идти, приходится постоянно смотреть под ноги.

— У меня есть амулет, предупреждающий об опасности.

— М-м-м?

— Но я не маг.

— Зайнерию погубила магия. — Она хмурится, задумчиво обводит взглядом окружающие руины. — С тех пор этха не общаются с теми, кто одобряет колдовство.

Возвращаемся мы кружным путём, по поверхности. Неспешно, любуясь начинающимся днём. В Храме скоро проснутся, но я знаю, что мы успеем вовремя.

— Я прослежу за тем, чтобы все файлы отблагодарили астаэс Альрэну не позже следующего полнолуния. — твёрдо произносит она. — И не забывали об этом долге никогда.

Для этха, путь и полукровки, она на удивление расположена к Альянсу.

— Ты ведь не считаешь изоляцию правильной? — небрежно интересуюсь я.

— Не знаю, — она сокрушённо качает головой. — Я ни в чём не уверена. После падения столицы мы отказались от общения с другими народами, боясь их влияния. Тогда это показалось правильным.

— Этха один из самых чистых народов этого мира.

— И уже давно начавший вырождаться. Ты слишком редко здесь бываешь, чтобы это понять. С каждым десятилетием этха теряют старые знания, забывают своё прошлое. Уже почти забыли. Ни древних песен, ни древних сил. Лишь пустые оболочки от большинства ритуалов. Мы давно уже самый обычный народ кочевников, для которого изоляция губительна. Набеги не в счёт. Нам необходима связь с соседними странами и их правителями, и как можно более прочная. Хотя бы потому, что рано или поздно Альянсу станет тесно в его границах, и ты знаешь, что тогда будет. Этха слабы и почти беззащитны перед колдунами, и отступник очень хорошо это доказал.

— Я не могу ни признать вашей правоты, Верховная. Но моё сердце спорит.

Мы почти пришли. Свежий курган рядом с храмовой площадью кажется странно уместным. Подчёркивает обречённость жилища Богини. Жриц традиционно хоронят в катакомбах под храмом, даже после смерти оставляя частью жилища Богини. Если они, разумеется, умирают, будучи жрицами, а не возвращаются, состарившись, в свой род, чтобы служить советницами и врачевательницами.

— Так всегда бывает, когда принимаешь трудные решения. — Алакся выпускает мою руку. — Я передам Джалэнаю твои слова и извинения.

— Благодарю. Он поймёт.

— Не в первый раз пропадаешь без предупреждения? — она понимающе улыбается. — Что делать с Ваэем?

— Думаете, он что-то понял?

— Не знаю... ладно, я найду, что ему сказать. Уедешь не попрощавшись?

— Да, я уже собрал всё необходимое. Нужно спешить.

— Да хранит Богиня твою дорогу.

Сильная длиннопалая рука на миг касается моего лба небрежным благословением. Опускаю веки, молча принимая его.

Лерда никогда не чувствовала себя такой одинокой и напуганной. Она потерялась в огромном, полном равнодушных людей мире и рядом не было никого, кто мог бы поддержать и одобрить. Она потеряла Мориона и теперь не знает, где его искать. А главное — она совсем-совсем запуталась и теперь даже не знает, что делать.

Леренва поудобнее устроила подбородок на коленях. Звёздочка паслась неподалёку и совершенно не мешала переживать. Девушка уже почти час сидела у корней раскидистого дуба на краю какой-то деревни. Надо было войти в неё и расспросить о Морионе, но почему-то не хватало духу. Деньги неумолимо кончались, она никогда не умела их тратить, о полуэльфе никто не знал, а что будет, если она его так и не найдёт, девушка просто боялась представить.

Лерда шмыгнула носом. Совсем одна. И никто не поможет...

— Таэс, у вас что-то случилось? Могу я вам помочь? — Надо же, так задумалась, что пропустила приближение человека. Юноша в трёхцветном плаще рыцаря Храма, с вышитой на груди шестиконечной звездой подошёл к дубу со стороны деревни и, увидев девушку, остановился. Совсем молодой, всего на несколько лет старше неё. Темноволосый и светлокожий, как и большинство в астаях, довольно симпатичный.

— Не знаю, — девушка подняла глаза, по привычке ловя взгляд неожиданного собеседника. Располагающие, широко открытые серые глаза, не затуманенные ни налесью корысти, ни склизкой плёнкой похоти. Она неуверенно улыбнулась. — Я заблудилась.

— Я неплохо знаю эти места. Этрам из Коррема к вашим услугам.

Юный рыцарь учтиво, немного старомодно поклонился. Девушка смутилась и поднялась на ноги.

— Леренва, ученица менестреля, — она нервно потерела тесьму на рукаве. — Я ищу одного человека, он должен был поехать в Ллевельдеил.

— В таком случае вы отнюдь не заблудились, Ллевельдеил примерно в половине десятидневья пути отсюда. — Это она и сама знала, вот только в какой стороне не имела понятия. — Мой отряд как раз направляется туда же и, если хотите, вы можете присоединиться к нам.

Удача! Просто невероятная удача!

— Было бы здорово!

— Тогда погодите немного, я провожу вас, как только закончу, — с этими словами рыцарь опустил на корточки и принялся собирать жёлуди, придирчиво выбирая самые большие и ровные

— Ой, а зачем они вам? — удивилась Леренва.

— С самыми серьёзными целями, — Этрам поднял голову и подмигнул. — Корсана, одна из наших лучниц, вызвала Гренда-мечника на состязание: кто может дольше сквернословить не повторившись. А в таком деле без награды не обойтись. Они, вообще, на пинту пива спорили, но почётный знак тоже обязателен, верно?

Лерда вспомнила, что традиционная награда победителю рыцарского турнира — драгоценное ожерелье и захихикала.

— У вас, кстати, иголки с ниткой не найдётся? А то я, кажется, не захватил.

— Конечно, найдётся! — Лерда уселась рядом и тоже принялась искать жёлуди среди прошлогодней листвы.

Дэррик Виттанийкий, один из первых магов Аишиана, решительным шагом вышел из портала. Сбросил на руки подошедшему слуге церемониальную мантию и, наконец, позволил себе недовольно скривиться. Очередное собрание Совета отличалось редкостной скукой. Как, впрочем, и всегда. Глупости, сплошные глупости вот уже почти сотню лет. Ничего по-настоящему важного. Маг поморщился. Столько времени теряется зря! От агентов давно должны были поступить донесения, а он вынужден выслушивать всякую чушь! Он жестом приказал подбежавшему ученику стереть с чертежа дополнительные линии и вышел в холл поместья. Двери сами собой распахнулись перед ним.

Обстановку в своём доме Дэррик выбирал сам, старательно соединяя магию и дело человеческих рук. Он не жаловал демонстративную волшебность, вроде картин с меняющимся изображением или лестниц, которые сами собой поднимают на нужный этаж — Дэррик терпеть не мог тратить силу впустую. Но мелкие удобства вроде открывающихся при приближении дверей или всегда свежей воды в графинах и живых цветов круглый год были рассеяны по всему поместью.

Как ни торопился, он задержался у стоящей в холле статуи. Древняя работа, лет сорок назад откопанная в развалинах неизвестного дворца каким-то крестьянином. Невежда, тот даже не подозревал, насколько она на самом деле ценна, продал за горсть нефритовых монет. Вырезанное из белоснежного мрамора обнажённое существо танцевало под неслышную музыку. Не мужчина и не женщина, не принадлежащее ни к одной из существующих рас. Ослепительно прекрасное. В удивительно точно запечатлённой позе было что-то странное, неправильное. Человек может точно так же вытянуть руки, поставить ноги, изогнуться, но всё вместе производило чуждое, почти нереальное впечатление.

Маг усилием воли заставил себя стряхнуть очарование и быстрым шагом направился в кабинет. Там его уже ждало донесение от обретающейся в последнее время у границ со Стевью Рьелинли. Ундина с прискорбием сообщала, что Аркай с его людьми был уничтожен, судя по всему нарвавшись на сопротивление во время праздника. Все тщательно разработанные планы подчинения Степи, которые маг вынашивал уже не первый год, со свистом летели в Бездну.

До Ллевельдеила, одного из крупнейших эльфийских Лесов, было десять дней пути по старому, почти заброшенному тракту ещё Зайнерийской постройки. Вообще, Зайнерия и эльфийские княжества когда-то общались очень тесно, особенно после того как один из принцев (к радости императора не самый старший) ухитрился взять в жёны эльфийку из Ллевельдеила. Не помню, что с ней стало в итоге.

Сквозь небольшие серо-коричневые камни дороги росла трава, кое-где они раскололись от времени, но тракт всё ещё был вполне проходим и останется таким надолго. Зайнерийские дороги до сих пор верой и правдой служат множеству государств, когда-то бывших имперскими провинциями.

Времени в пути вполне достаточно, чтобы не торопясь, понемногу отшелушить с себя

Яатая. Вокруг Лесов люди почти не живут, но мне всё равно не хочется рисковать, без нужды появляясь в облике этха вне Степи. К тому моменту, когда вдоль дороги стали появляться первые редкие деревца, в седле сидел уже привычный бродяга-полуэльф. Мрак тоже заметно приободрился. Степь жеребец откровенно не любит, даже несмотря на то, что этха почти в каждый мой визит охотно привлекают его к улучшению породы своих лошадей.

Перелески с каждым днем становились всё гуще, сливаясь в рощи, а на горизонте неумолимо вырастала громада Леса. Нет в мире деревьев выше и величественнее, чем те, что растут в эльфийских лесах, вековые дубы рядом с ними — всё равно что кустарник. Для лесного народа они и дом, и жизнь, и весь мир. Помнящие многое из того, что забыли смертные, древние и мудрые деревья. Кажущиеся вечными даже старшим из эльфов.

Дорога, наоборот, становилась всё хуже, пока совсем не превратилась в едва угадываемую стёжку. Вполне, однако, безопасную для лошадиных ног — здешние тропы не уступают по ровности и надёжности лучшим дорогам людей.

Последнюю ночь перед вступлением под своды Ллевельдеила принято проводить, не зажигая огня. Я просто лежу на земле, подстелив плащ и закинув руки за голову. Покусываю травинку и смотрю на звёзды. Рассёдланный Мрак щиплет траву чуть в стороне. В такую ночь не хочется ни спать, ни что-то делать. Только слушать лес, вдыхать его запах, растворяясь мыслями в величественном молчании, полном тихих шорохов, скрипов, птичьего свиста и еле уловимого шелеста растущей травы.

Задумавшись, машинально провожу левой ладонью по чуть влажным листьям кислицы и тут же испуганно сжимаю руку в кулак, придерживая спадающий перстень. Он всегда был мне велик, а в последнее время просто сваливается с пальцев. Подношу руку к глазам, разглядывая тусклое золото: массивная, но при этом удивительно изящная вещь, с тонкой резьбой по всей поверхности. Крохотные ветви ивы обрамляют стилизованное изображение стрижа — символа Ллевельдеила и его правителей. По ребристой ободке кольца очень приятно проводить пальцами, но смотреть на княжескую реликвию мне не слишком нравится.

Хорошо просто лежать вот так, полностью расслабившись и ни о чём не думая. Однако мысли помимо воли вновь и вновь возвращаются к предстоящему завтра.

Трудно признавать, но мне не хочется возвращаться в Ллевельдеил. Совсем не хочется. Нет, было бы приятно вновь пройти по величественному лесу, встретить старых друзей, послушать древние песни. Вот только старые друзья тоже будут мне рады.

Элистар. Сколько уже лет мы друг друга мучаем? Наследник князя, чья жизнь практически по дням расписана на сто лет вперёд и... я. Безнадёжно. Давно надо было поставить точку в этих странных, никуда не ведущих отношениях, но не получается. Сил не хватает... или воли?

Если подумать, с моей стороны гораздо больше чисто практических причин. Он станет великим князем. Действительно великим, с самой большой буквы.

И он — тот, на кого я всегда могу положиться, я могу ему доверять, могу рассчитывать на его помощь, а хорошие отношения с повелителем Ллевельдеила в любом случае пригодятся мне в будущем. Я давно уже провожу подобные расчёты совершенно автоматически. А значит, буду и впредь возвращаться в Лес, не смотря на тяжесть на сердце.

А теперь я ещё и собираюсь использовать принца. Нагло и беззастенчиво, твёрдо зная, что он не откажет. Из-за этого на душе становится ещё гаже. Возможно, именно это и

Границу эльфийского княжества невозможно заметить. Только почувствовать. Казалось бы, всё так же стелется под ноги тропа, поют птицы, шелестят ветви деревьев, пока вполне обычных дубов и лип, но вдруг что-то меняется. Чуть ярче краски, чуть мягче травы, едва уловимый сладко-свежий привкус в воздухе. Мрак, давно уже идущий неторопливым шагом, по собственной инициативе останавливается, напряжённо подёргивая ушами. Спешиваюсь, снимаю перчатки и трижды произношу ритуальную просьбу войти. Старый этот обычай даёт стражам время рассмотреть нежданного гостя и решить, можно ли ждать от него зла. Пустая формальность, здесь меня неплохо знают и без того.

— Кто вы и по какой причине желаете вступить под короны Ллевельдеила? — звонкий и подозрительно знакомый голос раздаётся словно из ниоткуда. Два стража в коричнево-зелёных лесных костюмах грациозно выступают из-за деревьев, словно соткавшись из воздуха. На эльфа в лесу можно в упор смотреть — не заметишь, пока он этого не захочет. Оба светловолосые и светлоглазые, да и вообще похожие как два жёлудя. И знакомые. На мою физиономию напалзает совершенно неуместная довольная ухмылка.

Тот, что повыше, продолжает по-эльфийски:

— Назовитесь!

Негромко прокашливаюсь, потираю горло. После нескольких лет разговора на низких тонах возвращение на высокие почти болезненно. Небрежно, для порядка взмахиваю рукой с кольцом и отвечаю на том же языке.

— С каких это пор меня здесь не узнают, Риэ? — кажется, мне удалось добавить в голос достаточно язвительности. — Или, быть может, мне здесь не рады?

— Тебе здесь всегда рады, но порядок есть порядок! — тепло улыбается второй страж, гася такую многообещающую перепалку, после чего закидывает лук в налуч и устремляется мне навстречу.

— Морвена, мягкой листвы тебе на дорогу!

— Листвы на путь и тебе, Риалойна! — искренне улыбаюсь подруге в ответ, легонько прикасаюсь губами к светлым прядям на её виске. — Рада тебя видеть!

А ведь она мне действительно рада. Эльфы, в отличие от людей, относятся к своим именам весьма легкомысленно, используя несокращённые формы только в особых случаях.

— Я тоже! — ответное касание губ. — Страшно по тебе соскучилась!

Риэллин презрительно усмехается, всем своим видом показывая, что уж он-то ни по кому не скучал. В отличие от сестры этот надменный эльф меня терпеть не может.

Все нелепые слухи о распространённости среди эльфов однополрой любви основаны на одном маленьком недоразумении — для того, чтобы отличить юного эльфа от юной эльфийки требуется хорошо развитая наблюдательность. И те и другие хрупкие, смазливые, длинноволосые, с мелодичными голосами. Дело осложняется ещё и тем, что «девичьи прелести» у эльфийских женщин оформляются только после первой беременности, а незамужние дочери Леса могут состоять и в войсках, и в страже, и в посольствах.

— Как дела? — Риа взяла Мрака под уздцы, и тот тут же попытался пожевать её волосы. Эльфийка со смехом отклонилась. — Эй, не балуйся! Здравствуй, мальчик. Злая хозяйка всё ещё хранит это твоё дурацкое имя?

Иногда мне кажется, что она с конём ладит даже лучше меня.

— Неплохо. А менять имя подаренной лошади, к твоему сведенью, очень дурная примета. — Имечко Мрака источник наших споров с тех пор, как он у меня появился. Я не спорю, кличка глупая, но ведь конь к ней уже привык. Да и память всё же. — Проводишь до Ивовой Рощи?

— Разумеется! — вообще-то Стражи Границ и так обязаны сопровождать гостей княжества, но мне хочется, чтобы это сделала именно она. С Риалойной поговорить можно, узнать новости... а вот её братец так и будет всю дорогу гордо молчать, с выражением «полукровки-оскорбляют-древние-устои-Ллевельдеила-а-ты-в-особенности!» на породистом лице. Сволочь он, между нами говоря.

— Что новенького? — мы с Риа прогулочным шагом направляемся вглубь Леса. Деревья, на границе совершенно обычные, понемногу сменяются узколистыми гигантами с гладкой, как стекло, золотистой корой. Линны, деревья эльфов. Ещё молодые и сравнительно невысокие, как и положено на периферии. Лес, незаметно для людей, с каждым столетием по чуть-чуть разрастается. В воздухе всё сильнее тонкий, горьковато-свежий аромат линновой коры, отгоняющий тоску и обостряющий чувства. За духи с таким запахом человеческие правительницы платят драгоценными камнями по весу флакона.

— Да ничего, всё тихо. Правда, когда Князь Эссариона с астаэ Сэлис поссорились, на наших тоже коситься начали, но, хвала Лесу, обошлось. И почему смертные никогда эльфов из разных княжеств не отличали?

Надо не забыть выяснить подробности, возможно, что-то важное. Но только не у Риалойны. Эльфийка — существо незамысловатое, мигом братцу растреплет. А нечистокровным бродяжкам политикой интересоваться не положено, не хватало ещё, чтобы он меня в шпионаже заподозрил.

Риа охотно рассказывает о последних событиях Ллевельдеила. Увидел бы её сейчас кто-то из людей, был бы поражен до глубины души — безгранично мудрая, холодная и отстраненная лесная дева так и лучилась радостью. Это редкость — увидеть эльфа таким. Внешнее проявление эмоций для них непозволительно при чужаках.

— Новый договор с Шенгреилом подписали. Ну, ты слышала, наверное. Кстати, Князь Элистару невесту подыскал, из того же Эссариона. Тот, говорят, против, упёрся руками и ногами. О сватовстве уже даже официально объявили, но от имени Князя, а не наследника.

— Дурак, — скорее бурчу это себе под нос, чем обращаюсь к подруге, но она слышит.

— Это не только его вина. Быть может, поговоришь с ним?

— Это будет не слишком удобно, не находишь? А кто невеста?

— Мирэана, младшая дочь Эссарионского Князя. Слышала о ней?

Кто не слышал о Ледяной Звезде? Прекрасна как жизнь, холодна как смерть. Но с политической точки зрения партия действительно весьма удачная. Точнее, была пару месяцев назад. Ллевельдеил, благодаря усилиям наследника, второе по степени открытости для других рас княжество, а Князь Эссариона, как назло, поссорился с людьми непонятно из-за чего.

— Даже видела один раз. Красивая.

— Угу. Лучше расскажи, как у тебя дела? Откуда к нам?

— Ох, долгая история!

Тропинка стелется под ноги, журчит неторопливый разговор. Хорошо-то как!

У эльфов нет городов в привычном смысле этого слова. Лесной народ селится, кто где желает, и большинство из них не слишком любит скученность. Исключение составляют места, по каким-то причинам важные. Дом Князя, храмы, ярмарки... Ивовая Роща как раз из последних. Место, дальше которого прочие расы пускают редко и неохотно. Поселение расположено на заросших ивами берегах небольшой реки, тут и там перечёркнутой изящными резными мостиками. Именно здесь приезжие купцы круглый год продают свои товары, и покупают взамен изделия эльфийских ремесленников. Яркое, шумное, бестолковое, где людские, стоящие на земле постройки соседствуют с эльфийскими домами в кронах деревьев, а в речи жителей мешаются десятки наречий.

Риа помахала рукой городской страже, дескать «гость безопасен, проверила, ручаюсь», сунула мне в руку резную деревянную пластинку ключа и умчалась обратно на пост.

Кивнув охраннику, направляюсь к ближайшему постоялому двору, рассчитанному на разные расы, а потому стоящему на земле. Мрака придётся оставить тут, в пределах Ллевельдеила разрешено передвигаться только пешком. Я, когда здесь бываю, обычно останавливаюсь у Риа, но лошадь там совершенно негде держать.

Конюх оказался незнакомым, но, узрев перстень, безропотно предоставил жеребцу лучшее стойло и клятвенно пообещал, что ему обеспечат достойный уход. Перстень князя дарует очень много привилегий в эльфийских лесах. Я ими обычно не злоупотребляю, но остатки денег тратить совсем не хочется.

Разобравшись с лошадью и закинув на плечо сумки, направляюсь к жилищу Риа. Мне в этот раз здорово повезло — не пришлось искать её по всей Роще. Подруга никогда не против приютить меня, вот только ключи за пределы Леса выносить запрещено.

Традиционный эльфийский дом представляет собой весьма занятное зрелище. Когда эльф решает, что хочет жить отдельно, он находит линну по душе и говорит с ней. Долго, месяцами. И дерево в конце концов начинает изменяться. На стволе формируется ровная площадка, ветви становятся стенами. Самое потрясающее — в этом нет ни капли магии. Вообще. Только добрая воля линны, как бы странно это не звучало. Маг, конечно, тоже может такое проделать, причём гораздо быстрее, но подавляющее большинство эльфов предпочитает справляться своими силами. Потом, конечно, приходит черёд и обычных досок, и многого другого, но каркас дома всегда живое дерево.

Так, найду, вещи кину, приведу себя в порядок, и можно будет по торжищу пройти. Слухов наловить и знакомых поискать.

— Морве! — окликают меня от ближайшей лавки. — Мягкой листвы тебе на дорогу!

— Здравствуй, Арле, — ага, последний пункт отменяется. Быть не может, чтобы Арлайн меня в гости не пригласил. Место людное, поэтому мы с приятелем ограничиваемся суховатыми приветственными кивками с пары шагов.

— Зайдешь к нам сегодня? Вьёна будет рада тебя видеть.

Супруга Арлайна, одна из лучших вышивальщиц Ллевельдеила, в своё время торжественно пообещала не отставать от меня, пока я не выдам ей всех своих секретов. Меня угораздило неосторожно признаться в ее присутствии в том, что много знаю о традиционных вышивках этха. Секреты пока не кончились, так что мы можем приятельствовать с полным на то основанием.

— После полудня подойдёт?

— Вполне.

Линна Риалойны высится далеко за границей поселения, к ней ведёт едва заметная стёжка. Совсем молодое ещё дерево, всего в два обхвата толщиной. Высокое, тонкое, с пушистой растрёпанной кроной, удивительно похожее на хозяйку. Мне с первой встречи кажется, что у этого дерева есть свой характер, что линна немного сумасбродная, но очень добрая, как и Риа. На мой взгляд почти все линны что-то перенимают от своих хозяев. А может и хозяева от них, кто знает? Кладу руку на гладкий золотистый ствол. Дерево восхитительно пахнет, высоко над головой тихо шуршит на ветру листва. Линна не против моего присутствия. Это странно звучит, но иного определения я подобрать не могу. Приветственно погладив тёплую кору, наклоняюсь и нахожу привязанную к корню верёвку. Дёргаю за неё, заставив чуть отклониться одну из верхних веток, и хитро закреплённая верёвочная лестница спускается на землю. На старых деревьях лестницы не такие, но эта слишком молода, чтобы крепить к её коре настоящие прочные ступени.

На покрытой сложной резьбой дверце не сразу и найдёшь замочную скважину. В первый раз Риа предложила мне искать её самостоятельно и долго хихикала, глядя как я ощупываю и обнюхиваю изображённых на двери животных и птиц. Найти щель мне тогда всё же удалось без подсказки, чем я до сих пор заслуженно горжусь. Сейчас я уже могу отыскать её с закрытыми глазами. Чуть отодвигаю ухо настороженной лесной кошки, просовываю в открывшееся отверстие ключ и несколько раз проворачиваю.

В жилище Риа просторно и светло. Комната всего одна, пол застелен тростниковыми циновками. Поверх них изящный, не вызывающий неприятных впечатлений бардак. Широкие окна распахнуты, занавешивающие их гибкие ветви подвязаны яркими лоскутками и лентами для волос. С восторгом узнаю среди них одну из своих. В центре комнаты низкий столик, на нём буйно и ароматно цветёт ало-золотистая лилия в горшке и свалены листы с набросками, рядом на полу широкая миска с песком, в которую воткнуты использующиеся для измерения времени толстые ароматические палочки с насечками, сейчас погашенные. В углу тюфяк и груда пледов, служащие постелью, среди них затесалась раскрытая книга. На стенах вперемешку развешаны картины, оружие и книжные полки, с потолочных ветвей то тут, то там свисают на шнурках разновеликие колокольчики и круглые маленькие светильники из тонкого стекла. В них растут кустики светящегося в темноте лишайника. Лишайник днём голубовато-белый и сухой даже на вид, чтобы «зажечь» его, в сосуды наливают немного воды.

Со вздохом облегчения сваливаю сумки в излюбленный угол у окна. Мои права на него Риа уже давно не оспаривает, здесь даже стоит небольшой сплетённый из лозы сундучок с моими вещами. Несколько платьев, бельё, ленты, низка тонких серебряных колечек, служащих у эльфов деньгами и прочие девичьи мелочи.

Какое же это невероятное облегчение — наконец содрать с себя пропахшую потом и пылью дорожную одежду! Скидываю тряпки в стоящую у стены корзину для грязного белья, к ним же прибавляю условно чистую смену из сумок. Надо бы заняться стиркой ближе к вечеру, тем более что, судя по залежам «собратьев» моих вещей, Риа это обрадует. Эльфийка терпеть не может стирать, откладывая это занятие до последнего и сваливая на заезжающих в гости подруг.

Собранной дождевой воды с избытком хватало, чтобы помыться. Более старшие деревья проводят воду в дом напрямую, от корней, но риалойниной линне до такого ещё расти и расти. Расчесав благоухающие позаимствованным у подруги коричневым бальзамом (благо, здесь это уже не вызов обществу) волосы, завязываю их в традиционный для эльфов высокий

хвост на макушке зелёной лентой, оставив два длинных конца. При необходимости ими несколько раз крест-накрест обвязывают волосы, чтобы не мешали. Извлечённое из сундучка свободное платье цвета нефрита спадает мягкими складками, прикосновение тонкой ткани к коже до безумия приятно. Жаль, позволить себе подобное я могу очень редко. Бисерный пояс, кулон и серьги с морионами — образ готов.

Линна, на которой живёт Арле с семьёй, одна из самых старых здесь, растёт почти в центре Ивовой Рощи. Древнее дерево настолько огромно, что стоящая у его подножья кожаная лавка и до половины не закрывает ствол. От мощных сучьев тянутся подвесные мостики к другим домам.

Наскоро поздоровавшись с занятым покупателем Арлайном (его колчаны и пояса славятся на полсоюзе), поднимаюсь по ажурной, спиралью обвивающей ствол лестнице, скользя рукой по гладкой коре. С этой линной говорил ещё дважды прадед нынешнего хозяина, даже для эльфов это очень и очень давно. На её ветвях должна была бы жить большая семья, а не пара супругов с детьми, но не случилось. После эпидемии завезённой северными купцами красной лихорадки (эльфы болезням подвержены поменьше людей, но всё же не неуязвимы для большинства из них) из всего рода уцелел лишь самый младший отпрыск. Меня в Ллевельдеиле тогда не было, а когда удалось добраться, местные лекари уже сами нашли лечение, вот только к людям с тех пор в Ллевельдеиле отношение неровное. Потерявший супругу Князь их честно ненавидит и с огромным удовольствием вообще закрыл бы Лес от чужаков, его наследник, наоборот, уверен, что изоляция для эльфов губительна. У простых эльфов мнения расходятся.

Хозяюку дома я нахожу сидящей на полу одной из террас и увлечённо читающей длинный свиток. Терраса почти целиком застелена толстым ковром с вытканым на нём степняцким узором, слегка доработанным в связи с эльфийскими представлениями о прекрасном. Греющаяся на весеннем солнышке Вьёна при виде меня улыбается и пытается подняться на ноги.

— Сиди, не вставай!

Устраиваюсь рядом на разбросанных по полу подушках. Прикасаюсь губами к её виску.

Вьёна выглядит именно так, как представляют эльфиек человеческие художники и поэты. Высокая, царственная, с плащом бледно-золотистых волос и огромными, серо-зелёными глазами. В домашнем, расшитом осенними листьями платье, с задремавшей у груди младшей дочкой, она красива так, что дух захватывает.

— Рада тебе.

— Я тоже, — она осторожно, чтобы не потревожить маленькую Ольрейну, повторяет мой приветственный жест. — Подожди, отнесу малышку, и поговорим.

Вьёна всё же поднимается и выходит, чтобы вскоре вернуться с высоким кувшином из белой глины, расписанным травами и цветами, и стаканом синего стекла. Разговаривать за едой у эльфов не принято. Чтобы горло не пересыхало, к дружеской беседе подаётся кувшин освежающего напитка и один на двоих бокал. Заинтересованно принохиваюсь. В кувшине ключевая вода с линновым весенним соком — умопомрачительно вкусная вещь. Если бы другим расам довелось такое попробовать — за линны бы воевали. Но, к счастью, в трактирах его не подают, посторонним не наливают и, тем более, не продают никому. Сок

даже не собирают ни с каких деревьев, кроме собственного.

С увлечением участвую в обсуждении семейных новостей и жизни общих знакомых, привычно вылавливая ценную информацию. Алорлана разработала какой-то новый сорт стекла, не трескающийся от жара, теперь у неё заказов на год вперёд. Иллайн всё же решил стать магом. Жаль парня, мне казалось, что его ещё можно спасти. После гибели невесты он был сам не свой, но в последний наш разговор мне показалось, что рана начала затягиваться. Где-то под ключицами ворочается тяжёлый комок чувства вины. Не стоило мне тогда уезжать, возможно, ещё одна беседа по душам всё бы изменила. А может и нет, всё же с его стороны это была самая настоящая любовь. Отгоняю не ко времени пришедшую в голову мысль, что Элистару грозит похожая судьба. Нет, ни в коем случае! Я ещё успею что-нибудь придумать. И вообще, невежливо отвлекаться от разговора, обдумать его можно и потом, в одиночестве.

А борцов за эльфийскую избранность, оказывается, стало ещё больше, и Риэллин вот-вот выбьется в лидеры. Дураки, но опасные. За Ллевельдеил волноваться не стоит, Элистар их приструнит, как только станет Князем. А вот в другие княжества стоит наведываться почаще. Вряд ли это только местные настроения.

Выяснив всё, что хотелось, пытаюсь аккуратно перевести разговор на тему Эссариона. Вьёна, не будь дура, настораживается. Признанным из милости авантюристам вроде меня положено держаться от политики на расстоянии выстрела из ростового лука.

— А зачем тебе знать об этой ссоре?

Пришлось смущаться и торопливо краснеть. У меня это здорово получается, сразу всем лицом и даже шеей немного.

— Ясно, — Вьёна понимающе улыбается, откидывает с лица длинную прядь волос. — Про сватовство уже рассказали. Не надейся, на отношениях с нашими ничего не сказалось. А та история банальна до неприличия. Астайе Сэлиса серьёзно оскорбил посла. И не пожелал признавать свою вину.

Странно, люди эту историю рассказывают совершенно иначе.

— Князь попросил объяснений, не получил их и разорвал с астаем все отношения.

Да, иначе. С точностью до наоборот.

— И это всё?

— Всё, что точно известно. Слухов, разумеется, полно, но достоверных среди них почти нет.

— Спасибо и на этом.

Из глубины дома доносится детский плач. Эльфийка вскакивает и, скороговоркой извинившись, спешит к дочери.

Усталая Риалойна приходит домой далеко за полночь. Окидывает одобрителем взглядом воцарившийся в доме порядок и заинтересованно принохивается.

— М-м-м, а что это у нас такое вкусное грядёт?

— Увидишь, — улыбаюсь я, не переставая помешивать густую похлёбку в котелке. — Бельё лучше с ветвей сними.

Риа вприпрыжку уносится наружу. С её ночным зрением скакать по веткам и в темноте не сложно. Я же возвращаюсь к прерванному занятию. Небольшая жаровня, на которой я

готовлю — единственный допустимый огонь в эльфийском доме — почти не даёт света, но мне не сложно ориентироваться в полутьме при помощи памяти и обоняния, а «зажигать» светильники просто не хочется. Попробовав булькающее варево, снимаю суп с огня. Да, я не люблю готовить. Но кто сказал, что не умею? Все остальные кушанья уже расставлены на столике вокруг лилии и ждут своего часа. Салат из стеблей и молодых листочков, запечённая в пряных листьях рыба и человеческий хлеб, купленный по пути от Вьёны.

— Что бы я без тебя делала! — вернувшаяся Риалойна пристраивает ворох одежды на одном из горизонтальных сучьев. Щёлкает пальцем по ближайшему светильнику — тот издаёт долгий мелодичный звон — но зажигать тоже не зажигает. И так вполне уютно — лунный свет льётся в открытые окна, столик специально стоит именно там, куда он падает.

— Грязью бы заросла по самые кончики ушей! — тяжело вздыхаю я.

— Не факт, не факт. У меня подруг много! — Риа беззаботно смеётся и благодарно утыкается носом мне в волосы. — Хотя тебя я бы у себя, пожалуй, насовсем поселила. Готовить будешь!

— Лентяйка! — разливаю похлёбку в глубокие пиалы. — Садись, давай!

— Надолго у меня задержишься? — спрашивает эльфийка, как только мы, наконец, устраиваемся на полу, друг напротив друга, и приступаем к еде. Этикет, повелевающий во время приёма пищи молчать и не отвлекаться, всегда был не для неё писан.

— Прости, на сей раз праздник не затянется — завтра же утром отправлюсь к Князю. Важное дело.

— Я-а-асненько, — понимающе ухмыляется она. — Нет, завтра утром ты никуда не пойдёшь! — Риа с хлюпаньем отпивает из пиалы. — Завтра у меня свободный день, так что утром ты вместе со мной пускаешь мыльные пузыри.

А что, вполне подходящее занятие для эльфийской девы, если её, разумеется, не видит никто из посторонних. Да и мне бы не помешало немного развеяться.

— Ну ладно, — в принципе, одно утро погоды уже не сделает. — А можно просьбу? Когда время будет, поговори со своей матерью, мне арфа нужна.

Лерду же надо учить не только пению. А под её пальцы арфа — самое то.

— Точно тебе? Ты учти, она же без личной встречи ничего не делает.

Как и положено настоящему мастеру. Великая женщина, Риалойнина мама, хоть и стерва редкостная. Впрочем, в её случае это вполне простительная стервозность уверенной в себе талантливой мастерицы, а не убеждённости в своём расовом превосходстве, так что ладим мы неплохо.

— Одной человеческой девушке. Очень талантливая, не переживай.

Представив, как обрадуется Лерда, когда я привезу её в эльфийский лес, довольно жмурюсь. Ей понравится, я верю.

— Ховофо, а ео уховову... уговорю, то есть. Рыбку подай!

Дэррик Виттанийский отложил в сторону перо и потянулся. Расшифровка старинного манускрипта продвигалась медленно, но труд того стоил. Подумать только, подлинные записки кого-то из Звёздных! Полностью прочесть их никак не удавалось, но уже расшифрованные фрагменты несли просто невероятные знания!

Заблуждение, что Дети Звезды не использовали магию. Ещё как использовали, маг был

в этом абсолютно уверен. Заклятье тления, которым он так гордился, было почёркнуто именно из этих записей. То есть не само оно — писавший почему-то не использовал общепринятых магических формул. Должно быть, у его народа это не было принято, или же он опасался за свои тайны. Тем не менее, достаточно опытный маг способен восстановить заклинание даже на основе одного лишь описания принципов его действия.

Дэррик провёл кончиками пальцев по полустёртым буквам. Неразгаданные фрагменты таили в себе новые знания, но потребуется ещё много времени, чтобы их понять. Упрямый текст очень плохо поддавался расшифровке, неведомый автор менял способ записи в зависимости от дня, часа и даже, кажется, погоды, а приходилось ещё и переводить с давно мёртвых языков. Временами казалось, что сам манускрипт не желает быть прочитанным, сопротивляется, словно живое существо, то и дело выдавая новый принцип записи или чтения. Сравнение мага позабавило. Он ещё не встречал существа, способного противостоять его воле. И непокорный пергамент тоже подчинится, рано или поздно.

Маг довольно улыбнулся. А самое главное, эта редкость ему почти ничего не стоила. Всего лишь пара слов нужному человеку в нужное время. С Сэлисским астайе он давно был накоротке. А эльфы, кажется, сами рады были избавиться от бесполезных, с их точки зрения, записей. Другое дело, что при передаче оговорённой оплаты дурак астайе ухитрился где-то крупно опростоволоситься. Ну или эльфийка что-то учудила, Дэррик этой историей не слишком интересовался.

Выйти от Риа у меня получается только ближе к полудню, когда мы, наконец, вдоволь надурачились. За мыльными пузырями как-то незаметно последовали догонялки по ветвям, закончившиеся выпутыванием веток из моих волос (точнее, будем честны, меня из веток), прогулка воль реки и сбор кореньев к обеду, а потом — совместное их приготовление и поедание.

Повесив на пояс сумку и потребовав с подруги клятву не забыть об обещании и обязательно поговорить с матерью об арфе в ближайшие же дни, с лёгким сожалением покидаю Ивовую Рощу.

Перемещаться по эльфийскому Лесу можно только пешком. И при этом за пол дня преодолевать расстояния, которые на лошади можно покрыть только за неделю. Эльфийские Тропы — самая странная и прекрасная особенность линовых лесов. И чтобы ступить на них, эльфом быть отнюдь не обязательно. Достаточно того, чтобы тебя признали деревья, как бы странно это не звучало. Тогда можно войти в лес, снять обувь и пойти, загадав конечную цель. И через пару десятков шагов ты найдёшь Тропу. Где угодно, они, кажется, никогда не появляются дважды подряд в одном и том же месте. Несколько часов величественной лесной тишины и полного одиночества, и вот ты уже на месте. Просто и замечательно. Говорят, некоторые из эльфов потеряли способность перемещаться подобным образом, но так ли это мне пока неизвестно.

А ещё, хоть раз пройдя Тропой, невозможно не почувствовать благоговения. Деревья древнее всех, кто ходит в тени их крон, они видели иные эпохи и иной мир и помнят столько, что и не снилось никому из живущих. Огромные, прекрасные, вечные... Далеко в вышине их ветви сплетаются с солнечными лучами, бросая на землю причудливое кружево теней. Тропа среди них — ручей зеленоватого света, непонятно как пробившегося сквозь

высокие кроны. Мягкая прошлогодняя листва слегка пружинит под ногами, словно подталкивая в пятки, торопя, не давая остановиться и задуматься. Останавливаться на Тропе нельзя — можно ненароком сойти и заблудиться. Впрочем, бежать я тоже не собираюсь. На бегу невозможно увидеть ничего интересного и, тем более, красивого.

Солнечные блики на золотистой коре складываются в смутно угадываемый девичий силуэт. Куст черёмухи с порывом ветра обдаёт меня целой метелью из белоснежных лепестков и волной головокружительного аромата. Изумрудная змейка торопливо переползает дорогу, не обращая на меня ни малейшего внимания. Ей до Троп нет никакого дела, у неё свои пути. Мелькает сбоку поляна, белая от цветущей земляники — эх, как жаль, что нельзя вернуться сюда через пару месяцев! Маленький, с пол ладони, пёстрый паучок деловито натягивает свою сеть прямо над тропой. Эльфы приручают таких, делая из их паутины тончайший и прочнейший эльфийский шёлк, сохраняющийся веками. Не сбавляя шага пригибаюсь, пропуская над головой почти законченную сеть. А, выпрямившись, неожиданно понимаю, что до цели моего пути осталось всего с полтысячи шагов. И, даже сознавая всю глупость подобного поступка, не могу не обернуться. Паука, разумеется, нет.

Линны, в кронах которых построен дворец князя, своей древностью просто подавляют. Несколько сплётшихся, почти сросшихся ветвями деревьев, каждое обхватом в хорошую площадь. А тень от их крон лишь немного не достигает пальцев моих ног. Огромные, старые настолько, что, кажется, помнят рождение этого мира. О чём они думают? Чего ждут? Замечают ли копошение смертных букашек на их телах?

Ажурное кружево княжеского дворца, запутавшегося в ветвях, кажется праздничной гирляндой Дня Цветения, почему-то вырезанной из белой, а не алой бумаги. Террасы и переходы, отдельные комнаты, домики и целые замки, серебристо-белые, переливающиеся на солнце, тончайшие и невесомые на фоне мощных, затейливо перекрученных стволов, от времени сменивших цвет на бархатисто-коричневый. Широкие подвесные лестницы и мосты почти теряются среди золотистой зелени листвы и похожи на занесённые ветром паутинки. Дворец Князя — пожалуй единственный аналог человеческого города в каждом княжестве. Столица Леса, его сердце. Со вздохом снимаю с плеча связанные ремешками сандалии и нехотя обуваюсь — входя туда нужно соответствовать приличиям.

Здесь одним кольцом дело не ограничилось — стоящему у лестницы стражу пришлось назвать полное имя и цель визита. Имя знакомое, цель визита известная, но доблестный воин всё равно переглянулся с напарником и счёл необходимым проводить меня до первой террасы, передав там с рук на руки одной из незанятых служанок. Девушка приветливо улыбнулась и вызвалась показать мне закреплённые за мной апартаменты. Как будто за то время, что я здесь бываю, нельзя было наизусть дорогу выучить! Вежливо поддерживаю бессодержательный разговор, с огромным трудом удерживаясь от того, чтобы смутиться и попытаться одёрнуть платье. Лицо и голос эльфийки источают заученно-привычную доброжелательность, но в глазах, в развороте плеч легко читается всё, что она думает о всяких там оборванках, смеющих являться во дворец в обносках, не озаботившись привести себя в порядок. Всё же украдкой поправляю ворот, заработав презрительное шевеление лопаткой. Это платье у меня самое лучшее, шёлковое, с тонкой вышивкой, но по сравнению снарядами даже здешней прислуги оно всё равно смотрится обносками. На то, что здесь принято носить, мне и за десять лет не накопить. В основном по причине того, что сейчас мне даже в голову не придёт заниматься подобными глупостями.

Во дворце мне отведены несколько комнат на концевой развилке одной из крайних

ветвей. Просторные, уютно и со вкусом обставленные и чужие. Я специально стараюсь не оставлять в них своих вещей, чтобы не создавать даже слабую иллюзию обжитости. Мне не слишком-то по душе княжеский дворец.

Присев на краешек стула, достаю из сумки рильду и лист бумаги и быстро вывожу несколько слов. Девушка наблюдает за мной с брезгливым любопытством. Ну да, человеческие выдумки. Эльфийские кисти и тушь требуют слишком много возни. Складываю записку особым образом, не забыв слегка задеть края испачканным в угле пальцем.

— Передай это наследнику, пожалуйста. Только обязательно лично в руки.

— Всё будет исполнено в точности, — даже глаза не отвела. Вот что значит хорошая придворная школа лганья!

Служанка прячет в рукав записку и с поклоном исчезает, позволив мне, наконец-то, скинуть обувь и ничком рухнуть на широкую постель. Не для того, чтобы поспать — здесь вообще очень тяжело засыпается, слишком многое помнят старые деревья — лишь немного собраться с мыслями. Элистар не откажет. Но мне хочется сформулировать просьбу так, чтобы не перестать себя уважать. Пока служанка покажет записку кому надо, пока этот кто-то убедится, что ничего подозрительного в ней нет, и разрешит передать по назначению, пока девушка найдёт наследника, пока он разберётся с делами... время подумать у меня есть.

Несколькими часами позднее я стою на одной из внешних галерей и слушаю песенку ветра. Лёгкого тёплого ветерка, вечно гуляющего среди ветвей древних линн. Он дёргает за одежду, перебирает волосы, прохладными прикосновениями ласкает лицо, принося запах листвы, линновой коры и солнца. И поёт. Можно остановить мысли и закрыть глаза, полностью отдавшись его незатейливой мелодии. Шаловливой, переменчивой, очень тёплой и светлой. Даже слишком светлой для этого наполненного тысячелетиями памяти места. Она звучит как россыпь солнечных зайчиков на листьях или вкус первой земляники. Непроизвольно начинаю постукивать в такт кончиками пальцев по резным перилам. Ветер поёт о грядущем лете.

Глупцы те, кто считает стихии мёртвыми проявлениями законов природы. Вдвойне глупы верящие в различных духов, сильфов и прочих дриад. Как они не понимают, не чувствуют того, что для меня не требует подтверждений и доказательств — душу мира. Он ведь живой! Нет, ни в коем случае не разумный, во всяком случае, не в том смысле, который принято вкладывать в это слово. Просто живой. Бесконечно изменчивый и удивительно гармоничный. Его сущность сквозит во всём, что нас окружает. Некоторые умеют её слышать. Единицы — беседовать с ней. Не словами, нет. Слова — глупое и бесполезное изобретение смертных. Душой, сердцем, искусством. Именно это и есть истинное вдохновение.

Легко вскакиваю на перила, в ритме танца прохожу по ним несколько шагов, напевая услышанную мелодию. Ветер колышет свободное, тёмно-зеленое платье, раздувает пряди волос. Наблюдателей, если они все же здесь есть, ожидает довольно занятное зрелище. Впрочем, я слишком хорошо знаю наследника, чтобы поверить, будто он заранее не позаботился убрать все нескромные глаза с ближних и дальних ветвей. По влиятельности Элар уже давно соперничает с Князем.

— Морвена! — в донёсшемся из-за спины голосе искренняя радость. Чуть улыбнувшись,

оборачиваюсь к его владельцу.

— Элистар. Мягкой листвы на твою дорогу.

Спрыгиваю на выложенный мозаикой из разноцветных кусочков дерева пол, поправляю складки платья. Мой друг ничуть не изменился — похожий на серебряную статуэтку в застёгнутом на все крючки и пряжки официальном одеянии, с уложенными в жгуты на старинный манер серебристыми волосами и идеально правильным лицом, не несущем и следа эмоций. Лишь в глазах подрагивают яркие искорки. Элистар, будущий правитель Ллевельдэила.

Мы познакомились почти полстолетия назад, и за время общения очень сблизились. Вплоть до того, что я регулярно гощу в княжеском дворце. Иногда задерживаюсь в Ллевельдеиле на несколько лет, иногда заезжаю на пару дней — отлежаться и успокоиться, никогда не предупреждаю о своём уходе и возвращении, сваливаясь как снег на голову, часто с погоней за спиной и очередной партией соратников-друзей-подопечных на шее. Он не возражает. Не спрашивает, куда я уезжаю и когда вернусь, безропотно приняв мои странности, как принимают капризы погоды и превратности судьбы. Слишком горд, чтобы давать волю чувствам. Но слишком молод, чтобы вовсе не испытывать их.

— Я очень рад тебя видеть! — длинные бледные пальцы обхватывают мою руку, чужие губы чуть касаются моих. Я не протестую, хотя почти никогда не отвечаю ему. Ещё в самом начале нашего знакомства мы серьёзно обсудили этот вопрос, так что Элистар прекрасно знает, до каких границ ему позволено дойти. Вот и сейчас поцелуй практически неощутим. Лёгкое прикосновение сухих губ, тёплая ладонь, накрывшая мои пальцы... Всё.

— Я тоже, — поднимаю голову, вглядываясь в серебристо-серые глаза. Классический миндалевидный разрез, яснее формы ушей говорящий о безупречно чистой эльфийской крови. Очень светлая кожа, запах мяты и талой воды... Помню, в первую нашу встречу мне до безумия захотелось его лизнуть. Просто чтобы проверить — ощущается ли эта холодная чистота на вкус так же ярко, как на вид и запах. Разумеется, я себе такой вольности никогда не позволю.

— Ты надолго в этот раз? — В Ллевельдэиле многие считают меня его любовницей. Эльфы, как, впрочем, и люди, и прочие смертные, предпочитают самые простые объяснения, а по какой ещё причине наследник княжества будет покровительствовать никому не известной смазливой полукровке? Обычной, в общем-то, искательнице приключений, каких по человеческим землям не меньше полусотни скитается. Мы не спорим. Так гораздо проще и им и нам.

И ещё я точно знаю, что могу положиться на него. Что он всегда поможет и будет ждать меня, несмотря ни на что. Сейчас от этого вдвойне паршиво.

Набираю воздух в лёгкие. Пора. А в голове, как назло, ни одной дельной мысли. Даже заготовленный заранее вежливый вопрос куда-то подевался.

— Нет. Элар, мне может потребоваться твоя помощь!

— Я всегда готов помочь тебе, ты же знаешь, — лёгкая укоризна в голосе. Когда-то давно он сам предложил мне обращаться к нему в любой момент с любыми просьбами. — Расскажи, что случилось.

— Пусть вздыхают кроны в чаще,

Некуда свернуть.
Пусть уводит нас всё дальше
Бесконечный путь.
Мы над бедами смеёмся,
Путь лежит в рассвет.
Может, мы ещё вернемся —
А, быть может, нет...

Вместе меряем дорогу
На одном коне.
Отдавила лошадь ногу
И тебе, и мне.
Так свивай узор, дорога,
На лесном лугу.
Пусть отдавит лошадь ногу
Нашему врагу!2

Песня кончилась. Лерда сняла с пояса подаренную Белкой фляжку, отпила несколько глотков воды и неуверенно улыбнулась.

— Хорошо поёшь, — одобрительно прогудел едущий рядом немолодой огромный воин, гордо несущий на груди ожерелье из прошлогодних желудей. Спор он всё же выиграл и Лерду даже уговорили вручить награду победителю, как и положено певице, после чего Гренд проникся к девушке чем-то вроде отеческого расположения. В небольшом отряде он был самым старшим, все остальные — десяток парней и две девушки-воительницы — ровесниками Этрама или даже младше. Как поняла Лерда, именно он за этой оравой неофициально и присматривал, хотя командовал всё же Этрам. — Как выучишься, приезжай в Аранну, Искерий певцов привечает.

Леренва смутилась. Святой Проводник ценил хороших певцов, но, чтобы удостоиться его внимания, нужно было обладать действительно редким талантом. Менестрели вообще часто жили при властителях. Многие шутили, что причина этого — старый обычай, согласно которому награду победителю разных турниров и состязаний лично правитель вручать не должен. Ожерелье победителю надевает не связанный с властью человек, лучшие всего известный в народе. Чаще всего таковым оказывался именно менестрель. Очень удобно — и перед людьми покрасоваться можно и в честь победителя что-нибудь побыстрому сочинить.

Выдуманную сдуру байку про ученицу менестреля пришлось доказывать, как только Этрам представил её своим людям. Небольшой отряд рыцарей Храма ехал в Перекрёстье, чтобы патрулировать границу с эльфами, сменив тех, кто дежурил там в последние три года, и в основном состоял из отпрысков знатных людей астая Коррем, подтверждающих службой Храму своё право наследовать. Граница с Ллевельдеилом была местом достаточно спокойным, чтобы не слишком опасаться за их безопасность. Этрам, к удивлению и смущению Лерды, оказался сыном самого астайе.

Леренва пела в пути и на привалах и, как ни странно, никто не имел ничего против. Песни всплывали в памяти и старые, мамины, и подхваченные у Мориона, голос лился свободно и весело.

— Вы столько песен знаете, — улыбнулся поравнявшийся с ней Этрам. Звёздочка на

его солового породистого жеребца косилась с интересом, впрочем, не слишком взаимным. — Я не представляю, как их все можно запомнить.

— Я как-то не задумывалась. Вспоминается к месту, вот и пою.

В его отряде Лерду приняли неожиданно хорошо. Не все, взгляд некоторых парней девушке определённо не нравился, но их командир пообещал ей защиту и помощь и, она знала точно, обещания свои нарушать не привык. С каждым днём она всё свободнее общалась с воинами, даже отшучиваться научилась. Погода стояла ясная и тёплая, путь к Лесу с каждым днём казался всё более приятным.

— Споёте ещё что-нибудь? — почтительно с ней обращался Этрам, Лерду немного смущала, хотя определённо нравилась. Она к такому не привыкла.

— Горло устало. Можно чуть позже?

— Конечно же! Прошу простить мою назойливость, я должен был подумать, что вы устали.

Лерда смущённо улыбнулась. С тех пор, как она присоединилась к отряду рыцарей Храма, девушка не уставала удивляться своему вдруг ставшему таким послушным голосу. Год назад ей бы и в голову не пришло, что она может так легко и непринуждённо петь, не сбиваясь и не задыхаясь. И не только петь. Стихи рождались сами, непонятно как. Раньше они с Мори часто играли в рифмы от нечего делать. Теперь же она всё чаще ловила себя на том, что играет них в одиночку, про себя. В дороге или за хлопотами на привале как-то незаметно сочинялись длинные рифмованные тексты ни о чём. А по ночам снились дивные, яркие, по-настоящему чудесные сны, после которых она неизменно просыпалась счастливой. Всё это было странно, немного пугающе и вызывало восторг в глубине души. Словно внутри у неё всю жизнь была прореха, а теперь кто-то по кусочку заполняет её цветной мозаикой. Когда девушка пыталась думать об этом, у неё захватывало дух. И очень хотелось спеть на одном из привалов что-то из сочинённого ей самой, но Лерда боялась неудачи и сдерживалась. Пока ещё сдерживалась.

Оставшееся до вечера время было с толком потрачено на сбор сведений об Эссарионе вообще и элистаровой невесте в частности. Среди обитающих во дворце женщин у меня хороших знакомых сейчас нет, но местные красавицы не могли упустить случай поточить ядовитые зубки об отвергнутую фаворитку наследника. Особенно если последняя с несчастным видом прогуливается по галереям у всех на виду. Девушки одна за другой подходили «посочувствовать» и рассказать о том, как Князь выбрал сыну невесту, и насколько та хороша. Раньше эти прекрасные змейки единодушно мне завидовали, пряча зависть под презрительным равнодушием. Теперь принялись не менее единодушно злорадствовать, не слишком старательно маскируясь вежливым сочувствием. Страшно довольны, что самая завидная партия княжества досталась если не им, то, по крайней мере, не безродной бродячей выскочке. Однако говорили они иной раз кое-что действительно интересное. К сумеркам у меня было, что рассказать Элору.

Но, как только солнце скрылось за горизонтом ровно наполовину, меня отыскала давешняя служанка и сообщила, что Князь желает видеть деву, известную как Морвена-странница. Сейчас же. Сказать, что это вызвало нехорошее предчувствие, значит сильно приуменьшить. За всё время, что я знакома с Элистаром, с его отцом мы едва перемолвились

парой слов. Увлечение сына он явно не одобрял и терпел только чтобы не обострять отношения. Следуя за вызвавшейся проводить меня девушкой, пытаюсь сообразить, чем мне грозит подобный поворот событий. Варианты не радуют. Очень надеюсь, что Князь не попытается попросту устранить досадную помеху браку наследника.

Князь встречает меня в одной из внутренних, почти полностью отрезанных от внешнего мира зал. Большое, шагов пятьдесят в поперечнике, помещение совершенно пусто, только у закрытых дверей предметами мебели замерли стражи в безумно дорогих серебристых латах, так непохожих на пятнистые коричнево-зелёные одежды стражей границ, пошитые из прочной кожи. Стены цвета слоновой кости украшает изысканная резьба в виде переплетающихся трав, заканчивающаяся только у забранного голубым стеклом окна в центре потолочного купола. В столбе света, падающем из него, стоит сам Князь. Расходящиеся широкими лучами серебристые узоры на выложенном лазуритом полу тоже сбегаются к центру, прямо к его ступням. На мой вкус излишне грубый намёк мне на моё место. Но, не могу не признать, выглядит чарующе и величественно.

Правитель Ллевельдеила медленно оборачивается, чуть слышно шуршат разложенные по полу волосы. Преклоняю колена, не опуская взгляд. Он похож на сына. Глазам больно, до чего похож. Те же гладко струящиеся волосы, точёные черты лица, длинные одеяния из серебристого паутинного шёлка. И, тем не менее, двух более разных эльфов не так просто найти. Сходства как между ртутью и сталью.

Старые эльфы всегда вызывали у меня некоторую оторопь. Юное тело, совершенное лицо и абсолютно пустые, промёрзшие до донышка глаза. Отполированные зеркала, не способные к выражению эмоций. Старение души... мне всегда казалось, что это чересчур жестокая плата за долгую жизнь. А Князь Ллевельдеила стар. Очень стар. С годами эльф теряет глубину чувств, свежесть и яркость восприятия, словно высыхает изнутри. Пока не остаётся только разум — вымороженный, вышлифованный, идеально логичный. После этого они уходят в смерть. Просто в один, ничем не отличающийся от прочих, момент останавливают своё сердце.

Я смотрю в глаза Князя и с внезапной чёткостью осознаю, что ему осталось совсем немного. Десятилетие, не больше. И он это тоже понимает, а потому сделает всё, чтобы выполнить свои планы относительно сына. Те самые, о которых я могу только догадываться и по мере сил корректировать их исполнение. Не отводя взгляда, мы настороженно изучаем друг друга, словно противники перед боем. Насчёт меня у него тоже есть планы, могу на собственную косу поспорить.

Почти лишённый интонаций льдисто-звонкий голос правителя, наконец, нарушает тишину:

— Я бы хотел с тобой поговорить, Морвена.

Ни приветствий, ни пустых слов. Мы с ним давние, очень давние и очень скрытые враги. Точнее не совсем так. Мне он враг. Я ему мешаю.

— Да, Правящий.

— О моём сыне. Ваша с ним связь начала причинять неудобства и может отразиться на его будущем. Я бы не хотел, чтобы благополучие наследника оказалось под угрозой из-за девушки недостойного происхождения.

— Да, Правящий, — а что тут ещё скажешь? Не спорить же.

— Я терпел твоё присутствие, пока он был свободен, но после его помолвки это уже

немыслимо. Мне прекрасно известно, что юноше его возраста необходимо женское внимание. Но ты свою роль в его жизни сыграла. И более не нужна.

— Да, Правящий. — С-с-сволочь! Даже богиню поминать не хочется.

— В твоих же интересах покинуть Ллевельдеил сегодня же. Ты не должна мешать подготовке бракосочетания.

— Да, Правящий, — и, мгновенным отступлением от этикета: — Могу ли я с ним проститься?

— Нет. За этой дверью ждут те, кто сопровождает тебя до границы княжества. Я уже распорядился доставить туда же твою лошадь и личные вещи.

Это как удар под дых. Вот значит как... а в его комнату уже наверняка подкинута записка с извинениями и прощанием. Моим почерком написанная. Мне не впервой исчезать без предупреждения, Элар не слишком удивится.

— Верни перстень, Морвена.

— Нет, Правящий. Я приняла его в подарок от наследника и, по закону, могу вернуть лишь Элистару. Приношу извинения.

— Что ж, это не столь важно. Вернёшь ему лично...

В груди трепыхается нелепая надежда.

— ... Когда в следующий раз посетишь Ллевельдеил. Стражи не пропустят тебя через границу в течение ближайших двадцати лет.

— Да, Правящий.

Что ж, могло быть и хуже. В конце концов, ему ничего не стоило просто-напросто приказать меня убить.

Конвоиров оказалось четверо. Вежливо здороваюсь, несколько мгновений прислушиваюсь к ответной хмурой тишине. С отстранённым любопытством разглядываю их. Пара серьёзных незнакомых воинов, не менее незнакомый скучающий маг (знак магического сообщества на цепочке горделиво выпущен на грудь, поверх куртки) и Риэллин, лучащийся плохо сдерживаемым торжеством. Его сложившаяся ситуация радует, пожалуй, даже больше, чем всех придворных красоток вместе взятых. Тех моё существование просто как женщин оскорбляло, а Риэ и ему подобным я об эльфийской избранности грезить мешаю.

Впрочем, между незнакомым магом и знакомым недоброжелателем я определённо предпочту второго. С самой вежливой из возможных улыбкой подхватываю растерявшегося от неожиданности эльфа под локоть и увлекаю к выходу. Риэллин скрипит зубами, но молчит. Ничего, ему полезно, да и мне тоже. Во-первых, потому, что в темноте я вижу гораздо хуже эльфов. А вторая причина в том, что на магов с занятыми руками кидаться неудобно. С усилием отвожу взгляд от угадывающейся под тёмно-каштановыми волосами ямки у основания затылка идущего впереди колдуна. Один удар и всё. Если понадобится, я разделаюсь с охраной за несколько мгновений. Но нельзя.

Когда мы выходим из покоев Князя, уже темнеет. Растущие прямо на ветвях круглые гладкие фонарики на высоких, завитых спиралью ножках неярко светятся голубым. Такая роскошь бывает только на самых старых деревьях, жители молодых линн освещают свои дома светящимся лишайником или держат домашних светлячков. Огонь в эльфийских домах не то чтобы полностью запрещен, но используется по минимуму. Сгоревшая линна — одна из

самых серьёзных трагедий для эльфа, почти как погибший близкий родственник.

Наша нелепая процессия торопливо спускается по одной из второстепенных, полузаброшенных лестниц. Этот путь почти не используется, сучья закрывают его так, что иногда приходится пригибаться, на ступеньках лежат листья и обломанные веточки. Разумеется, по дороге нам никто не встречается и встретиться не может, но маг всё равно спешит. Он идёт первым, вслед за ним я, под ручку с едва не шипящим Риэллином, сзади плечом к плечу явно сбитые с толку таким вниманием к простой полукровке воины.

Тропа находится после полусотни шагов от ствола. Точнее, не находится. И не Тропа — от эльфийских троп здесь только зеленоватое свечение, и то не спускающееся из ветвей, а словно пробивающееся из-под земли. Крепче прижимаюсь к Риэ, нервно косясь на магическую подделку. Заставить себя ступить на неё кажется невозможным. Риэллин презрительно фыркает и пытается выдернуть руку. Не надейся, из моей хватки ещё никто просто так не вырывался.

— Не трясись, никто не собирается тебя убивать, — сквозь зубы шипит Риэ, дёргая меня по направлению к тропе.

— Я знаю. — Глубокий вдох, как перед погружением в воду. Ничего, Орин, это всего лишь надо пережить. Ничего. Просто пройти. Бывало и хуже. Шагай. На счёт три!

Идти по этой мерзости просто невыносимо. Словно ступаешь по разлагающимся трупам. Не получается даже смотреть по сторонам — мерзкий, неправильный зелёный свет бьёт по глазам. Зажмуриваюсь, крепче вцепляюсь в Риэллину — это не слишком помогает. От отвращения меня мелко трясёт, тошнота подкатывает к горлу. Так, главное не упасть. Только обмороков мне здесь не хватало.

Заметив состояние сопровождаемой маг начинает нервничать. Даже, помявшись предлагает сделать привал. На Тропе! И в этом колдовская подделка не совпадает с настоящей! Разумеется, я отказываюсь. Идти здесь я ещё могу, но если остановлюсь — точно сойду с ума.

Когда путь, наконец, заканчивается, я уже почти вишу на Риэллине. Тот раздражён и обеспокоен. И непонятно, что больше. Едва сойдя с тропы, без сил падаю на траву. Нормальную, живую траву, не тронутую никаким колдовством. Богиня, какое же счастье! Риэ с облегчением выпускает мой локоть и отходит в сторону. Интересно руки потом вымоет, или до такой степени дурости он ещё не дошёл? Любопытство, однако, едва ощутимо. Мне плевать на всё. Даже желание прикончить мага отползло куда-то в дальний уголок сознания и почти не мешает дышать.

— Вы в порядке? — Лёгок на помине. — Возможно я мог бы...

— Сгинь.

Звёзды сквозь листву. Красиво. Крохотные яркие огоньки среди тёмной массы листьев. Здесь молодые лины растут вперемешку с ясенями и дубами, явно уступая им в численности. Почти граница.

— Уважаемые, мне просто нужно немного отдохнуть. Скоро я буду готова продолжить путь.

— Могу я чем-то помочь? — Риэллин. Надо же! Перевожу на него взгляд. Вид у эльфа слегка ошарашенный, словно он сам не в силах поверить, что задал этот вопрос. Меня, наконец, отпускает настолько, что я уже в состоянии мысленно развернуть карту.

— Сестре передай, что я в Перекрёстье на полдесятидневья задержусь. Пусть придёт попрощаться, если захочет.

Молча кивает. Интересно, передаст ли?

Со вздохом поднимаюсь на ноги. Один из воинов уже держит под уздцы осёдланного Мрака, сонного и недовольного. Интересно, как его выйти из конюшни уговаривали? Ох, чую, не обошлось без жертв. Даже несмотря на всю эльфийскую способность понимать зверей и птиц и свободно общаться с ними. К седлу приторочены раздутые сумки с торчащей из них одеждой. Смерив Риэллина недовольным взглядом — забрать мои вещи из дома Риалойны мог только он — принимаю поводья.

— Прощайте.

И снова никто мне не отвечает. Ведя коня на поводу, направляюсь в сторону границы. Риэллин, как и положено стражу, сопровождает меня. Молчит. Как-то... недоуменно-яростно молчит. Кажется, тот факт, что ему не безразлично моё состояние, стал для парня весьма неприятным сюрпризом. Интересно, поблагодарить за заботу или не стоит? Наверное, все же не стоит. Обидится.

У границы я останавливаюсь. Оборачиваюсь к спутнику.

— Ну, до встречи, Риэ.

Привычная высокомерная ухмылка.

— Надеюсь, нескорой.

Самое смешное, я тоже очень на это надеюсь.

— Прощай!

Море шумело тихо и ровно. Волны накатывали на берег одна за другой, и в их плеске чудились тающие голоса. Пахнувший солью прохладный ветер развевал волосы, приятно охлаждая лоб. День клонился к вечеру, но солнце всё ещё ощутимо припекало, даже рубашку расстегнуть пришлось. Дэррик расслабился, позволяя коню идти шагом. Маг не понимал бесцельных прогулок, но сейчас, возвращаясь с важной встречи, позволил себе немного развеяться. Смирный рыжий мерин переставлял копыта неторопливо и ровно, так что даже весьма посредственно держащийся в седле волшебник чувствовал себя уверенно. Честно говоря, Дэррик верховую езду недолюбливал, предпочитая порталы. Но сегодняшняя встреча была из тех, на которых своё имя не указывают даже малейшим намёком.

«Фиолетовая раковина» показала из-за обточенного ветрами утёса. Четырёхэтажное главное здание, в окружении построек поменьше, укрепленное почище иного замка и огороженное высокой стеной из ашиианского мрамора. На стене переливались золотистые узоры скрывающих заклятий. Найти его, не зная точно, где искать, не мог даже другой маг. Дэррик въехал во двор, соскочил с коня и кинул поводья подошедшему слуге. Тот равнодушно поклонился и направился к конюшне, глядя прямо перед собой пустыми бесцветными глазами. Дэррик гордо улыбнулся. Идея с чёрной пылью, без сомнения, была гениальной. Теперь не надо ни беспокоиться о лояльности слуг, ни пытаться заставить их принести клятву верности. Зависимых куда проще и приятнее контролировать, а уж заклятий, которые можно на них навесить, просто не счесть!

Когда маг уже поднимался по ступеням к двери, на его плечо села маленькая серебристая пичуга. Дэррик накрыл птицу рукой и сжал в кулаке, а когда раскрыл его, на ладони лежало свёрнутое в свиток послание. Наконец-то! Маг направился в дом, на ходу разворачивая письмо.

Захлопнув за собой дверь спальни, Дэррик аккуратно отложил в сторону послание и, наконец, позволил себе расхохотаться. Нет, но какова наглость! Любовница принца, подумать только! Неудивительно, что никто из его знакомых эльфийских магов не догадался. Он и сам бы не догадался, если бы не попросил у Акрилина описание всех признанных князем полукровок.

Ничего, теперь, когда цель, наконец, нашлась, осталось лишь отправить сообщение и немного подождать. Маг поморщился. В последнее время устанавливать мысленную связь было всё тяжелее. Возраст, что ли, берёт своё? От этой мысли маг слегка поёжился. Нет, с чего бы, ему ещё не столь много лет. Просто усталость.

Стражница склонилась в неловком поклоне, попрощалась и вышла, не потревожив закрывающую вход занавесь из деревянных бусин. Девушка, кажется, сама не могла поверить, что решилась прийти к наследнику, но чувство долга и беспокойство за подругу перевесили неуверенность. И Элистар был ей за это страшно благодарен. Когда служанка принесла ему не отмеченное условным знаком послание, он не знал, что и думать. Даже чуть было не пошёл к отцу с расспросами, но, хвала Лесу, не успел. Риалойна, умница, не забыть бы её в число своей личной охраны потом включить, сообразила, что что-то не так, едва заметила пропажу всех принадлежащих подруге вещей. А уж когда брат передал ей, где и сколько Морвена будет ждать её, чтобы попрощаться, бросилась к наследнику, едва дотерпев до конца своего дежурства.

Элистар пакостно ухмыльнулся. Увидел бы его отец, прочитал бы целую лекцию о недопустимости для будущего правителя открытых проявлений столь низменных чувств, а вот Морве насторожилась бы и попросила ничего не делать сгоряча. Что ж, на сей раз он последует её мысленному совету и немного повременит. Всего пару дней, чтобы все убедились, что наследник ничего не заподозрил, а сам он успел лучше подготовиться к побегу. Морвена просила его о помощи, и он выполнит эту просьбу во что бы то ни стало. Она и так почти никогда его ни о чём не просила.

Улыбка эльфа угасла. Он прекрасно понимал, что ничем хорошим задуманное не кончится. И что Князь был во многом прав, отсылая её. Прекрасно понимал, но...

Изначально это было всего лишь игрой, вызовом отцу. Отдать перстень наследника первой встречной полукровке, что может быть скандальнее? А когда шутка обернулась горьким, невозможным для него чувством, было поздно что-то менять. Эльфы редко любят по-настоящему. Слишком легки их эмоции, слишком часто меняется настроение, слишком сложно долго концентрироваться на чём-то одном. Эльф за свою жизнь может сменить не один десяток тех, кому посвящал стихи и ночи, но так ни разу и не встретить ту, без которой не мыслит жизни. Элистару повезло, но такое везение обернулось проклятьем. И дело даже не в том, что наследник Князя не может жениться на девушке недостойного происхождения, неспособной подарить ему ребёнка. Просто Морве, искренне считая его своим ближайшим другом, так и не смогла полюбить в ответ.

Он ясно помнил, когда впервые осознал свою любовь. Морвена к тому времени уже была частой гостьей в Ллевельдеиле, и в тот визит к одному из гномьих царей напросилась за компанию с посольством. Как и положено сыну Князя, на сколько-нибудь важные, подразумевающие заключение серьёзных договоров переговоры Элистар выезжал лично, и с

его решением взять с собой девушку никто не рискнул спорить. Элар так и не спросил потом, что за дела у неё были в Серебряных горах. Зачем? Ведь от той долгой, полной осенних листьев и стылого ветра поездки у него осталось самое главное в его жизни воспоминание. Бережно хранимое, как редкая драгоценность.

Элистар тогда проснулся от холода — ночью ударили заморозки. Выпал первый снег и шатры, деревья и землю укутывало невесомое белое покрывало, лёгкое и эфемерное, как предрассветный сон. Эльф выглянул из шатра, оглядел спящий лагерь и вздрогнул — палатка Морвены пустовала. Свободно откинутае полотнище входа трепетало на ветру, на снегу отпечаталась цепочка узких лёгких следов. Он может, и не стал бы тревожиться, мало ли, понадобилось девушке отойти. Вот только оставлены они были босыми ногами. Вещи полуэльфийки были аккуратно сложены на одеяле.

Тихо одевшись, Элистар взял один из кинжалов и направился по следу, уже припорошенному не перестающим сыпаться снегом. Прислушался к лесу. Хрупкая, хрустальная тишина, почти зимнее ледяное безмолвие, которое, как он прекрасно знал, рассыплется с первым лучом солнца, как исчезнет и снежное кружево под безжалостным взглядом дневного светила.

За заснеженными зарослями послышался тихий смех. Поудобнее перехватив нож, эльф выглянул из-за ветвей. И замер, поражённый, задохнувшись от удивления и восторга. Забытый кинжал полетел в снег, а принц смотрел, не в силах оторваться...

Морвена танцевала. Босиком, в одной тонкой, не достигающей и середины бёдер, рубашке, девушка невесомо ступала по тончайшему льду маленького лесного озера, кружилась, изгибалась и взмахивала руками.

Легчайший шелест падающего снега был её музыкой. Шелест снежинок, звёздный свет и лёгкий ночной ветер создавали аккомпанемент, недоступный человеческому слуху. Нечто за гранью звуков, образов и даже чувств. Хлопья снега сплетались с распущенными прядями волос, скользили вокруг кажущегося бесплотным тонкого тела. И сама девушка казалась ещё одной снежинкой, древним духом, видением на границе сна и яви.

Элистар подобрал оброненный кинжал и, стараясь не шуметь, направился обратно. В душе щемило от восхищения и какой-то странной неловкости. Этой ночью ему посчастливилось увидеть кусочек истинной души этой странной девушки, но на души нельзя любоваться украдкой. Просто нельзя и всё.

Впрочем, наутро эльф уже не был уверен, что все это ему не приснилось. И твёрдо знал лишь одно — он нашел ту, рядом с которой хочет провести всю жизнь. И теперь надо как-то решать, что с этим делать.

Но найти решение за годы знакомства им так и не удалось. Даже наоборот, всё запуталось ещё больше.

1 Самоназвание населяющих Степь народов.

2 Тэм&Йовин «Дорожная»

Глава 3. Ответы

В Перекрёстье я пребываю в каком-то странном, подвешенном между двумя образами состоянии. Одежда уже мужская, но волосы убраны на эльфийский манер и теперь по походному перевязаны концами ленты. А в поведении нет-нет, да и проявится тщательно скрытая неуверенность в себе.

Мне не было нужды указывать точное место, где меня искать. Полуэльф — фигура достаточно приметная даже рядом с княжеством, найти можно просто расспросив горожан. Но, к счастью, недостаточно редкая, чтобы приезд в город такого создания становился событием.

Сняв комнату в недорогой гостинице, весь остаток дня убиваю на то, чтобы рассортировать как попало напиханные в сумки вещи. Интересно куда мне теперь девать ту, большую между прочим, часть, что никогда не покидала пределы княжества? Впрочем, за небольшую доплату трактирщик согласился их хранить.

В планах на ближайшие дни было сменять деньги на астайские (эльфийские колечки здесь принимали наравне с монетами, а вот дальше в человеческих землях начинались сложности) и ждать. Просто ждать, старательно отгоняя мысли, что никто не приедет.

Элистар нашёл её необычайно быстро. Повезло — увидел возле меняльной лавки знакомую фигуру почти сразу по прибытии в город, даже не пришлось никого расспрашивать. Повезло! Плотный плащ с капюшоном скрывал приметные волосы, а к эльфам в здешних местах привыкли, но следов для тех, кто будет его искать, всё равно следовало оставлять поменьше. Элистар издали проследил за девушкой до гостиницы и окончательно обрадовался. Осталось лишь дожидаться ночи и незамеченным проскользнуть в её комнату. Благо, как раз под нужным окном росла весьма удобная липа.

Устроившись на подоконнике, Элар оглядел комнату. На столе догорала забытая свеча, по полу были разложены полуразобранные сумки. Морвена дремала, свернувшись клубочком поверх покрывала. Опять, наверное, глядела на свечу и размышляла, да вот заснула. Она часто говорила, что ей лучше думается, если смотреть на огонь. Элар почувствовал себя героем пошлой романтической баллады, но не смог удержаться от искушения немного полюбоваться спящей девушкой.

Морве спала на боку, подложив под щеку сомкнутые руки. Узкие ладони, загрубевшие, покрытые старыми мозолями, длинные пальцы с коротко обрезанными ногтями и сбитыми костяшками. В Ллевельдеиле она всегда стеснялась своих рук, а Элистару они казались очень трогательными. Даже после того, как Морвена однажды, разозлившись, пальцами расколола нефритовый кубок. Буйная иссиня-чёрная грива свободно рассыпалась, с успехом заменяя одеяло.

Спокойное во сне лицо её было на удивление невзрачным. Людская кровь не проявилась в чём-то одном, как это обычно бывает, лишь немного исказила эльфийские черты, отняв у них большую часть привлекательности. Слишком острый нос, чересчур узкий подбородок, бесцветные губы, излишне прямые и резкие линии скул и надбровных дуг. Иногда Элистар пытался представить себе, как выглядела та человеческая женщина, чьи черты столь причудливо изменили эльфийскую внешность её дочери. Но воображаемое лицо каждый раз выходило гротескным до полного неправдоподобия.

Элистар опять пропустил момент, когда она проснулась. Не изменилась ни поза, ни выражение лица, только редкая, завораживающая красота проступила из-под кожи, словно мягкое сияние. Между чуть дрогнувшими ресницами блеснули светлые щёлочки. Убедившись, что это всего лишь он, девушка распахнула глаза, потянулась, почти коснувшись пяток макушкой, улыбнулась так счастливо, что у Элара что-то сжалось под ключицами.

С собранными по-походному волосами, в простой неброской одежде Элистара просто не узнать. Он даже двигается иначе, словно сбросив незримые кандалы церемониала. Мне стоит некоторого труда не броситься к эльфу с объятиями. И, судя по довольно блеснувшим глазам, он это прекрасно понимает. Удобно устраивается на подоконнике, солнечно улыбается.

— Мягкой листвы на твою дорогу.

— Тебе того же, — сползаю с постели, мысленно порадовавшись, что на постоянных дворах сплю не раздеваясь. За окном густая, как писчая тушь, темнота, Элистар, освещённый горячей свечой, на её фоне смотрится как парадный портрет в раме окна. Трачу пару мгновений на то, чтобы им полюбоваться, затем встряхиваю головой, отгоняя сонную задумчивость.

— Погоди, я за чаем схожу. Ты же гость.

— Первый раз прихожу в гости через окно, — он почти смеётся.

— Ко мне в окна эльфийские принцы тоже не каждую ночь лазают, знаешь ли!

Он всё-таки хмыкает, прикрыв рот ладонью. Улыбаюсь в ответ и выскальзываю за дверь.

На трактирной кухне (запертой, но когда меня это останавливало) нашёлся кипяток и вполне подходящий чайник. Заварив бодрящих травок из своих запасов, и прихватив пару самых приличных кружек, возвращаюсь в свою комнату. Пристраиваю на столе чашки, разливаю ароматный чай, зажигаю ещё пару свечей.

— Ну, рассказывай, — с этими словами я усаживаюсь за стол.

— Что случилось? — Элистар устраивается напротив, недоумённо берёт в руки выделенную ему чашку.

— Ой, прости! — смущённо отставляю прочь вторую кружку. — Я спросонья опять путаюсь в обычаях. Так расскажешь, как ты сбежать ухитрился?

— Да, конечно, — он, наконец, подносит чашку к губам, делает осторожный глоток. — Официально я сейчас уединился в Роще Лилий, готовлюсь к свадьбе. Провожу время в молитвах и медитации, дабы успокоить душу и принять неизбежное. Так что меня не хватятся ещё как минимум сутки. Можем выехать сегодня же утром.

— Нет, Элар, — забираю у него чашку, тоже отпиваю немного, — в Ллевельдеиле знают, где я. У меня тебя будут искать в первую очередь. А уж если узнают, что мы вместе уехали... да по нашим следам армию отправят!

— Да, тут ты права, — чашка вновь переходит из рук в руки. Пальцы у Элистара холодные и гладкие, как ашшианский мрамор. — Что предлагаешь?

— Уезжай первым. Сегодня же, ещё до рассвета. Условимся встретиться в каком-нибудь поселении, а я пару дней здесь помаячу. Вроде как не при чём.

— И ты думаешь, что тебе поверят?

— Нет, но в одиночку соглядатаев дурачить удобнее. Исчезну, никто не узнает куда.

— А справишься?

— Обижаешь!

Чай в чашке заканчивается. Наливаю ещё.

— Через сколько дней твоя свадьба?

— Через пятнадцать.

— Хорошо. Как раз успеешь вернуться.

— Морвена, — Элар, прекрасный оратор, давным-давно натренированный мной всегда говорить как по писанному, подбирает слова осторожно, словно сам не уверен в том, что хочет сказать. — А если я решу не возвращаться?

Поднимаю на него потрясённые глаза. Это... это надо понимать так, как это понимается?

— Верну силой. Я могу, ты знаешь.

— Морве!

— Элистар, мы это уже это обсуждали. Я не буду ломать жизнь ни тебе, ни себе. И становиться причиной хаоса в княжестве у меня тоже желания нет.

Отброшенная кружка раскалывается о стену, черепки и брызги чая разлетаются по комнате, запах трав бьёт в ноздри, резко и отчаянно.

— Ты ломаешь её прямо сейчас!

— И мне это так же больно, поверь, — накрываю его руку своей. — Но иначе нельзя.

— Прости. Ты права, наверное. Просто брак этот... и зачем он отцу только сдался?!

— Тут на будущее расчёт! — пытаюсь улыбнуться. Судя по его лицу не слишком удачно. — Князь Ллевельдеила против тесных контактов с людьми и не хочет, чтобы его сын менял выбранную политику. А в Эссарионе всё с точностью наоборот — князь на контакты с людьми смотрит благожелательно, а Мирэана считает эльфов избранным народом.

— Ты к чему клонишь?

Всё-таки переводить разговор с неудобных тем я умею не так уж плохо.

— Смотри, Мирэана устраивает свару с астаэ, князь в ярости, видеть её не хочет. И тут его не в меру горячую доченьку как по заказу сватает за своего сына правитель Ллевельдеила. Да отец же тебе, считай, надсмотрщицу подыскал! Я на свою косу поспорить могу, всё было подстроено с начала и до конца.

— Интересная версия. И что мне теперь с этой девицей делать?

Улыбаюсь уже куда натуральнее.

— Поверь, в некоторых случаях умный оппонент рядом куда полезнее союзника. Главное, к власти её не подпускать.

Всё же хорошо, что мне пришло в голову захватить две кружки. Разговор предстоит долгий.

Все следующие дни я примерно изображаю незнание и непричастность для появившихся в Перекрёстье эльфийских соглядатаев. По утрам завтракаю в общем зале трактира, затем не спеша гуляю по городу, заглядываю в лавки, но почти никогда ничего не покупаю, потом болтаю со слугами или трактирщиком, вечером ужинаю в трактире же. Тихо, мирно и благопристойно. Могу поспорить, у разведчиков Князя зубы сводило от желания схватить меня и допросить с пристрастием, но пока была надежда дождаться

появления наследника, доблестные воины точно так же изображали незаинтересованность, старательно играя роль семейной пары купцов с охраной. Даже переговоры с каким-то из местных торговцев вели, насколько мне известно. Впрочем, долго играть в эти игры не стоило. Завтра истекал назначенный мной срок, исчезнуть стоило сегодня ночью.

Прогулка моя как раз подходит к концу. Не настолько большой город это Перекрёстье, чтобы гулять по нему дольше нескольких часов. Даже если выбирать каждый раз новый маршрут.

Сидящий у дверей трактира нищий провожает меня неприязненным взглядом бесцветных глаз. С этим типом мы ещё в день приезда не сошлись во взглядах на поводы для щедрости. За мою одежду он с тех пор хвататься не пытается, но поминает в спину не слишком ласково.

Вхожу в помещение, приветственно киваю вышибале и устраиваюсь на своём обычном месте у окна, лицом к двери. Улыбаюсь хорошенькой служанке. Уже знающая мои привычки и вкусы девушка сверкает зубами в ответ и скрывается на кухне. Откидываюсь на спинку стула, расслабленно прикрываю глаза. Спустя пару минут за спиной раздаётся скрип ведущей в комнаты лестницы, и звук шагов двух пар ног направляющихся к столику. От нечего делать прислушиваюсь. Мужчина и женщина, он явно воин — друг о друга характерно позвякивают колечки кольчуги. Причём воин не из бедных — металлические доспехи себе не всякий благородный позволить может. О ней ничего определённого сказать нельзя, разве что держится немного неуверенно. Другая служанка споро подбегает к ним, спрашивает, чего желают дорогие гости. Похоже, парочка из благородных.

Мужчина делает заказ и обращается к спутнице, явно продолжая какой-то давний спор: — И всё же, вы уверены, что сможете дальше поехать в одиночестве? Эльфы редко пускают в свои Леса тех, за кого никто не может поручиться. Может быть, вам удобнее будет сопровождать нас, когда местные рыцари будут представлять мой отряд стражам границы? Я мог бы объяснить им вашу ситуацию.

Ага, прислали новый отряд на границу с Ллевельдеилом. Давно пора.

— Ничего страшного, я справлюсь, — тихо, почти шёпотом.

— Я и мои воины были бы только рады поручиться за странствующую певицу. Как пограничный отряд, мы будем иметь на это право, как только за нас самих поручатся те, кого мы сменим.

— Я не певица, только учусь, я же говорила!

Подозрительно знакомый высокий голос. Не-эт, быть такого не может!

— Тогда я непременно должен услышать ваши песни после того как вы окончите обучение. Красота вашего голоса должна стать поистине божественной!

— Ой!

Замираю, боясь обернуться. Может, всё же кажется. Богиня, я вам косу в жертву срежу, только бы это была не она! Ну, пожалуйста!

— Считайте это приглашением. В доме моего отца всегда рады менестрелям. И вы не ответили на мой вопрос, таэс Леренва.

Оборачиваюсь. Богиня, вы стерва! Моё малолетнее наказание сидит за соседним столиком и увлечённо общается с каким-то молодым рыцарем Храма. Дорожная одежда, неумело перекрашенные в рыжий цвет волосы, лёгкое смущение на мордочке. Не желай я сейчас её убить, это было бы даже забавно.

— Вы позволите, уважаемые? — поднимаюсь и подхожу к их столику. Лерда охает и тут

же съёживается на своём стуле, её спутник кладёт ладонь на рукоять меча. Славный парнишка. Ладный, симпатичный, с ясными глазами и упрямым подбородком. Располагающий к себе.

— Добрый день, — бесцеремонно усаживаюсь рядом с ними. — Леренва, потрудись объяснить, что ты здесь делаешь.

— Сначала ответьте, кто вы, и по какому праву обращаетесь к моей спутнице? — повышает голос рыцарёнок.

— Этрам, нет! Это мой наставник! Помнишь, я тебе рассказывала, что ищу его! — Лерда на мгновение поднимает глаза и тут же вновь ссутуливается. Из-под кудряшек цвета рыжей грязи выглядывают буйно пламенеющие уши. — Только не вмешивайся!

— Что ж, — он слегка кивает мне, — Прошу прощения. Таэс Леренва, я обещал охранять вас до того, как вы найдёте вашего учителя. Я могу считать моё обещание выполненным?

Лерда, не поднимая глаз, кивает.

— Благодарю, что позаботились о ней... таэ?

— Не стоит. Всего хорошего.

Парень поднимается на ноги и направляется к выходу, забыв о заказе. Лерда молчит и не смотрит ему вслед.

— Догони его. — Девушка недоумённо вскидывает голову. — Поблагодари и скажи, что непременно посетишь его дом, как только представится возможность. Ну, бегом!

Пора детёнышу собственными друзьями обзаводиться. Не всю жизнь же ей со мной таскаться! А о том, какой Бездны она тут делает, можно и после её возвращения поговорить.

Интересно, допустимо ли с точки зрения человеческих обычаев выпороть не являющуюся родственницей девицу, да ещё и совершеннолетнюю?

— Итак, не соблаговолит ли почтенная таэс всё же ответить, что она тут забыла?

Лерда сидит на моей кровати и тихонько всхлипывает. Вид у девушки жалкий и несчастный, что меня, признаюсь, совершенно не трогает. Вразумительного ответа, что она тут делает, мне добиться так и не удалось. Детёныш мямлил про «почувствовала» и «должна была», пока не разревелся.

— Я должна была! Понимаешь, ты же сказал, что я могу тебя сопровождать... я чувствовала... Я... я же...

— Ле-е-ерда!

Закончить разговор не удаётся — в дверь стучат. Тихо и неровно, словно нетвёрдой рукой, заметно дрожащий голос трактирщика просачивается сквозь доски.

— Таэ, откройте! С вами хотят поговорить.

Деликатный стук сменяется резкими громкими ударами. Этого только не хватало! Подхватываю с кровати загодя собранную сумку, впихиваю в руки опешившей Леренвы.

— Откройте именем Князя!

— Лерда, — перехожу на шёпот, отступаю к окну, — сейчас ты пойдёшь со мной, так тихо, как только можешь. Вопросы, возгласы и комментарии откладываются до пока не разрешу.

Бесшумно приоткрываю окно. В дверь уже откровенно ломятся. Липа, как и вчера, растёт на своём месте у стены гостиницы. В последнее время мне удивительно везёт на удобные липы! Осторожно перешагиваю на толстую ветку, подаю руку притихшей Лерде.

Вместе с ней спускаться приходится почти вдвое медленнее, вот Бездна! Как только девушка, наконец, спрыгивает мне в руки, наверху раздаётся грохот выбитой двери. Прижимаясь к самой стене, мы быстро проскальзываем за угол здания. Что ж, побегаем.

У задних ворот трактира караулит знакомая эльфийка в лёгких кожаных доспехах. Все прошлые дни она весьма талантливо изображала примерную супругу богатого купца, в жизни ничего опаснее иголки в руках не державшую. При виде нас она хватается за меч и открывает рот, готовясь позвать на помощь. Слишком медленно. Отпустив руку привычно волочащейся следом Лерды, в два прыжка подлетаю к эльфийке и перехватываю её запястье. Второй кулак аккуратно впечатывается ей в висок. Только бы не убить! Бережно уложив эльфийку на землю, щупаю пульс. Жива, хвала Трои́м!

За время моих прогулок по Перекрёстью мне удалось составить довольно подробную мысленную карту города, от самых людных площадей, до самых тёмных переулков. Сейчас пригодятся и те, и другие.

Ускользнуть почти удаётся. За пару улиц от намеченного лаза в городской стене на нас всё же натывается тройка преследователей. Всех троих мне несколько раз доводилось видеть в последние два дня, когда они строили из себя охрану почтенной эльфийской купчихи, по чистой случайности гуляющей по сходным с моими маршрутам. Отпихиваю Лерду к стене, достаю кинжалы. Мне повезло, что ни один из них не взял лук, дабы не нарваться на проблемы с человеческими властями. Главное, никого не убить и не покалечить, этого мне Князь точно не простит! Мне после сегодняшнего и так пожизненное изгнание светит. Богиня, ну до чего же не вовремя!

Первого удаётся вырубить привычным ударом в висок. Остальные двое, явно более опытные, расходятся в стороны, явно планируя взять меня в клещи. Простите ребята, вам не повезло. Аккуратно перенаправлю в сторону своим кинжалом меч рискнувшего сунуться первым и без изысков пинаю его ниже живота. Всё, этот не противник. Второго ловлю за руку, выворачиваю её, вынуждая рухнуть на колени и выпустить оружие и локтем пережимаю горло. Не до смерти, только чтобы сознание потерял.

Когда на камнях мостовой остаются лежать три неподвижных тела, оборачиваюсь к Лерде. Девушка смотрит на меня широко распахнутыми глазами, одной рукой прижимая к животу мою сумку, а другой вцепившись в кристалл-амулет так, что побелели пальцы. Привычно хватаю её за запястье. Осталось немного.

Мрак уже давно ждёт меня в перелеске за городом, вместе с седлом и частью необходимых вещей. Ещё в первый день Элар переправил его туда и позаботился, чтобы ни коня, ни вещи никто не нашёл.

— Ну и что ты собиралась делать, позволь спросить? — Интересуюсь я, когда мы, наконец, останавливаемся на отдых.

— Не знаю. До Ллевельдеила добраться, а там как повезёт.

Костёр зажигать опасно, мы коротаем ночь под кроной старой ели со спустившимися почти до земли лапами, тесно прижавшись друг к другу и укрывшись одним плащом.

— А ты уверена, что тебя бы туда вообще впустили?

— Ну-у-у... Мори, а что теперь со Звёздочкой будет? — о, мы уже осваиваем искусство перевода темы разговора! Пока получается так себе, но само по себе похвально.

— Не знаю. — И не слишком хочу знать, если честно. — Трактирщик, наверное, себе приберёт. Или рыцарь твой благородный.

— Жалко. Я к ней уже привыкла так.

— Сама виновата. Так всё-таки, что ты планировала?

— Не знаю. Я чувствовала, понимаешь? Чувствовала, что мне нужно к тебе!

Ох уж эти ясновидящие! Пользы ноль, но проблем по горло!

— Ладно, забыли. Как я понял, пытаться отправить тебя обратно к Соре бесполезно?

Смущённое сопение служит достаточным ответом.

— В таком случае запомни, у меня теперь будет меньше возможностей вытаскивать тебя из неприятностей, это раз. Так что без разрешения даже в кусты не отходишь. И два, я давно должен был тебе это сказать. Конечная цель моего пути — твой бывший господин. И намерения по отношению к нему отнюдь не дружеские. Ты понимаешь, во что ввязалась?

Девочка не отвечает, только прижимается ещё сильнее и прячет лицо на моей груди.

Несколько дней мы пробираемся старыми, полузабытыми дорогами и тропами. Путая следы, ежеминутно оглядываясь. На третий день пересекаем границу астая Вестан. На самом деле определить её посреди соснового леса совершенно невозможно, но меня ведёт память. Я уже давно иду пешком, ведя Мрака под уздцы, а непривычная к долгим переходам Лерда сидит в седле и страшно по этому поводу переживает. С её точки зрения я очень устаю и сбиваю ноги, только не признаюсь.

— Мори, смотри, что это? — громко интересуется Лерда, подавшись вперёд.

Проследив её взгляд, не могу скрыть удивлённого вздоха. Среди древесных стволов видна старая, полуразрушенная часовенка с покосившимся знаком Трёх на шпиле. Сворачиваю к ней.

— Лерда, сегодня ночуем под крышей!

Всё ещё стоит, надо же! Только дверь сгнила и выпала, да стены заросли мхом почти по самую крышу. Заходим внутрь, привязав Мрака у двери. В часовне пыль и запустение. Сквозь пролом в крыше насыпалась листва, под ногами хрустят сухие ветки, а одну из потолочных балок явно облюбовал для днёвок филин.

Статуя прекрасной девушки в центре покрыта грязью но, как ни странно, ещё цела. У её ног засыпанный прелыми листьями саркофаг из белого мрамора.

— Кто это? — Лерда подходит к ней, с интересом всматривается в мраморное лицо.

— Эгрилана, — смахиваю с крышки саркофага мусор, обнажая выбитую надпись, — Великая героиня Астая Вестан. Много лет назад она спасла его от завоевания Ашшианом. Тогда астаи ещё воевали друг с другом, знаешь, наверное. О ней было сложено много песен, сказаний... большая их часть сейчас забыта. Да и о её могиле, как видишь, уже мало кто помнит. А когда-то к месту погребения стекались сотни паломников. Ну, и то, что раньше в Ашшиан в основном мимо неё ездили тоже роль играло. Лет восемьдесят назад появилась более удобная дорога, а эту со временем почти забросили.

А саркофаг на самом деле пуст. Эгрилану зарыли под первым попавшимся деревом, с короткой молитвой. Воинам тогда было не до пышных похорон. Хотя место, да, то самое.

— А что она сделала? — спрашивает девушка, рассматривая статую с восхищённым почтением.

— Помогла убить вражеского полководца, — поднимаю голову. Когда-то давно скульптору удалось очень точно передать гордую, холодную красоту этой женщины и даже сейчас, глядя на запылённую статую, я всё равно могу видеть её черты. Брезгливо морщусь. — Заманила в лес и выдала вестанским солдатам. Она была его невестой.

— Ты не считаешь это подвигом? — Лерда отворачивается от статуи и пытливо вглядывается в моё лицо.

— Я считаю это подлостью. Он любил её. — Пробую объяснить: — Я не очень хорошо понимаю любовь, но даже мне ясно, что лгать в таких вещах отвратительно. Знаешь, когда его схватили, у него было время отомстить. Но он не стал. Эгрилану позже убил один из его соратников.

К чести этой женщины, о пощаде она не просила. Может быть потому, что сразу поняла, что это бесполезно. Сказала лишь, что не раскаивается ни в чём. Эгрилана была вестанкой по рождению, но никто из соратников и друзей её жениха не думал, что это имеет значение.

— Мори, так ты что, никогда не влюблялся? — из моей речи Лерду заинтересовало только одно. Неисправима! — Что совсем-совсем?

— Ну да, — улыбаюсь. — Так уж получилось. Ладно, детёныш, устраиваемся на ночлег. Лерда открывает, было, рот, но вновь закрывает. И молча разворачивается к выходу, за вещами. Иду вслед за ней — надо позаботиться о Мраке.

Ночь по привычке коротаем без костра. Не то чтобы это ещё было важно, но огонь в часовне, пусть и такой, всё рано неуместен. Мрак шумно всхрапывает во сне и переступает копытами, головка Лерды привычно покоится на моей груди. Тёплая, трогательная и — от себя-то можно уже не скрываться — родная.

Сквозь дрему беспокойство пробивается отнюдь не сразу. Так что мягкую ладошку я ловлю уже на своём поясе.

— Лерда?

Девочка испуганно замирает.

— И как это понимать?

— Ты что... не хочешь? — она пытается аккуратно высвободить руку. Удерживаю.

— Детёныш, ты понимаешь, сколько тебе лет и сколько мне?

— Какая разница?! — Лерда всё-таки вырывает руку и обиженно отворачивается. — Дурак!

Ещё и отодвигается, насколько это возможно. Интересно, скоро ли замёрзнет? Ночи уже не столь холодные, но сегодня вечером был дождь. А когда замёрзнет, вернётся, или будет дуться до последнего?

— Лерда?

Зная её — скорее второе.

— Отстань от меня! — и обиженное сопение, по всей видимости долженствующее означать глубокий сон. Со смехом сгребая её в объятия, зарываюсь лицом в мягкие кудряшки на затылке, всё ещё немного пахнувшие дешёвой краской.

— Не мёрзни, дурочка! — аккуратно пресекаю безуспешные попытки вырваться. — Я не твоя судьба, Леренва, и не твоя мечта. Ты сама это скоро поймёшь.

— Да что ты...

— Спи.

Спор в одной из комнат Аишианской Башни Магов длился уже почти час, и собеседники всё не могли договориться.

— Мне плевать, как ты этого добьёшься, но его не должны искать! — Дэррик Виттанийский нервно ходил по комнате кругами. — Он мне нужен живым и невредимым!

— И как ты себе это представляешь? — его сидящий в кресле собеседник, довольно молодой эльф, невозмутимо сложил руки на груди. И Элистар, и Морвена без труда узнали бы в нём главного мага Ллевельдеила, советника Князя. И очень бы удивились. — Я прихожу к Князю и прошу его повременить с поисками наследника, так как меня попросил старый знакомый? Я не могу пресечь её поиски, и ты это понимаешь не хуже меня!

Все эти аргументы он произносил отнюдь не впервые.

— Если ты этого не добьёшься, к Князю тебя вызовут! — сорвался на крик Дэррик. Честных аргументов не хватило, пришлось прибегнуть к эффективному.

— Не угрожай, — эльф поморщился. — Я всё прекрасно понимаю. И единственное, чем я здесь могу тебе помочь — это поспособствовать тому, чтобы её и наследника какое-то время искали не там, где нужно. Не долгое, сам понимаешь.

— Мне хватит, — мужчина глубоко вздохнул, успокаиваясь. — Спасибо.

— Не за что. И я бы хотел иметь гарантии, что после того, как я это устрою, известные нам обоим вещи... ммм... больше никогда не всплывут в беседах.

Дэррик лишь молча кивнул.

В воздухе пахнет чем-то сладким и хмельным. Вполне довольная, несмотря на вчерашнюю размолвку, Лерда негромко мурлычет ритмичный мотивчик, покачиваясь в седле. Тёплая хвоя стелится под ноги, монотонная ходьба убаюкивает. Сквозь реальный мир еле видимо проступают неярко светящиеся нити. Пересекаются, сплетаются, соединяют предметы между собой. Сладкий аромат кружит голову, лесная опушка кажется угольным наброском поверх спутанного клубка разноцветной пряжи. Лерда неожиданно прерывается и хихикает, словно шутку услышала. Спотыкаюсь от неожиданности. Встряхиваю головой, отгоняя наваждение. Та-ак, это что ещё такое?

— Лерда, ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — девочка улыбается, глупо и счастливо. — Какой сегодня день замечательный!

— Всё с тобой ясно, — твёрже перехватываю поводья Мрака. — Слезай.

Ловлю уже неуверенную в движениях девушку, усаживаю на траву под ближайшим деревом. Привязываю коня рядом. Так, где-то у меня был подходящий кусок полотна.

— Мори, ты чего?

Достаю кинжал и разрезаю тряпку на две части. Сосредоточиться на реальном мире тяжело до головной боли, зрение расплывается и дробится. Говорю, только чтобы услышать звук своего голоса:

— Арвелика цветёт. Чёрная пыльца, слышала должно быть? — смачиваю водой из фляги кусок ткани и протягиваю девушке. — Закрой лицо!

— Зачем это? — Лерда продолжает хихикать.

— Надо!

Без лишних слов наматываю тряпку самостоятельно. Тщательно проследив, чтобы она плотно закрывала рот и нос.

— Странно. Она обычно поодиночке растёт, а здесь её, судя по запаху, полным-полно. Заматываю лицо и себе.

— Подожди, я только посмотрю, что это, и вернусь.

Увиденное мне не нравится. Точнее, всерьёз приводит в ужас.

Костёр, разведённый в неглубокой лощине, почти не заметен снаружи, даже не смотря на ночную тьму. Высокие деревья нависают, сплетаются ветвями, образуя вокруг живую стену. С непривычки жутковатую, словно в темноте к огню подбираются гигантские чудища. Лерда сидит у огня и нервно тербит свой кулон, следя за мной испуганными глазами. Я тоже на неё поглядываю между делом. На девочку с каждым днём всё приятнее смотреть. Хрупкая, юная, не осознанная ещё красота, только-только пробившаяся сквозь заурядную миловидность. Это успокаивает и помогает сосредоточиться.

Одежда моя тёмная и неяркая, сливающаяся с ночью. Пришлось специально избавиться от всех ярких или блестящих деталей. Поправляю кинжалы на бёдрах, закрепляю за спиной арбалет и стрелы к нему.

— Сиди здесь и жди меня, — проверяю снаряжение, тщательно заматываю лицо влажной тканью. Несколько раз подпрыгиваю — ничего не звенит.

На прощание глажу по морде задремавшего Мрака. Тот фыркает, но просыпаться не желает.

— Если я не появлюсь к утру — бери Мрака и возвращайся к Соре, лучше всего — кружным путём, подальше от Ллевельдеила. Соране или кому-то из их её семьи расскажешь, где и когда меня в последний раз видела. Кошелек с деньгами в сумке на самом дне. Всё поняла?

— Мори, я не дура! — Лерда стискивает кулон до побелевших костяшек, но не спорит и не плачет.

— Я знаю, прости. Просто боюсь за тебя немного.

Надо же, покраснела так, что даже в темноте заметно!

— Ну, я пошёл.

Беззвучно отступаю и исчезаю в темноте.

— Удачи, — почти без голоса шепчет Лерда мне вслед.

Весь мир — это переплетение сияющих нитей. Каждая вещь связана с тем, что её окружает. Память прикосновений тянется и переплетается, и, если приглядеться, можно проследить их все. Оглаживаю пальцами наконечник стрелы (помнит прикосновения Соры, нескольких человек из Серого Замка, неприятного купца, добродушного кузнеца с жёсткими руками, огонь, скалу, снова огонь, древний и жаркий...), поднимаю к плечу так и не пригодившийся мне до этого трофейный арбалет (от него идёт ниточка к покоящемуся в развалинах мажьей избушки степняку-отступнику и несколько других, потусклее). Если их порвать, что-то в мире изменится. Какие-то связанные с ним события станут небывшим, и кто знает, насколько важные. На несколько мгновений задерживаю дыхание, пока перед глазами не проявляется привычная картина мира.

Двое охранников с плотно замотанными тканью лицами стоят у края поля и глухо переговариваются. Один спиной, другой лицом к низким колючим зарослям, в которых я сижу. Неучи! Впрочем, кого им тут бояться? Первый умирает, так ничего и не успев понять. Второй хватается за меч и тоже оседает со стрелой в горле. Подхожу к трупам, осматриваю. Один — явный этха, должно быть из выживших Пустельг, второй похож на жителя астаев. И у обоих бесцветные, выгоревшие глаза. Больше людей поблизости не оказывается.

Работники, если таковые есть, живут где-то ещё и приходят по мере надобности. Странно, конечно. Но мне такого вообще видеть никогда не доводилось.

Медленно обхожу поле. Арвелика никогда не растёт кучно. Это всегда одинокие растения, пыльцу с которых, в сезон, собирают, часами бродя по лесу. Точнее, не совсем пыльцу — летучую тёмную пыль, служащую кустику для привлечения насекомых. Смертных она тоже привлекает, но в несколько ином, специфическом смысле. Здесь же — аккуратно расчищенное поле, засаженное невысокими, ухоженными кустиками. Неужели кто-то наконец нашёл способ её выращивать? насколько я знаю, раньше все подобные попытки терпели крах. Сладковатый запах вновь заставляет зрение размываться, на месте привычных вещей проступают яркие узоры. И почти сразу я натыкаюсь взглядом на пустое, будто выжженное пятно. По краям его жалостливо топорщатся обрывки нитей, уже начавшие истаивать. Та-а-ак, значит без мага и тут не обошлось. И я на свои кинжалы могу поспорить, что знаю его имя!

Чуть поодаль натыкаюсь на небольшой сарайчик, почти незаметный в зарослях. Внутри инструменты, какое-то тряпье и магический чертёж на полу. Теперь ясно, откуда сюда приходят работники. Нет, эту тварь точно нужно уничтожить!

Арвелика не слишком хорошо горит. Но в поджигании чего-либо у меня довольно большой опыт.

На пламя лучше всего танцевать. Но и стихи читать тоже неплохо.

Лерда всё так же сидит у огня, смотрит в пламя расширенными, неподвижными глазами и снова тербит выглянувший из расстёгнутого ворота кулон. Усаживаюсь рядом, развешиваю у костра мокрые волосы. Перед возвращением пришлось довольно долго отмокать в подвернувшемся ручье, смывая с себя запах гари и приставшую пыльцу. К счастью, эта дрянь прекрасно растворяется в воде.

— Не испугалась тут одна?

— А? — Девушка вздрагивает и разжимает пальцы. — Нет, всё хорошо.

— Точно? — придвигаюсь поближе к огню, чтобы высушить промокшую одежду. Опасности для меня особой не было, но при её способностях могла и почувствовать что-то.

— Точно, точно, я в порядке, — девушка опускает взгляд. Вновь бездумно тянется к камню на шее. — Мори, а за что ты магов не любишь?

Интересный вопрос.

— А с чего бы мне их любить?

Слегка просохнув, подтягиваю поближе сумку с провиантом, достаю сухарь. Умница Лерда успела заварить в котелке чай с кислицей и земляничным листом. Набираю полную кружку, с удовольствием втягиваю ноздрями аромат.

— Мори! Я серьёзно!

— Ну, могу и серьёзно, — несколько мгновений подбираю слова, понемногу прихлёбывая чай. — Они бесполезны. А частенько даже и вредны. Если их убрать, на мире это не отразится.

— Маги помогают людям! Лечат, спасают... ты просто не знаешь. — Лерда запальчиво вскакивает на ноги, обходит костёр, чтобы сесть рядом со мной.

— Как часто они это делают? — «Я уже молчу о стоимости подобного рода услуг». — На одного спасённого магом от болезни приходится не один десяток тех, кого вылечила знахарка или городской лекарь. Точно так же и со всем остальным. Маг может возвести дом

за ночь, или вырастить дерево за час. Но каменщик и садовник справятся с этим не хуже. И гораздо дешевле.

— Маги делают лучше! — упрямо восклицает она.

— Быстрее. Понимаешь, Лерда, это несколько разные вещи. М-м-м... как бы тебе объяснить? Вот, например, благосклонности женщины можно добиться несколькими месяцами ухаживания, а можно просто приставить ей к горлу нож и потребовать покорности. По факту результат один... но ты не находишь, что первый вариант лучше?

— Ну, ты сравнил! Кому будет плохо от того, что маг что-то создаёт с помощью волшебства?

Никому. Но место, на котором выжжены нити, восстановится очень не скоро. А кто знает, что значили потерянные связи и на что повлияет их уничтожение. И я не буду сейчас вспоминать об Источниках, просто не буду.

Лерда всё ещё выжидательно смотрит куда-то мне в ухо. Поднимаю руку, признавая поражение.

— Ладно, ладно, мне просто не нравится слишком могущественные, слишком далёкие от людей существа, которые преследуют какие-то свои цели и подозрительно сильно влияют на правителей. Имею я право на предубеждения?

Вообще-то, всему миру очень повезло, что подавляющее большинство магов — одиночки, озабоченные только собственной выгодой. Даже их пресловутый Совет — явление чисто декоративное.

— Имеешь, конечно, — девочка шмыгает носом. — Но ты не прав.

Морион плёл венок из ландышей и каких-то светлых пушистых колосков. Не отвлекаясь от дороги, почти машинально. Длинные ловкие пальцы двигались чётко и уверенно, и взгляд Лерды невольно на них останавливался. Мори редко снимал перчатки и, по мнению девушки, совершенно зря. Такие руки стоило показывать. Изменённые тренировками и сражениями, с давно затвердевшими мозолями и чересчур коротко обрезанными ногтями, они всё равно были очень красивы. Тонкие длинные пальцы, узкие запястья, небольшая, даже, пожалуй, чересчур небольшая, меньше человеческой, вытянутая ладонь. Наверняка дело в эльфийской крови. Для человека такие пропорции были бы просто невозможны.

— Скажи, Лерда, ты в последнее время часто пользуешься своим даром? — он наклонился и сорвал ещё один цветок.

— Каким?! — девушка споткнулась от неожиданности. Этим утром она решил тоже пройтись пешком — размять ноги и отдохнуть от седла. Морион идею поддержал, но на спину Мрака перебираться не спешил.

— Ясновидением. Ты часто в последнее время что-то предчувствуешь? — Морион отломил пару колосков из росших вдоль дороги зарослей. Один вплёл в венок, второй сунул в рот и начал с видимым удовольствием грызть.

— Н-нет. Не знаю, не задумывалась как-то. — Девушка растерянно тряхнула пятнистыми, по большей части уже вылинявшими до природного цвета косами. — Я не помню, когда в последний раз что-то чувствовала.

— Спасибо, — Морион перекинул травинку из одного угла рта в другой. — Это хорошо.

— Почему?

— Я бы даже сказал — замечательно!

Морион рассмеялся и, не ответив, надел ей на голову законченный веночек.

Дэррик медленно открыл глаза. Подождал немного, пока комната не перестанет двоиться и расплываться. С усилием потёр ноющие виски. Связь разумов с каждым разом давалась всё тяжелее, словно канал истончался, или закрывало его что-то. Жаль, что обычных вестников нельзя использовать — слишком приметные. Будет обидно потерять всё из-за какой-нибудь мелочи.

Новости не радовали, но и не особенно огорчали. С потерянными людьми и уничтоженной плантацией можно и позже разобраться, когда основная цель будет достигнута. Но всё же глупо получилось. Нашёл, называется, самое дикое и нехоженое место в астае! А он-то думал, что про старый тракт уже никто не помнит! Маг покосился на статую. Танивающее существо улыбалось чему-то, не обращая внимания на окружающее.

Цель если не всей, то значительной части его жизни даже не подозревала о своей участи. Всё же кажущееся бесперспективной блажью увлечение иной раз приносит плоды. Подумать только, когда-то он и сам считал легенды простой выдумкой! Пока почти случайно не наткнулся на полузабытые архивы прежних эпох. Многие его коллеги, узнав то, что он теперь знает, позволили бы живьём содрать с себя кожу, лишь бы поменяться с ним местами. Шанс обрести подобное могущество нельзя упускать.

К побережью мы выходим ещё через четыре дня пути и море, как обычно, поднимает мне настроение. Не совсем моя стихия, я предпочитаю проточную воду или скалы, но рядом с морем всё равно чувствую особое умиротворение. Море прекрасно. Огромное, вечное, переменчивое и неизменное. Оно не подавляет своим величием, а принимает и примиряет. Море было стихией самого важного существа в моей жизни и в шуме волн я всегда слышу его голос. Только его море было северным, седым, холодным. А в этом уже можно купаться. Ну... то есть можно было бы, если бы не Лерда. Смущать её мне совершенно не хочется, а укромных мест, подходящих для того, чтобы искупаться по одиночке, по пути к сожалению не попадается.

Девочка, напротив, с каждым днём пути становится всё мрачнее. В седле она уже держится вполне уверенно, но от долгих переходов явно устаёт. И постоянно думает о чём-то, но о чём — не признаётся. То ли о рыцаре своём грустит, то ли о Звёздочке, то ли господина мага вспоминает. Её даже обещание свозить в Ллевельдеил за арфой не слишком обрадовало.

Костерок из плавника потрескивает и стреляет искрами. Рядом с ним, почти в самом огне — большой плоский камень, на котором разложены крупные мидии. Я, подстелив плащ, лежу на прогретом солнцем песке, покачивая носком одной ноги, заброшенной на колено другой. Рассёдланный Мрак чуть в стороне объедает какой-то чахлый кустарник. Лерда сидит у костра и заморожено смотрит в огонь, забыв про готовящийся ужин.

Наверняка к концу вечера напишет что-нибудь. За время пути девочка извела на свои вирши большую часть моего запаса бумаги. И не сказать, что это была пустая её трата — пишет она с каждым днём всё лучше и лучше.

— Скажи, а есть у тебя какая-то цель в жизни? — вдруг спрашивает Лерда, не глядя на меня.

Цель... хм, интересный вопрос. Учить других — это цель или призвание? А пытаться навести порядок в мире — цель? Вряд ли, скорее образ жизни.

— С чего вдруг такой интерес?

— Просто. Ну, у всех есть какая-то цель.

Чушь какая!

— Нет, цели нет.

— А-а.

— У меня есть жизнь. По-моему, этого вполне достаточно. С чего ты вообще взяла, что жизни нужна какая-то цель?

— А зачем тогда жить? — Лерда говорит всё тише и не отрывает взгляда от огня. Разговор для неё явно важен, вот только знать бы ещё, по какой причине.

— Просто жить тоже неплохо, малыш. Мир огромен, его интересно познавать, следить за тем, как он меняется... Ты сама разве так не думаешь?

Лерда не отвечает.

Перевожу взгляд на море. Солнце почти село и рыже-розовый свет совсем не бьёт в глаза. Вдалеке солнечную дорожку пересекают несколько стремительных лёгких силуэтов, один даже выпрыгивает на мгновение из воды. Приподнимаюсь на локтях, с интересом слежу за резвящейся компанией.

— Ой, кто это? — Лерда поворачивается и прослеживает направление моего взгляда. — Дельфины?

— Ундины. У побережья Эльденского залива они живут бок о бок с людьми.

— И что, даже подчиняются астаэ?

— А здесь уже не территория Альянса Астэ, — прикрываю глаза, вспоминая. — Точнее, не совсем. Лет сто назад тогдашний Святой Проводник решил отвоевать побережье у ундин. И даже успешно отвоевал, пусть и потерял треть армии. А потом он совершил огромную ошибку.

— Какую же? — Лерда пересаживается ко мне поближе, от недавней хандры не осталось и следа. Все дети любят сказки!

— Согласился на переговоры с ундинами. В итоге самый крупный порт, так уж и быть, формально остался за людьми, а остальное побережье теперь в совместном владении. Ундины, кстати, быстро наловчились работать вместе с человеческими рыбаками. Я не знаю другого места, где рыбу загоняли бы в сеть специальные охотники.

— Ух ты! Вот бы посмотреть! — она вновь переводит взгляд на резвящихся ундин. — Так, погоди. Выходит, здесь есть жильё где-то рядом?

— Для них — рядом, — соглашаюсь я. — А нам по берегу ещё не меньше полусуток тащиться. Кстати, судя по запаху, ужин давно готов.

Лерда ойкает и бросается вытаскивать из костра мидий. С местными водорослями и парой предпоследних оставшихся сухарей ужин выходит вполне пристойным.

До Рисна — прибрежного городка, где мы должны были встретиться с Элистаром,

остаётся меньше дня пути. Как ни странно, никто из аккуратно расспрашиваемых по дороге людей и живущих с ними бок о бок, в одних поселениях ундин, ни о каком поместье мага не слышал. Для колдунов это, конечно, не так уж и странно, они почти все затворники, но мне создаёт определённые трудности. Решаемые, конечно. Неприятным способом, но решаемые.

На ночлег мы останавливаемся в небольшом рыбацком посёлке. В местном трактире подают жареную рыбу десяти видов, и шумит море за окнами — он стоит на самом краю городишки, ближе всего к причалам. Мне с первого взгляда нравятся вывеска — лихого вида акула с кружкой пива в плавнике, улыбающаяся во всю пасть, и хозяйка — молодая симпатичная ундина, с хитрющими синими глазами. Пару комнат удаётся снять без проблем, насчёт горячей воды тоже в конце концов договорились.

Небрежно вытираюсь, стряхиваю воду с волос. Распушенный тёмный водопад спускается по спине и ягодицам, мокрые кончики щекочут впадинки под коленями. Расчесать всю эту массу — уже задача не из лёгких, а ухаживать за ними при моей походной жизни и вовсе попытка, но у меня никогда не возникало желания подстричься.

Беру гребень со стола, осторожно разбираю спутавшиеся пряди. Гриву свою мне иногда почти жаль. Такая роскошь должна украшать изящную головку смертной красавицы, собираясь в сложнейшие причёски и сверкая вплетёнными драгоценностями. А не болтаться небрежной косой за спиной у побитого жизнью осколком исчезнувшей расы.

Рассыпав по спине волосы, подхожу к висящему на стене старому, помутневшему зеркалу. Редкая возможность взглянуть на себя без привычных ролей и масок. На то, что от меня осталось, если точнее. Остатки, осколки... жмых. Мой истинный облик вызывает у меня почти непреодолимое желание не быть. А восхищение смертных только добавляет ему силы. Каждый раз приходится убеждать себя, что всё это относится только к роли. На самом деле во мне почти не осталось красоты. Окружающие привычно засматриваются на очередную танцовщицу-рыцаря-советника-странницу-менестреля, не подозревая, что по меркам своей расы это почти труп.

Тонкая, гладкая как мрамор кожа. Белая. Как снег, как молоко... как панический ужас. В паху, за ушами и вдоль позвоночника ещё остались разводы изначального светлого серебра, но они — лишь грустное напоминание. У людей от переживаний седеют волосы. У Детей Звезды появляются белые пятна на коже.

Кое-где белоснежное убожество пересекают старые шрамы. С левой стороны груди — незадачливый убийца, помнится, был сильно удивлён, когда получившая смертельную рану в сердце жертва вежливо поинтересовалась мотивами преступления. Чуть ниже рёбер — копьё тогда прошло насквозь, задев позвоночник. И на спине — от кнута. Не стоило мне грубить лорду. Даже из-за неприличных намёков с его стороны. И ещё несколько мелких, не столь памятных.

Не так много за тысячи лет — моя кожа исцеляется куда лучше, чем у смертных. Впрочем, на моей душе их оставлено в сотни раз больше.

Провожу пальцами по стеклу. Они очень длинные, даже для «полуэльфа», что в сочетании с маленькой узкой ладонью смотрится непропорционально. Люди списывают это на эльфийскую кровь, эльфы на редкое отклонение. Когти обрезаны неимоверно давно, ещё и кислотой протравить пришлось, так что теперь они даже не могут принять свою изначальную форму, ломаются и слоятся. Чтобы выжить в этом мире, нужно выглядеть как смертные. Клыки так вообще пришлось стачивать!

Необычного разреза глаза, когда-то тёмно-тёмно изумрудные, как гвирейские бериллы, с выщвели до серо-зелёных. В сочетании с густыми чёрными ресницами смотрится жутковато. Радужная оболочка похожа на речной лёд — прозрачная, удивительно ровного светлого цвета. Один из самых явных признаков употребления чёрной пыли. На столе уже стоит стакан с крохотной щепоткой этого яда, разведённой в подогретом вине. Сколько-то большая порция пыли уже давно способна меня убить, но сейчас это необходимо. Мне не справиться своими силами. Третий вариант действия пыли на организм — стимуляция. Звёздным чёрная пыльца на короткое время усиливает природные способности. А со временем гасит их навсегда. Последнее мне довелось узнать на собственном опыте.

Нет, я люблю жизнь, почти всегда люблю. Но иногда думаю, что смерть была бы лучше. Редко, обычно я стараюсь о таких вещах не задумываться. Но всё же очень тяжело беспомощно наблюдать, как память о народе Детей Звезды превращается в «дела давно минувшего», в старинные легенды, а затем и просто сказки, которым никто не верит. Память смертных столь коротка!

Впрочем, то, во что превращаюсь я, куда более отвратительно. Жалкое, полуразрушенное существо, использующее для познания наркотики. Это не зависимость, точнее не в том смысле, как её понимают смертные. Давным-давно, когда отчаянные поиски остатков моего народа потребовали больших сил, чем у меня было, стимуляторы показали единственно возможным выходом. А после того как последняя надежда оставила меня, как-то неожиданно выяснилось, что беседовать с миром у меня больше не получается. Я всё ещё слышу его, но он не воспринимает мои вопросы. Только и остаётся, что пытаться исправлять то, на что у меня ещё хватает сил. Я больше не в состоянии срастить порванные нити одним своим присутствием, но всё ещё могу творить и воспитывать творцов. Это утешает.

Оставив в покое гребень и зеркало, отхожу к столу. Комната на постоялом дворе — не самое лучшее место для самокопания! Особенно перед тем, что мне сейчас предстоит. После тех десятилетий поисков я искренне ненавижу эту процедуру, прибегаю к ней лишь в самых крайних случаях, когда иных вариантов нет вовсе. Сейчас как раз такой.

Касаюсь кончиком пальца грани кристалла. Тускловатый, совсем не примечательный камешек, кажется аквамарин. Мне почему-то совсем не хочется к нему прикоснуться, должно быть, всему виной предстоящее. Ничего, вот разберусь с делами и обязательно изучу его повнимательнее, возможно, удастся определить, где его добыли. Просто так, из любопытства. Лерда отнюдь не сразу согласилась одолжить мне свой кулон. Очень ненадолго и с условием, что верну в целости. Протягиваю руку к стакану с зельем, любуюсь мелко дрожащими пальцами. Мерзость какая!

Решительно подношу стакан к губам и опрокидываю залпом. Прохладная жидкость жжёт губы и горло, но это уже не важно. Волна судорог прокатывается по телу. Где-то внутри грудной клетки сворачивается трепещущим узлом напряжение. Звуки... запахи... Я отчётливо слышу малейший шорох, ощущаю каждую пядь комнаты, каждый предмет, как будто бы он часть моего тела. Картинка перед глазами расплывается, чтобы через мгновение собраться, как мозаика, в удивительнейшее и прекраснейшее полотно. Воздух пронизан лентами разноцветного тумана, они сплетаются, текут, подрагивают, переливаясь гроздьями огоньков. Истинное лицо этого мира. Невозможно отвести взгляд, невозможно даже помыслить о том, чтобы как-то нарушить эту красоту. На самом деле все эти перемены только в моем разуме. Мир остался все тем же, точка зрения поменялась. Вещи светятся ровно и неярко, живые существа горят разноцветным, постоянно меняющимся пламенем.

Ленты и нити между ними — связи. Более светлые — те, что существуют здесь и сейчас. Тёмные, малозаметные — те, что тянутся из прошлого. Всё в этом мире хранит память и невозможно не оставить своего следа на предмете, к которому хоть раз прикоснулся. Эти цепи живут в настоящем и тянутся из прошлого, они опутывают мир, переплетаются, составляя бескрайнее полотно. Протягиваю руку к ближайшему огоньку. Только бы не повредить! Порвав связь, лишаешь этот мир какой-то важной детали. Жаль, что маги этого не понимают, калеча реальность ради сиюминутной выгоды.

Перебираю идущие от него нити, пока не нахожу нужную. Устремляюсь по ней к далёкому огоньку чужой сущности. Господин маг брал в руки её кристалл, Лерда мне сама говорила. Дальше, ещё дальше, раньше, глубже... вот оно!

Знание врывается в меня через кожу. Чёткое, яркое, предельно болезненное. Я знаю, где искать мага, с точностью до нескольких шагов могу указать место, почти слышу, что он в данный момент думает. Этого с лихвой хватит, чтобы найти его поместье. Теперь главное — вернуться, ничего не повредив. Чёрная пыльца в такой дозе на меня действует всего несколько мгновений, редко достаточных для того чтобы досчитать про себя до десяти. Самое сложное — успеть всё выяснить, пока эффект не прекратился. Дёрганье в груди становится нестерпимым, а затем затихает, мышцы перестаёт сводить судорогами. Вынырнув, наконец, на обычный уровень восприятия, судорожно хватаю ртом воздух. Приторно тёплый воздух жилья, не способный сейчас помочь.

Пошатываясь, подхожу к окну, распахиваю створки. Прохладный, пахнувший солью и водорослями ветер оглаживает покрытую испариной кожу. Живой, настоящий ветер. Ночью будет шторм... Запрокидываю голову, пытаюсь унять катящиеся из глаз слезы. Мерзость-мерзость-мерзость! Когда-нибудь я точно сойду с ума. Не могу понять, как люди могут использовать эту дрянь просто для развлечения.

Кстати о людях. Одна достойная представительница этого племени как раз проскользнула в комнату вместе с моим ужином.

— Мори, я...ой! — так тебе и надо, впредь стучаться будешь! Осторожно кошусь через плечо — ну так и есть! Замерла на пороге, в поднос вцепилась как утопающая, а мордашка красная-а... как будто сквозь волосы хоть что-то интересное просвечивает! Удивительно, как она вообще поняла, что на мне одежды нет. Чутьё что ли?

— Выйди, ребёнок! — пришлось повторить это дважды, прежде чем Лерда соизволяет отреагировать. Сглотнула, ещё больше покраснела и растеряно посмотрела на поднос.

— На стол поставь! — не оборачиваясь, терпеливо жду, когда она расставит тарелки. Долго жду. Наконец, Лерда справляется с трясущимися руками, и, закончив, нерешительно останавливается у стола.

— И заberi свой кулон, он мне больше не нужен.

— Ага. Мори... я тут... ну...

Интересно, если обернусь, что с ней станет?

— Брысь, тебе сказано!

Торопливые, обиженные шаги, звук хлопнувшей двери. Задыхаясь от хохота, сползаю на пол. Кажется, у меня истерика.

Н-да, ситуация — хуже некуда. А главное — не объяснишь ведь дурёхе, что ответить на её пылкие чувства я не смогу по чисто физиологическим причинам.

Так, ладно, Орин, завтра тяжёлый день. Вставай и займись делом!

Переодеваюсь, привычно изменив в костюме несколько мелких деталей для будущей

встречи с Элистаром (хотите в походных условиях отличить эльфийку от эльфа, мой вам совет — смотрите на шнуровки и манеру завязывать пояс). Ночуя на постоянных дворах, я всегда сплю в одежде. Мало ли что.

Ужин оказывается вполне приличным на вид. Лепёшки, жареная рыба и мятный чай. С учётом того, что рыбу от души пересолили, он оказался особенно кстати. Утолив голод, поднимаюсь из-за стола... и медленно опускаюсь обратно. Ноги почти не слушаются. Да и руки тоже, понимаю я мгновение спустя. Так, спокойно, Орин, спок-койно. От волнения кровь только быстрее разгонит отраву по телу. Два пальца в рот — симпатичный был коврик, надеюсь, отстирается. А теперь обопрись на руки и медленно встань. Получается. Уже лучше. Весёлая гостиница! Бездна побери, ну что с нас брать? Мой кошелёк только затраты на зелье и покроет. Стоять, не падать! А если дело не в деньгах? Вдруг опять в малышке? Трактирщица может и работать на мага... если выживу, непременно сверну шею этой хитроглазой суке! Так, теперь до двери. Всего пять шагов, ты сможешь! Не смей терять сознание, там же Лерда! Богиня, только бы с девочкой ничего не случилось! Ничего, и не из таких переделок выпутаться удавалось. Шагать, не падать!

Дверь неожиданно поддаётся с первой попытки. Не удержавшись на ногах, падаю на четвереньки, с трудом поднимаю голову. Лерда стоит у стены в нескольких шагах от меня, смотрит с ужасом.

— Беги отсюда!

Молча, словно оцепенев, она глядит на меня расширенными, неподвижными глазами, тонкая рука тянется к вороту, судорожно сжимает кристалл-подвеску. Бирюзовые бусины браслета постукивают вразнобой.

— Беги, дура!

В глазах темнеет, но я ещё успеваю заметить, как со второй руки Леренвы срывается серебристая магическая птичка.

Начало жизни. Самое яркое, самое главное, самое дорогое воспоминание. Дети Звезды всегда помнят свою жизнь с первого мгновения. Странное ощущение. Мгновение назад тебя не было. Была вода. И камень. И холодный свет переплётшихся коконом нитей. Нечто неподвижное, не способное мыслить и чувствовать. Не ты. И вот ты существуешь. У тебя есть тело, есть органы чувств, ты слышишь и видишь, ощущаешь холод... И ты кричишь, не в силах справиться с этим наплывом ощущений, не в силах осознать сразу всё. Я до сих пор считаю, что новорождённые кричат именно из-за этого.

Потом были твёрдые горячие руки, тихий голос, шепчущий что-то бессмысленно-успокаивающее, сухой просторный плащ, обёрнутый вокруг моего только что вынутого из воды тела...

Того, кто меня разбудил, звали Эссин. И только Звёздные могут произнести это так, чтобы почувствовать ледяной режущий ветер и увидеть лунный отблеск на холодных волнах. А мне было даровано имя Ориндэль. И только Дети Звезды могут слышать в нём холод сырого камня и мерное капанье воды.

Эссин. Нэс'саэ. Одно из немногих собственных слов Детей Звезды. Это слово можно перевести только приблизительно. Разбудивший? Родитель? Наставник? В нём все это и ещё то, чему у смертных просто нет названия. Тот, кто даровал тебе подлинную жизнь и должен

хранить её. Тот, кто делится знаниями об этом мире и помогает найти своё место в нём. Учит, оберегает и защищает. У моего нэс'саэ были длинные серебристо-пепельные волосы и синие-синие глаза, и сильные руки воина с отмеченными белым кончиками пальцев, и низкий, хрипловатый голос, и запах ванили всегда окутывал его невесомой дымкой. Несмотря на прошедшие годы, я помню его со всей ясностью. Резкость и сила, чёткое знание своих целей, и почти вечный мужской образ — развитое тренировками тело совсем не походило на женское. Отношения между наставником и разбуженным им, наверное, самые близкие из тех, что возможны среди нас. С того мгновения как один находит другого. Точнее, не так. Эссин нашёл то, что колдуны теперь называют Источником Магии. Место, где сила, составляющая этот мир, собирается водоворотом и может воплотиться в красоту. В Дитя Звезды. И другой Звёздный может разбудить его и стать его нэс'саэ. Мне так и не пришлось узнать, каково это.

Место, где мне довелось появиться на свет, было маленьким подземным озером с россыпью драгоценных кристаллов на дне. В пещере рядом с ним мы и провели следующий день. Сидели у костра, помню, как мне хотелось прикоснуться к этому красивому существу, и как было обидно, когда оно оказалось таким кусачим.

...Эссин кормит меня с рук кусочками печёной рыбы и улыбается. А я с любопытством истинного новорождённого ощупываю его лицо, волосы, одежду, пытаюсь исследовать окружающее помещение, но оно слишком велико, а я ещё не умею оценивать расстояния и не могу толком передвигаться. Протягиваю руку и не понимаю, почему она не всегда касается стены...

А потом был вечер. И звёзды, и ветер на коже, и целый мир, который мне предстояло познавать. Впрочем, слова «звёзды», «ветер» и «мир» мне довелось узнать гораздо позже.

Мы с моим нэс'сайэ были вместе ровно сто шестьдесят семь лет. Путешествовали, открывали для себя что-то новое... я в мире, Эссин — во мне. Потом мне пришло время искать свой путь в жизни. Ещё спустя триста лет следы звёздного воина окончательно потерялись, а его безуспешные поиски обелили мне руки до самых запястий.

Я не знаю, что с ним произошло. Сны о нём приходят, когда мне страшно.

Холодно. Прикосновение ледяного воздуха к обнажённой коже становится моим первым ощущением от места, где довелось очнуться. И его хватает, чтобы заставить меня покрыться испариной. Привычка скрывать своё тело под одеждой укоренилась столь глубоко, что состояние обнажённости мгновенно вызывает сильнейшую панику. Моё тело не должно видеть смертные. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Впервые в жизни мне нечем спрятать свою сущность... меня лишили всех моих масок.

Меня мутит, голова тяжёлая словно налитая болью, все тело ощущается каким-то не своим. Веки удаётся приподнять далеко не с первой попытки. Потолок кружится и расплывается, перед глазами стоит белёсая муть... И сыроватый, плесневелый запах темницы, едва уловимый, но, кажется, ввинчивающийся через ноздри прямо в мозг.

— А ты быстро восстанавливаешься! — в поле зрения появляется какая-то тень. — От такой дозы сонного порошка любой другой до конца десятидневья не проснулся бы.

Лица не разобрать, но голос мне не знаком. Маг? Дёргаюсь в попытке ударить его, но поднятая рука бессильно валится обратно.

— Бессмысленно. — Я не могу увидеть выражение его лица, но в голосе однозначно довольство. — Даже с учётом твоих способностей наркотик будет действовать ещё несколько дней.

Тёплые влажные пальцы касаются моего тела. От горла вниз, по груди. Застывают на животе. Содрогаюсь от омерзения.

— Как кукла... как же вы размножились? — голос его радостный и взволнованный, от чего мне только страшнее. — Никогда не думал, что мне удастся увидеть живого Звёздного! Поверить не могу! Я столь долго искал тебя! Звёздный... или Звёздная?

— Предпочитаю «Звёздный»... — во рту сухость, губы и язык почти не слушаются.

— Да? Забавно, насколько мне известно, ты с равной частотой используешь и женские и мужские имена, — он говорит быстро, немного невнятно, словно спешит поделиться чудесной новости или рассказать о том, что его всерьёз занимает. — Морион-полуэльф, Морвена-странница, Орин ас'Шенгреил, Небесная Жемчужина Айфир... Я проследил твою жизнь на несколько столетий назад. На всю, конечно, лишь самые яркие образы. Но и этого хватило. Я так долго искал... Когда я случайно увидел в церковных хрониках портрет основателя рода астае Шенгреила, я глазам своим не поверил! И сомневался, пока тебя не увидел. Черты лица, пальцы, форма черепа, манера двигаться... У тебя ведь амплитуда движений суставов шире, чем даже у эльфов! Я специально просил Лерду обратить внимание на это, чтобы не случилось ошибки. Подумать только, последний из Звёздных! Я был просто обязан тебя найти!

— Зачем? — меня бьёт крупная дрожь.

— Ради моей жизни! — истерическое возбуждение в голосе мага уже просто пугает. Чуть дрожащая ладонь вновь скользит по моей коже. В этом нет вожделения, скорее любопытство и восторг человека, получившего давно желаемую вещь. От этого, как ни странно, только гаже. — Вы настолько наполнены силой, что, с помощью Дитя Звезды можно стереть с себя все заклинания! Вернуться к истоку!

Самое страшное — я знаю, что он имеет в виду. «Почти вечная» молодость магов таит в себе ловушку. Чем старше становится чародей, тем больше сил тратится им на её поддержание. С каждым вырванным у времени годом заклинания становятся всё сложнее, изощрённее, и, в конце концов, у мага просто не остаётся сил ни на что другое.

— Убив? — перед глазами понемногу проясняется. Уже могу различить лицо мага (вполне обычное человеческое лицо, приятное даже), серые каменные стены, освещённые висящим под потолком магическим огоньком, решётку вместо одной из них.

— Нужен ритуал, — маг, кажется, слегка смущается. — Границы, чтобы собрать силу, заклятия, чтобы её удержать и не погибнуть процессе. Это сложно... требуется несколько дней для подготовки.

— Так значит... — язык не слушается. — Так значит, это вы уничтожили мой народ?

Он отдёргивает руку, словно обжёгшись.

— Маги не хотели уничтожать вас целиком. Никто не думал, что так получится. Это всегда было тайной, доступной лишь избранным. Лишь изредка, всего один или два раза в столетие, самые достойные получали право провести ритуал. Мы слишком поздно спохватились.

— Поздно... — резко вскидываю руку к горлу мага. Тут даже сил особых не надо, главное точки нужные найти.

— Не стоит, — он легко поймал меня за запястье и вернул руку обратно. — Не буду

спорить, мы очень виноваты перед вами. Даже попрошу прощения, пожалуй, от лица всех моих предшественников. Но случившегося уже не изменить и не исправить. Вас больше нет, вы просто история. Прошлое этого мира. Ты бессмысленно доживаешь свои годы, не в силах ничего поменять. И, хм, сам это понимаешь. А я потрачу твою жизнь на благое дело. Мои планы! Такой шанс выпадает лишь раз. Ещё несколько сотен лет полноценной жизни!

Как же всё это... мелко. И мерзко.

— Будьте вы прокляты.

— Зелье будет действовать ещё долго, но я на всякий случай всё же предупрежу — сбежать отсюда невозможно. Отдыхай. Мне потребуется время для подготовки ритуала.

Шаги, твёрдые и уверенные, стук захлопнувшейся двери. Я остаюсь лежать в темноте, бессмысленно глядя в потолок. Ненавижу-ненавижу-ненавижу! Так просто, ради продления своей никчёмной жизни... Твари! Отвратительные, слепые, мёртвые твари.

Редкие злые слёзы медленно скатываются из глаз, холодя виски. Так просто... так жутко.

Время растягивается ниткой сосновой смолы, опутывает незнакомое, неуклюжее тело. Пустые, безмолвные минуты сливаются в часы. А может и дни. Настоящее потеряло своё значение, расплылось, реальность то приближается, то отдаляется. Возможно, это действие зелья, а, может быть, моя реакция на правду. Не хочется ничего предпринимать. Любовь к жизни, та единственная страсть, что заставляла меня раз за разом стискивать зубы и вставать, бороться, искать выход, забилась куда-то в дальний угол разума и заснула. Безразличие. Не самое плохое чувство. Не хочется даже открывать глаза.

Слёзы кончились, а мысли отчего-то раз за разом возвращаются к Элистару. Глупо как! Наверное, это даже хорошо, что мне не удалось с ним встретиться. Я, если подумать, поступаю с ним совершенно по-свински! Лгу, использую для решения своих проблем. Втягивать эльфийского наследника в убийство мага — самое плохое, что только можно придумать, от такого скандала Ллевельдеил долго не отмоется. Но, к сожалению, в этом деле только он и может мне помочь. В семьях князей испокон веков очень хорошо учат убивать. В том числе и магов. В отличие от меня Элистар может видеть магически ловушки и магию вообще — очень старый и весьма редкий талант. Западня вроде той, что поджидала меня у избушки мага, ему не грозит. Что ж, теперь Элар сможет просто вернуться в Ллевельдеил и забыть обо всём.

...Мне многое довелось пережить за свою не самую короткую жизнь. Вести за собой народы и столетиями скрываться от чужих глаз, насаждать новые религии и воспитывать детей, убивать, спасать и влюблять в себя... С Элистаром получилось последнее, причём совершенно случайно.

Познакомились мы около пятидесяти лет назад, очень по-дурацки. Судьба тогда забросила меня в один из самых глухих уголков Гвереи, самого близкого к альянсу Астэ северного царства, в состоянии, мягко говоря, полумёртвом. Превратиться в окончательно мёртвое ему помешала местная знахарка — добрая старушка, по чистой случайности оказавшаяся неподалёку от места моего неудавшегося упокоения. Почти три месяца мне пришлось проваляться в её доме, едва шевелясь под слоями повязок и угрюмо отмалчиваясь

на вопросы об имени, происхождении и поле. За время врачевания таэс Хелива, разумеется, прекрасно изучила все особенности моей анатомии. Как ни странно, они её не особенно шокировали.

Более того, не добившись от меня сколько-нибудь вразумительных разъяснений, врачевательница с присущей людям категоричностью причислила меня к женщинам, а заодно и дала новое имя. Естественно, за долгую и богатую на события жизнь их у меня накопилось уже не меньше пары сотен, но данное ей — одно из немногих, которые я ношу с удовольствием. Морвена — "дева сумерек" по-эльфийски. Хелива дала мне его в честь кого-то, кого за долгую жизнь так и не смогла забыть.

Когда же состояние моего здоровья перестало вызывать желание добить из жалости, таэс Хелива просто предложила остаться. Время, отпущенное ей, подходило к концу, а встретить преемницу так и не довелось, вот одинокая ведунья и решила передать свои знания хоть кому-то. Пять лет, проведённых в её лесной избушке, запомнились мне одним из немногих островков покоя в моей суматошной жизни. А Хелива — прекрасным учителем, на многое открывшем мне глаза. Лечить людей после её обучения у меня получается весьма неплохо. И не только людей.

К моменту встречи с Элистаром я уже второй год бы... ла ученицей и единственной помощницей знахарки. В то памятное утро она в очередной раз послала меня в лес за травами.

Занимающаяся заря, бусинки росы на листьях, сияющие в лучах восходящего солнца, кристально-чистый ручеёк с россыпью цветных камешков на дне, и моя скромная персона, по колено в воде бредущая вверх по течению этого самого ручья — красота! Итак, иду я, напеваю что-то, на ходу сочиняемое, в одной руке корзинка, в другой — подол длинного льняного платья, и неожиданно натываюсь взглядом на совершенно обалдевшие эльфийские глаза в прибрежных зарослях. С полминуты мы так и стояли, удивлённо глядя друг на друга, затем эльф слегка покраснел и не очень вежливо поинтересовался:

— Вы — лесной дух?

— Нет, а вы? — признаться, вопрос меня озадачил.

— Нет... Я — Элистар, — эльф слегка замялся, но всё же протянул мне руку.

— Морвена.

Выбравшись, с его помощью, на берег и расправив подол (Элистар сразу приобрёл нормальную окраску), я поинтересова... лась, что его сюда занесло. Как выяснилось, он с посольством Ллевельдеила просто проезжал мимо, возвращаясь после дружественного визита к гверейскому царю. А через этот лес проходил наиболее короткий путь в их княжество. Для эльфов короткий, разумеется, человеку даже представить сложно, как быстро и какими путями эльфы ходят по лесу. Как оказалось, послы устроили привал на полянке неподалёку. А Элистар как раз набирал воду для завтрака. Выслушав в ответ мою историю (необходимый минимум разумеется), Элар пригласил меня к костру.

После завтрака и долгой разнообразной беседы (и в том и в другом моя скромная особа принимала живейшее участие), эльфы засобирались в путь. И Элистар на прощание неожиданно вручил мне то самое кольцо, служащее пропуском через границу священного леса, и предложил заезжать в гости.

Предложением пришлось воспользоваться через шесть лет, когда Хеливы давно не было на свете, а местный лорд неожиданно проявил интерес к молодой одинокой знахарке. Именно тогда мне и довелось узнать, кем именно является мой случайный знакомый, и

насколько ценна подаренная побрякушка.

Невесело улыбаюсь. Самая та тема для размышлений перед смертью. Хоть бы у Элистара всё было хорошо. Богиня, последняя просьба, можно?

Лежать одной в темноте отчего-то было страшно. Лерда поднялась с постели, поёжившись от прикосновения холодного пола к босым пяткам, и зажгла свечу. И только отложив огниво вспомнила, что могла бы сделать это магией. В последние дни она отчего-то почти совсем не пользовалась колдовством. И не испытывала из-за этого особых неудобств.

Леренва растянула цепочку, сняла с шеи кристалл, содержащий запас магической силы, повертела его в руках. Самая ценная её вещь, подаренная господином и наставником в знак принятия в ученицы, почему-то не вызвала никаких эмоций. Хотелось петь. И в дорогу. Лерда потрясла головой. Внешний мир полон равнодушия и жестокости, и она в этом убедилась собственными глазами. А в Фиолетовой Раковине её ждёт спокойная жизнь в полной безопасности. И господин Дэррик её любит. Не так, как Мори, но любит, он сам говорил! Учитель просто увлечён своим новым проектом, как уже случалось прежде. Он закончит и всё будет как раньше. Закончит. Лерда подавила дрожь. Она видела, какие приготовления проводит наставник в главной столовой. Жертвоприношение — устаревшая магическая практика, современные волшебники его используют крайне редко, только в особых случаях, даже постоянные жертвенники и ритуальные комнаты есть не у всех.

Девушка снова села на кровать, обхватила колени руками. Уже не нужные бирюзовые браслеты звенели и постукивали при каждом движении. Лерда так их и не сняла, хотя собиралась. Но почему-то то забывала, то руки не доходили, то вдруг находились неотложные дела.

Но она же хочет быть настоящим магом, всегда хотела! А жизнь Мори бессмысленна, учитель сам говорил. Он ведь живое ископаемое, осколок истории! Надо просто выбросить из головы все последние недели и всё станет правильно. Как раньше. Она же хотела жить как раньше! Постигать магию, чтобы когда-нибудь стать рядом с учителем. Мир простых людей грязен, жесток и дик, а из лишённых дара даже слуги не всегда получают. Лишённые дара примитивны и глупы, они всего лишь материал для могущественного мага. Таэс Сорана, Белка, Гренд, Этрам... Неужели господин и учитель был не прав?

Лерда вскочила и резким жестом отбросила на стол кулон. Тот упал с неожиданно громким стуком, да так и остался лежать, маленький и неважный. Может быть, дело было в освещении, но наполненный чарами аквамарин редкой чистоты почему-то показался ей тусклой стеклянной фальшивкой. Девушка выбежала из комнаты.

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем моё одиночество нарушает звук шагов. Почти не слышных, лёгких, девчоночьих. Приподнимаю веки, морщась от мёртвого света магического светильника. И почему маг его не погасил перед уходом?

В темноте по ту сторону решётки раздаётся тихий шорох. Ещё один. Затем из мрака выныривает невысокая фигурка и нерешительно останавливается возле прутьев. Блестят

отражённым светом заплаканные голубые глаза.

— Мори... — шёпотом, почти на грани слышимости.

Не устаиваю её даже поворотом головы.

— Мори! — чуть громче. — Ты меня слышишь?

— Что нужно твоему хозяину? — язык уже слушается получше. Хорошо. Хотя пить по-прежнему хочется.

— Я не от него. Я... мне нужно было с тобой поговорить.

— Говори.

— Ну, это... понимаешь, я... я не знаю с чего начать...

— Давай помогу? Начни с чего-нибудь банального. Вроде: «прости, Мори», или «я очень-очень сожалею». Я тебя, конечно же, не прощу, но разговор завяжется.

— Прости, Мори...

— Умничка! Дальше сама.

— Мори! Ну я правда сожалею! Я не хотела! То есть, хотела вначале, но потом... ты мне действительно очень нравишься. Но я же ничего не могла сделать, он же мой учитель, и он сказал, что нужно, а слова наставника — закон, а я ещё не знала, что ты...

Это уже становится смешным.

— Минутку, ты прощения просишь или оправдываешься?

— Мори! — девушка всхлипывает.

— Что «Мори»? Неужели ты ожидала, что я сейчас расплачусь и скажу, что всё в порядке, волноваться не о чем? Я не имею привычки прощать предателей и магов.

— Я не маг! Я теперь не могу быть колдуньей. То есть не хочу. Понимаешь, я поняла, что могу быть кем-то ещё. Я многому научилась у тебя... — её голос неуловимо меняется, становясь старше и серьёзнее. — Я осознала, что шла по неверному пути, и раскаиваюсь в этом. Ты даровал мне моё истинное предназначение и подлинный талант. Я твоя ученица и не могу допустить твоей смерти.

— Хм... знаешь, за всю свою жизнь у меня так до конца и не получилось понять людей. Видимо, потому что во мне почти нет Огня.

Вяло сажусь на узкой деревянной койке. А вот тело до сих пор как чужое. Мерзкое зелье! Небрежно стряхиваю с тюфяка зелёные льдинки некрупных изумрудов, поворачиваюсь к Лерде.

— Скажи, Леренва — твоё настоящее имя?

Кажется, она ожидала от меня какой-то иной реакции.

— Да.

Медленно, по стеночке подхожу к решётке, протягиваю руку между прутьями. Девушка старательно пытается смотреть не ниже моего лица. Получается плохо. Любопытство её когда-нибудь точно погубит!

— Значит так, Леренва, — прикасаюсь к её лбу кончиками пальцев. — Я, звезда Ориндэль, дитя Воды и Камня, признаю тебя своей ученицей перед Звёздами и Миром. Раздели мой Путь, и будь достойна своей дороги.

Лерда вздрагивает. А кто говорил, что будет легко?

В принципе — это не обязательно. Ученик — это отнюдь не всегда тот, кто осознает, что его обучают. А ученицей моей она стала, если уж совсем честно признать, ещё до Серого Замка. Но некоторые вещи просто нужно произносить вслух. Это тоже своего рода творение.

— Чем я могу тебе помочь? — твёрдо говорит Лерда пару мгновений спустя, едва сумев

выровнять дыхание. — Прости, ключи от камеры мне добыть не удалось — господин не оставляет их без присмотра.

— Этого и не нужно, — глубоко вдыхаю и тут же давлюсь сухим болезненным кашлем. Для пересохшего горла разговор — почти невыносимое испытание. — Лерда, ты можешь незаметно покинуть замок?

— Ну... да. Господину сейчас не до меня. — Она вдруг вытаскивает из кармана небольшую фляжку со знакомым вензелем и быстро суёт мне в руку. Отвинчиваю пробку и надолго присасываюсь к гольшку. Вода. Блаженство.

— Хорошо, тогда отправляйся в Рисн, найди там Элистара, — протягиваю обратно опустевшую флягу, мимолётно погладив вензель. Белка-Белка, до чего же ты чудесная! — Эльф, чистокровный, сереброволосый и сероглазый, должен был остановиться где-то в центре, в самой лучшей гостинице. Передай ему, что Морвена попала в беду. Расскажи всё, что знаешь о маге и его замке. Поняла?

— Морвена? — она чуть фляжку от изумления не роняет.

— Морвена, Морвена! Или ты думаешь, я только мужскими именами пользуюсь?

— Ну-у... это...

Одно хорошо, влюблённость её, если она и была, после такого гарантированно пройдёт.

— Иди, у тебя мало времени.

— Ага, — девушка нерешительно отступает, но потом снова поворачивается ко мне. —

Всё будет хорошо!

— Надеюсь.

И, когда её шаги уже затихают в темноте:

— Удачи, детёныш.

С трудом добираюсь до койки и без сил падаю на тюфяк лицом вниз. Интересно, если представить, что этой светящейся мерзости под потолком нет, удастся ли заснуть?

Удаётся, как ни странно, довольно быстро. Даже снится что-то... мутное и затягивающее, как гнилое болото.

Сознание возвращается неожиданно и сразу, словно зажёгшаяся свечка. Ясное, не затуманенное наркотиками. На миг мне даже кажется, что всё произошедшее было просто дурным сном. Впрочем, пронизывающий холод быстро избавляет меня от иллюзий.

Открываю глаза. Потолок. Магические светильники. Даже на пороге смерти этой мерзостью любоваться! Пробую пошевелиться — слабость не исчезла, тело слушается с трудом. Пытаюсь подняться, но лишь бестолково дёргаюсь — руки, ноги и шея прикованы к гладкой каменной плите металлическими обручами. Соприкасающаяся с ней кожа замёрзла до полной нечувствительности. И хорошо, потому что каменюка явно создана магией. Холод притупляет чувствительность. Неужели жертвенный алтарь? Поворачиваю голову, пытаюсь разглядеть его. Голова кажется необычно лёгкой, и кожа на ней мёрзнет, как и на всем остальном теле. Что за? Содрогнувшись от неожиданной догадки, скашиваю глаза, пытаюсь разглядеть на периферии зрения привычные чёрные локоны. Ничего. Вот Бездна! От обиды хочется плакать. Мои волосы были длинными с самого первого мига моего существования. Теперь только они и оставались последней частицей моего изначального облика.

Как ни странно, тот факт, что через несколько минут меня принесут в жертву,

расстраивает меня куда меньше испорченной причёски! С усилием загоняю внутрь истерическое хихиканье. Нервы в последнее время... впрочем, повод уважительный.

Оглядываюсь вокруг — а помещение, однако, занятое. Не думаю, что у каждого уважающего себя мага в доме есть специальная комната для жертвоприношений. Интересно, что здесь было раньше? Судя по отделке стен и потолка — то ли столовая, то ли гостиная.

— Очнулся? — в поле зрения показывается маг. Торжественный и серьёзный, полностью погружённый в главное событие своей жизни. Я закрываю глаза.

Дэррик перебирает инструменты и бормочет себе под нос. Потом моей кожи касается что-то влажное и холодное. Содрогаюсь от ужаса и омерзения. Это тоже магия, смешанная с краской, пропитавшая кисть. Зажмуриваюсь как можно плотнее, до боли, стискиваю зубы так, что челюсти начинают ныть. Я не могу. Просто не могу, это слишком. Пожалуйста, наставник, помогите мне! Нэс'саэ! Эссин! Сора! Кто-нибудь!

— Мне хотелось бы узнать о магии твоего народа. Жаль, нет времени.

О чём он? Какая разница. Я не вижу его. Меня нет.

Холодно. Так невероятно холодно... страха нет, только холод. Мой страх стал столь огромен, что переродился во что-то, что даже я не в силах осознать. Кожу дёргает странное щекочущее ощущение в тех местах, где с неё исчезают последние капли серебра.

— Начнём, пожалуй, — маг последний раз проводит кистью по моему телу, завершая узор. И словно разрывается натянутая вдоль позвоночника струна. Всё. Конец. Что-то тёмное, ледяное накатывает приливной волной, обжигает кожу изнутри, выплёскивается наружу. Невидимое и неотвратимое.

— Что... — Дэррик отшатывается, с ужасом глядя на свои начавшие волокнисто расползаться пальцы. Прах кисточки оседает на вычурном одеянии.

Иногда, очень-очень редко, случается так, что Дитя Звезды встречает на своём пути слишком много боли. Слишком много такого, что убивает красоту. И когда её совсем не остаётся, приходит холод. Изначальная боль и изначальный страх, который убивает. Неназываемый и всеразрушающий.

Проржавевшие в труху скобы рассыпаются, когда я сажусь на алтаре. Не знаю зачем, просто так кажется правильным.

Дэррик хрипит на полу. Так ничего и не понял... Это не древняя магия моего народа, колдун. Мы не касались магии. Это ужас. Боль, которую невозможно вынести.

Камень подо мной тоже начинает крошиться, но мне всё равно. Равнодушно смотрю на последние судороги мага, и так же равнодушно наблюдаю за тем, как рассыпается его труп. Я знаю, что меня ждёт та же участь. Об этом Звёздные рассказывают своим воспитанникам только раз и не дают задавать вопросов. Самая страшная, самая редкая смерть. За всю историю моего народа такое случалось всего трижды. То есть четырежды. Теперь.

По полу змеятся трещины. Мрамор прочней, чем тела смертных, но перед отчаянием Дитя Звезды не устоит и он. И хорошо, что Лерда не успела вернуться. Мне бы не хотелось, чтобы девочка погибла сейчас. Надеюсь, с ней всё будет в порядке.

Скрип двери не привлекает моего внимания. Кто-то из слуг? Не важно.

— Морве! — а вот голос я узнаю. Элистар стоит в дверях, его одежда окровавлена, в руке обнажённый, измазанный кровью меч.

Что он здесь... нет, Элар, не надо!

— Не смей! Нет!

Эльф уже бежит ко мне через зал, протягивает руку... Я не успеваю. Проклятое,

неуклюжее, почти не повинующееся тело не успевает отшатнуться, и его рука ложится на моё плечо. Даже без перчаток.

— Сама не смей, — он обнимает меня другой рукой.

Кожа к коже. Чувства к чувствам. Невероятно, но он всё ещё жив. Мгновение, второе... и из его рук проливается что-то горячее, словно живая кровь, под кожу, внутрь меня. Туда, где, казалось, навечно поселились холод и пустота.

Отдать кусочек своей души тому, в ком уже ничего не осталось, и попытаться спасти. Залить ледяное пламя. Откуда он знает об этом способе?

Никто не сохранил о таком сведений, даже эльфы. Потому что сами знания ничего не значат. Такое можно сделать только всей душой желая спасти кого-то из нас.

— Как?

Я не понимаю и понимаю, что за жидкий огонь течёт сквозь мою кожу. Странная, дурацкая, никогда по-настоящему не понятная мне любовь смертных. И я, наконец, ощущаю это чувство полностью, до конца. Это странно, непривычно, почти мучительно, но когда последние капли чужого чувства впитываются в мою кожу, приходит неясное разочарование. Словно мне не хотелось, чтобы это заканчивалось.

— Элар?..

Глаза у Элистара пугающие и какие-то пустые.

— Только молчи. Пожалуйста, — эльф равнодушно подхватывает меня на руки и направляется к выходу.

Где-то рядом мелькает испуганная мордашка Лерды, но я это отмечаю уже в полуобмороке.

Это становится дурной традицией — приходить в себя в незнакомом месте. Небольшой сухой грот, впрочем, куда симпатичнее камеры в подвале и, тем более, жертвенного алтаря. Откуда-то снаружи слышится тихий шум моря, пахнет солью и сухими водорослями. Тусклый утренний свет струится от входа. Из-под ресниц оглядываю серо-коричневые каменные стены, костёр, хлопчущую около него Лерду. Элистар молча сидит у дальней стены и смотрит в одну точку, кажется, даже не мигая. Мне страшно видеть его таким. Сажусь, неловко собрав на груди чей-то плащ. Эларов, не иначе.

— Очнулся?

— Очнулась?

Они воскликнули это одновременно. И растерянно замолчали, отведя глаза.

— Я в порядке. — Прислушиваюсь к себе. От наркотической заторможенности не осталось и следа, тело слушается вполне нормально. — Лерда, скажи, ты случайно не...

— Да, конечно, — она не дожидаясь продолжения придвигает мне какой-то свёрток. — Здесь твои вещи и несколько книг из библиотеки господина Дэррика. Записи о его опытах я сожгла, а это — тексты, написанные Звёздными. Я едва успела их забрать — поместье просто на глазах рассыпалось. Там сейчас только груда камней. Все люди разбежались.

— Спасибо, — неуверенно оглядываюсь на своих спасителей. Элар тактично отворачивается, Лерда так и вовсе выходит наружу.

Торопливо одеваясь, я всё же не могу не обратить внимания на обвившие мои руки тончайшие серебряные узоры. Начинаясь от крупных пятен на плечах они доходят до локтей

и основания шеи и, кажется, забираются на лопатки. Мне хочется плакать. В семье Элистара хранят многие знания, считавшиеся потерянными. Но мне никогда не приходило в голову, что и эти в том числе. Старая, очень старая, даже мне казавшаяся выдумкой легенда, о том, как за чужую жизнь отдают самое важное из своих чувств.

В одежде я чувствую себя увереннее. Настолько, что даже могу обратиться к неподвижно замершему эльфу.

— Прости меня.

— Теперь это уже не имеет значения. — Элистар поворачивается. Взгляд, каким он никогда не смотрел на меня. Лицо официальной маской. — И тебе не за что извиняться.

— Мне не следовало лгать тебе.

— Ты не мог... — он запинается, — ...ла иначе, я понимаю.

— Говори, как привык, — по привычке пытаюсь запустить пальцы в волосы и вздрагиваю, укол ладонь. — В языках смертных меня всё равно нельзя верно обозначить.

— Так странно. Я первый раз смотрю на тебя... непредвзято.

И именно тогда, когда я, наконец, понимаю, что ты ко мне чувствовал. Это не странно. Это больно. Мне больно от пустоты в твоих глазах, Элар! Отвожу взгляд.

— Ты станешь великим Князем, ты знаешь?

— Догадываюсь. Это ведь и было твоей целью?

Тишина повисает в воздухе, давит на уши и мысли. Я ничего не могу исправить, Элар. Да тебе это уже и не нужно.

Подтягиваю поближе к себе сумку, достаю из неё шкатулку с побрякушками. Перстень попадает сразу, словно только и ждал этого момента.

— Возьми.

Тёплый ободок легко переходит в подставленную ладонь. Эта история закончилась. Морвена-странница больше никогда не войдёт в жилище Князя.

— Я не лишаю тебя права приходить в Ллевельдеил и считаться подданной Князя.

— Спасибо. — Это несправедливо, Элистар. Я не заслуживаю такой милости. — Но я не стану. У тебя теперь свой путь.

Он помолчал.

— Куда ты теперь?

— Куда-нибудь. Мне нужно доучить Лерду. Она умная девочка. И способная. У неё будет интересная судьба.

— А потом? Ты так всё и оставишь?

Очень хороший вопрос. Как показала практика, игнорированием проблему магов не решить.

— Нет. В ближайшие десятилетия я начну уничтожать магию. Именно уничтожать, как явление. Если повезёт, чего-то добьюсь. Если нет... впрочем, ты в любом случае ещё обо мне услышишь.

Лерда у входа молчит так старательно, что мне становится неловко. Разрешаю ей вернуться, отдаю Элистару его плащ.

Про судьбу своего господина она, как ни странно, так и не спросила. То ли сама всё поняла, то ли Элар рассказал. И в последующие годы мы с ней так и не вернулись к этому вопросу, хотя мне порой и хотелось этого.

А в ту ночь мы трое до самого рассвета сидели у костра и слушали рассказ Лерены о том, как она искала Элистара и что было после. И что вообще задумывал Дэррик

Виттанийский, как оказалось, не чуждый политике человек. Потом разошлись в разные стороны. Элистар так больше и не сказал мне ни слова.

С Лердой мы расстались несколько лет спустя, как только она закончила обучение.

Оседланный Мрак ждал у обочины, в чехле у седла висела арфа эльфийской работы, ради которой Лерде пришлось в одиночку ездить к Риа в Ллевельдеил. Девушки друг другу очень понравились, так что Лерда с тех пор частый гость у Риалойны. И, могу поспорить, с её вечным бардаком она справляется куда лучше меня. Конь же за последние годы сильно привязался к Лерде, жестоко было бы их разлучать. Да не молод он уже.

— Позаботься о Мраке, ладно?

— Ладно... Я никогда тебя не забуду! — Лерда плачет навзрыд, утирая лицо рукавом яркой, сине-бело-голубой рубашки с широкими рукавами, какие носят странствующие менестрели.

— Я знаю.

Мне немного жаль тебя, девочка. Твой путь не будет лёгок, но ты пока этого не понимаешь. Ты не сразу выбрала свою дорогу, и ещё столь многого не знаешь... И всё же меня переполняет счастье. Ты нашла себя. Теперь всё будет правильно.

Беру её руку в свою, разворачиваю кверху ладошкой. Две прозрачные капли падают из моих глаз и застывают на ней искристыми зеленоватыми кристаллами. Нежно складываю девичьи пальцы.

— Возьми. Сделаешь себе серьги.

Она вдруг обнимает меня, торопливо целует в щёку.

— Спасибо тебе. За всё.

— Тебе спасибо, ученица! — В последний раз прижимаю её к себе, зарываюсь лицом в пушистые мягкие волосы. — Прощай.

Она непреклонно встряхивает отросшими косами:

— До встречи!

1 К напитку для личного гостя эльф ставит одну на двоих кружку или бокал. Поставить два — выказать неприязнь или недоверие.

Высоко в горах, там, куда не заходят даже цепкие умные барсы, а снег лежит круглый год, блистая на солнце, покоилась небольшая долина. Когда-то по ней протекала узкая горная речка, но она сотни лет назад превратилась в лёд до самого дна. Застывший водопад спускался со скалы, сверкая на солнце. Искристый лёд отражал солнечные лучи, и казалось, что застывшие струи светятся своим собственным светом, разбрасывая во все стороны лёгкие радуги. Окажись здесь маг, он пришёл бы в восторг, увидев сияние магии, разлитой в этом заповедном уголке. Магическая сила светилась в кристалликах льда, в заснеженных камнях, в самом воздухе. Чистая, яркая, звенящая... Первородная сила нетронутого Источника.

Спрыгнувший со скального уступа магом не был. Бледный худощавый человек, одетый в простую дорожную одежду, слишком лёгкую для этих мест. Даже его голова была обнажена, открывая всем ветрам короткие, иссиня-чёрные волосы и узкое лицо, на удивление слабо обожжённое морозом. Путник легко приземлился на камни, немного постоял, прислонившись к скале, и направился к водопаду. Сторонний наблюдатель, случись он неподалёку, заметил бы, что двигается человек слишком легко для того, кто несколько недель поднимался по ледникам на эту недостижимую высоту. И слишком уверенно ступает по камням и слежавшемуся снегу, явно проделывая этот путь не в первый раз.

Человек подошёл к водопаду и вдруг всем телом прижался к искристому льду, словно к самому дорогому существу.

— Здравствуй! — тихо произнёс он, смежив веки. — Прости, что долго не виделись. А я... я вот теперь знаю, почему в мире не стало Детей Звезды.

Тонкие длинные пальцы ласкающе скользнули по ледяным граням.

— Так просто, оказалось! — путник невесело усмехнулся, но усмешка быстро переродилась в жалкий, болезненный оскал. — Мне хотелось пробудить тебя после того, как найду остальных, или хотя бы узнаю, что с ними случилось. Но теперь я не знаю, как мне сохранить тебя.

Влага в уголках его глаз на морозе быстро становилась зеленоватыми льдинками.

— Сможешь ли ты выжить в этом мире?

Предыстория. Город из песка

Пролог.

Это такое странное чувство — возвращаться в страну после нескольких столетий отсутствия. Узнать, что твой старый друг собрал-таки этха в единый народ, стал фэйхом фэйхов и благополучно умер в окружении правнуков. Найти на месте дикой степи новую империю, от северного моря до мёртвой пустыни на юге, с новой, невиданной столицей, считающейся подлинным чудом и жемчужиной человеческих городов. Мне она тоже понравилась. Издалека. А вот на самих улицах Тофайны накатило и не отпускало мерзкое тревожное чувство. Этот город сделан из песка, он рассыплется, стоит только подуть ветру... Хотя, на первый взгляд, город как город. Шумный, яркий, пропитанный солнцем. Полный разноязыкой речи, громкоголосых торговцев, мрачных стражников и проходимцев всех мастей. Узкие мощёные улицы, дома из крупного кирпича цвета охры, этха в традиционного покроя одеяниях, такие же непривычные в городе, как и сама Тофайна в степи.

Слухи про столицу ходят интересные, про правящую семью — почти пугающие. Мне, собственно, и хочется выяснить, сколько правды в этих сплетнях. Поправляю заплечный мешок, чуть ускоряю шаг, легко лавируя в толпе. На мне сейчас потрёпанная, запылённая одежда чужеземного покроя, не способная ничего сказать никому из встречаемых. Кем я буду в этом городе, ещё не решено.

Это даже интересно — возвращаться куда-то с новым именем и в новой роли. Пусть в столице я первый раз, но я хорошо помню язык и обычаи этха, и сама Степь кажется мне давней знакомой. Сейчас моё имя Айфир, «чайка». Такие имена дают женщинам на крайнем юге, за Белой пустыней, у тёплого, ласкового моря. Там, где живёт яркий темнокожий народ, любвеобильный и воинственный. Там до сих пор нет магов, а Дитя Звезды среди них жило последний раз всего пятьсот лет назад.

Хорошее имя! Менять не буду, всё равно ни с кем из коренных жителей Тофайны меня не спутаешь.

Узкие шумные улицы, наконец, заканчиваются. Выхожу к озеру. И надолго застываю, любуюсь. Я не знаю, кто строил это место, но он был гением, подлинным творцом. Отражающие друг друга здания на противоположных берегах кажутся миражом, искусной иллюзией — настолько они легки и соразмерны. Даже тревожное чувство ненадолго отпускает. Удивительно, но строили всё это без применения магии, лишь из-под земли едва ощутимо тянет чем-то искажённым

Направо — Императорский дворец, налево — храм. Мне, в принципе, не слишком важно, откуда начинать. Достаяю из кошелька привезённую с юга серебряную монетку. Металлические деньги, надо же такое придумать! Подбрасываю — блестящий кружок несколько раз переворачивается в воздухе и приземляется точно в центр подставленной ладони. Стилизованный язык пламени — знак одного из правящих на юге родов. Значит, храм. Ну что ж, надеюсь, здешние жрицы будут гостеприимны.

Эйрайд.

Какое это всё же чудесное чувство — наконец-то вернуться в родной город после долгого отсутствия! В тёплую, яркую, изысканную Тофайну из диких окраинных земель! Последние несколько лет Эйро пробыл на севере и был по горло сыт тамошними варварами,

вечной сыростью, грязью и местными женщинами, слишком рослыми и грубыми, чтобы к ним можно было испытывать что-то, кроме безразличия. Когда по возвращении ему впервые встретилась девушка эта, тонкая, смуглокожая, в свободном платье, мягко обтекающую хрупкую фигурку, смущённо опустившая глаза в ответ на прямой взгляд, Эйро чуть не прослезился. Подумать только, говорят, что ещё севернее, у самых дальних границ Империи, настолько холодно, что снег не тает по полгода, а местные жители пропитываются морозом до того, что их глаза и волосы выцветают до нечеловеческой белизны!

Эйро, впрочем, и астайских провинций хватило по горло. В следующий раз, когда Императору придёт в голову искать очередную легенду в очередной занюханной дыре, по недоразумению именуемой городом, пусть отправляет другого дурня! Эйро прижмурился и позволил себе немного помечтать, как возвращается в Ашшиан с отрядом воинов и сравнивает ненавистную дыру с землёй. Хотя даже ради этого возвращаться на север он бы не стал.

Копыта коня звонко отбивали дробь по мостовой. Эйро специально выехал вперёд, чтобы ни с кем из своей охраны не делить это прекрасное чувство — возвращение домой.

Из-за поворота показалось священное озеро, и Эйро на несколько минут застыл, любуясь. По этому он тоже скучал. Идеально круглое, сводящей с ума синевы оно походило на драгоценный камень в двуцветной оправе Императорского дворца и храма Богини. Здания казались зеркальными отражениями друг друга, почему-то окрашенными в различные цвета. Высокие, непередаваемо величественные, выстроенные по одному и тому же проекту, только на фасаде дворца установлена статуя поднявшегося на дыбы леопарда — символа императорского рода, а у храма на том же месте — прекрасная женщина в одежде из лент. Эйро поднял руку, ритуально приветствуя бело-лазурный храм. Затем повернул коня к тёмной громаде дворца.

Он едва успел поставить коня в стойло, когда к нему подошёл человек в тёмно-коричневой одежде слуги и попросил следовать за ним. Эйро не удивился — привезённые им новости могли быть достаточно важны, чтобы не устраивать официальную аудиенцию и даже не ждать, пока он помоеется и переоденется с дороги. Младший племянник Императора, он был достаточно близок к правящей семье, чтобы ему поручали деликатные задания, достаточно далёк от трона, чтобы не претендовать на власть, и положением своим был вполне доволен.

Эйро быстро провели по не слишком изменившимся коридорам и залам. Разве что фресок на стенах прибавилось — когда он уезжал, этот способ украшения жилища ещё только входил в моду. Правитель встретил его в своём кабинете, где кроме него и десятка охранников в кожаных доспехах были только несколько его старших сыновей и советников, почтительно вытянувшихся вдоль стен. Император Арайяд сидел на вышитых подушках у низкого столика, заваленного какими-то бумагами. За время, что они не виделись, он неожиданно сильно сдал, длинная коса совсем поседела, лицо избородили морщины. Впрочем, взгляд чёрных узких глаз был по-прежнему мудрым и цепким. Эйро опустил на колени, коснулся лбом сложенных на полу ладоней.

— Встань, Эйрайд, сын брата, — голос правителя тоже изменился. Всё ещё оставаясь низким и сильным, оброс дребезжащими старческими нотками. — Что за вести ты принёс нам?

— Добрые вести, — Эйро поднялся на ноги. — По вашему приказу я жил на севере, и

все эти годы неустанно искал там людей, наделённых волшебным даром. Они есть, как и во многих местах. Но, несмотря на тщательные поиски, я не нашёл в северных провинциях ни Магических Источников, ни каких-либо сообществ магов.

— Быть может, ты был недостаточно усерден в поисках?

Эйро вынул из рукава заранее приготовленный пухлый свиток.

— Здесь все свидетельства и доказательства. Нигде в северных провинциях нет ни Источника, ни всерьёз владеющих волшебством людей, я могу в этом поклясться.

Присутствующие еле заметно расслабились. На территории Зайнерийской Империи серьёзная магия была прерогативой исключительно правящей семьи. Каждый слух о том, что где-то появился человек, чьи знания шли дальше ярмарочных фокусов и простого целительства, а, тем более, организованная группа таких людей, тщательно расследовался.

— Хорошо, — император опустил веки. — Ты славно потрудился, сын брата. И будешь награждён. Ступай же.

В коридоре его нагнал невесть как ускользнувший от отца Райед — старый товарищ по детским играм и юношеским выходкам. За то время, что они не виделись, он как будто ещё вырос и раздался в плечах, к тому же обзавёлся щёгольской узкой бородкой.

— Эйро! Наконец-то вернулся! — Райед хотел было обнять приятеля, но, взглянув на его пропылённую одежду, передумал и ограничился рукопожатием. — Здесь без тебя совершенно не с кем поговорить!

Один из принцев, сын Арайяда от старшей жены, выглядел и вёл себя как легкомысленный мальчишка, не смотря на то, что уже достиг двадцати четырёх лет. Эйро, знавший его с детства, внешней легкомысленностью не обманывался, Райед был одним из самых умных и опасных претендентов на отцовский трон.

— Райо! — Эйро широко улыбнулся, глядя на приятеля чуть снизу вверх. — Ну как ты, какие новости?

— Я тебе этот самый вопрос хотел задать. Тут у нас такое, что в двух словах не расскажешь. Тебя в твоих старых комнатах разместили? Хотя, что я спрашиваю, наверняка в них. Тогда жди вечером в гости.

Приятели неторопливо направились вдоль по коридору.

— Пару девиц заодно прихвати. Я на севере без них чуть умом не тронулся.

— Неужели северянки настолько страшные? — усмехнулся принц.

— Ты даже представить себе не можешь! — Эйро содрогнулся. — Да они выше тебя! Не удивлюсь, если тамошние женщины и бороды тайком сбривают.

— Кстати, о девицах. В храме новая жрица появилась, ты глазам своим не поверишь...

— Отец так и не назвал наследника, — Райо отхлебнул вина. Покачал в руке золотой, украшенный эмалью кубок, из-под его пальцев начала расползаться серебристая изморозь. Он отхлебнул ещё раз и удовлетворённо улыбнулся. Эйро просто добавил в свой кубок лёд.

Парни сидели на ковре у низкого столика, заставленного бутылками и блюдами с закусками, за окном стремительно догорал закат. Эйро уже успел отдохнуть с дороги и привести себя в порядок, и даже визит родным нанёс. Очень краткий — скоро должна была состояться свадьба одной из его сестёр, и матушке было совершенно некогда. Так что ему достались лишь быстрые объятия, приглашение на торжество (главой семьи, отдающим невесту, выступал старший брат, но ещё один мужчина лишним точно не был бы) и пара

минут торопливого пересказа новостей вперемешку с распоряжениями слугам. Впрочем, госпожа Граайя дала слово, что сразу после свадьбы подробно расспросит его о жизни среди варваров, и Эйро, зная нрав матери, заранее ёжился.

Обещанные девицы должны были прийти не раньше ночи, а пока приятели просто пили и делились новостями. Эйро свои уже рассказал, Райо же ещё не дошёл и до середины. В Тофайне и правда многое поменялось.

— Он утверждает, что назовёт его на смертном одре. Но среди принцев уже сейчас грызня, словно на псарне. Нашли время! И так в провинциях беспокойно, и с каждым годом всё хуже.

Братьев у Райеда было семь, из них пятеро были достаточно взрослыми и влиятельными, чтобы побороться за трон.

— Неужели он не понимает, чем это может кончиться? — ужаснулся Эйро.

— Понимает, — принц сокрушённо покачал головой, короткая тёмно-каштановая коса мотнулась по плечам. — Ему всё равно.

С престолонаследием в императорском роду всегда было сложно. По традиции предков за отцом наследовал тот из сыновей, которого выберет он сам, вне зависимости от старшинства. Остальных Император рассылал по провинциям наместниками сразу, как только определялся с преемником. Но все сыновья правителей Зайнерии были магами, а значит арсенал способов повлиять на ситуацию у них был куда больше, чем у сыновей какого-нибудь простого фэйха. Как подозревал Эйро, именно это и случилось шесть лет назад, когда первый и самый любимый сын императора исчез при невыясненных обстоятельствах. Доказать, что к этому причастен кто-то из принцев, не смогли, но также не смогли доказать и обратного. С того дня для императора перестали существовать все его сыновья, даже самые младшие.

Эйро от этих событий старался держаться как можно дальше. Всё равно для него, как для представителя побочной ветви, волшебство и, следовательно, трон были под строжайшим запретом — правители не терпели соперников.

— Давай не будем о грустном. Так что там за новая жрица, о которой ты рассказать хотел?

— О! — глаза принца загорелись. — Не поверишь, полуэльфийка! Четыре года назад в храме появилась, ещё до твоего отъезда. Тогда никто внимания не обратил. А она за год с небольшим до высших ступеней посвящения дошла. Её уже в следующие Верховные прочат.

— Неужели и вправду так хороша? — удивился Эйро.

— Не просто хороша, гениальна! Её уже лучшей после Богини называют, а певцы и сказители прославляют почём зря. Да ты сам увидишь — скоро полнолуние, будет праздник. Айфир его открывает.

Эйро уважительно приподнял брови — открывала празднество самая умелая из жриц, он ни разу не слышал, чтобы это доверяли девушке, проживший в храме меньше десяти лет.

— А до этого никак? — удивился он. Жрицы Богини Неба порой были весьма не прочь пообщаться с достаточно богатыми и влиятельными кавалерами, хотя официально подобные вольности им строжайше запрещались.

— Увы, она, похоже, всерьёз относится к своим обетам.

— Понятно. А после танца кого-то избирает?

Официально жрицам не разрешалось заводить любовников. Но каждая, танцевавшая для Богини, могла подарить остаток ночи мужчине по своему выбору.

— Крайне редко, — принц сокрушённо опустил голову. — И никто не может понять, чем она при этом руководствуется.

Эйро понял, что другу честь быть избранным не улыбнулась ни разу.

— А потом на охоту с кречетами съездим, — с чуть натужной бодростью продолжил принц. — Ты в той дыре наверняка уже забыл, что такое хорошая охота!

Каждое полнолуние жрицы восхваляют Богиню Неба. Весной бывает Великое Первое полнолуние — главное из всех, торжество всей империи, но просто полнолуние — праздник скорее семейный, повод оставить заботы и насладиться ночью. Традиционно он проводится под открытым небом, но в храме, где его праздновал император с семьёй, для этого был выстроен специальный зал со стеклянной, магически созданной крышей. Все мужчины правящего рода сидели на коврах перед заставленными угощением скатертями и смиренно ждали начала празднества, вполголоса переговариваясь между собой. Из стоящих у стен курильниц поднимались тонкие струйки сладко пахнущего дыма, от которого слегка шумело в висках, и обострялись чувства. Созданные сыновьями императора волшебные огоньки парили в воздухе, освещая лица серебристым светом. Сам Арайяд сидел на возвышении, на шкуре леопарда, и с отсутствующим видом и переводил взгляд с одного лица на другое. Эйро на мгновение встретился с ним глазами и поёжился. Рядом с правителем, ровно на той же высоте сидела Верховная жрица, невысокая грузная женщина, переставшая танцевать для Богини ещё до рождения Эйро. Она что-то сказала императору, покосившись на старшего из принцев, тот молча кивнул.

Эйро не был на родине несколько лет и не мог не заметить, как изменились отношения в семье. Нет, внешне всё осталось по-прежнему, но атмосфера ощутимо сгустилась. Он насчитал минимум пять фракций, на которые разделилась многочисленная императорская родня. Залэй, старший сын, хмур и сосредоточен, рядом с ним его дядя и муж сестры, шушукаются о чём-то, косясь по сторонам. Следующие — пара вторых по старшинству близнецов, демонстративно пришли в лёгких доспехах. Айред-книжник, сын от второй жены и его младшие братья сбились тесной группкой, кроме Шайята, младшего из совершеннолетних принцев, отодвинувшегося от них как можно дальше, к родичам матери. Райед, наоборот, демонстративно сел с младшей побочной роднёй. Эйро переводил взгляд с одного лица на другое, машинально прикидывая шансы, отношения и перспективы. Так что даже момент когда зазвучала ритуальная музыка пропустил.

Жрица выскользнула откуда-то из-за спин сидящих, грациозно выступила на середину круга. Не красавица — успел понять Эйро. Худая, узкобёдрая, с неразвитой грудью — встретив такую на улице, он бы и не взглянул на неё второй раз. Разве что волосы красивые — длинные чёрные, как ночь, косы, унизанные драгоценными кольцами. И действительно полукровка, надо же. А потом девушка начала танец, и мысли потеряли своё значение. Потеряло значение всё, кроме неё. Она не танцевала, она творила красоту, текла, извивалась, завораживала... Взлетали в воздух ленты наряда, звенели украшения, добавляя к ритуальной музыке свою мелодию. Сердце билось в такт с барабанным ритмом, взгляд притягивался к грациозной девушке в окружении трепещущего шёлка, как волосок к янтарию. В танце она становилась чем-то большим, чем человек, большим, чем жрица, воплощением Богини, быть может.

— Она прекрасна.... — хрипло прошептал рядом принц.

Эйро хотел было ответить, но понял, что не справится с дыханием, да и не было слов, чтобы описать то, чем являлась она.

Потом к ней присоединились другие жрицы, но Эйро всё равно следил только за ней, чувствуя даже не желание — преклонение перед красотой.

Когда религиозная мистерия сменилась обычным празднеством, жрицы смешались с гостями и присоединились к пиру. Айфир тоже была среди них. Эйро слегка удивился, когда она неслышно подошла и устроилась на подушках рядом с ним, разметав по полу ленты юбки и перевитые золотом косы. Коротко поздоровалась, взяла со скатерти кусок лепёшки.

Он порадовался, что может спокойно рассмотреть прекраснейшую из женщин Зайнерии. Она была одета в золотое и ярко-зелёное: короткий, открывающий живот жилет, расшитый золотыми нитями, и длинная юбка из тонких шёлковых лент. Эйро не был силён в жреческой символике и никак не мог вспомнить, что означает зелёный. Золотой — точно посвящение солнцу, высокий ранг и, кажется, право носить его получают только самые искусные танцовщицы. Множество украшений не выглядело безвкусно только на жрицах Неба. Браслеты на руках и ногах, вплетённые в волосы безделушки, серьги в самых неожиданных местах. Эйро с трудом оторвал взгляд от тонкой цепочки, идущей от носа к мочке уха жрицы, и обратил внимание на её лицо. Удивительно красивое и соразмерное, явно говорящее об эльфийском происхождении. Очень светлая кожа, небольшой рот, аккуратный носик, огромные зелёные глаза. Жрица заметила его интерес и вопросительно приподняла бровь.

— Мы не представлены друг другу? — голос у неё оказался негромким и чуть низковатым для женщины. — Я не видела вас раньше на праздниках.

— Эйраяд — мой кузен. Только позавчера приехал в столицу, — вмешался Райед. — Он несколько лет жил среди северных варваров.

— Неужели? — улыбнулась девушка и взяла в руку кубок с вином, сделала глоток. — В таком случае позвольте поздравить вас с возвращением домой.

— Благодарю вас, госпожа.

— Просто Айфир. И как вам показались северные земли? — с интересом спросила жрица, отломив ещё кусочек лепёшки. Ела она очень изящно, взгляд невольно задерживался на слишком длинных для человеческой женщины пальцах, расписанных затейливым золотистым узором.

— Холод, варварство и дикость, — честно признался Эйро. — Ашшиан, хоть и считается столицей провинции, в подмётки не годится Тофайне.

— Это приятно слышать любому жителю столицы.

— Вы сегодня превзошли сами себя, — вновь заговорил принц, обращаясь к жрице. — Уверен, не пройдёт и нескольких лет, как вы станете новой Верховной.

— Я пока не собираюсь отказываться от танца. — Айфир смотрела мимо Райеда, на Эйро и от столь пристального внимания тому становилось всё неудобнее. Тяжёлый, оценивающий, совсем не подходящий красивой девушке взгляд.

Эйро только сейчас заметил, что плотно прилегающее к точёной шее ожерелье из чёрного жемчуга — на самом деле не совсем ожерелье. Каждая жемчужина была приколата к коже, из-под одной из них стекала тоненькая струйка крови. Ожерелье служения — знак завершивших обучение жриц. Жемчуг в Зайнерии был редкой драгоценностью, доступной

только служительницам Богини Неба. Каждая бусина — танец Полнолуния, зримое подтверждение несравненного мастерства. Змейка приколотых прямо к коже подвесок с жемчужинами обвивала высокую шею девушки, и последнее украшение аккуратно завершало ряд. Собрав два ряда, жрица могла претендовать на место Верховной, когда перестанет танцевать для Неё. Удержать мастерство настолько, чтобы собрать три, не удавалось ещё никому. Впрочем, у Айфир были шансы — полукровки стареют медленнее.

— Вы правы, ваше искусство должно радовать взгляды, — продолжал рассыпать лесть принц.

— Я живу, чтобы прославлять Её и во всём следую Её заповедями, — холодно улыbnулась девушка. — Взгляды людей не столь важны, как взгляд Богини.

Затем она провела пальцем по коже, снимая загустевшую каплю крови, и опустила его в кубок с вином. Лукаво усмехнулась и протянула кубок Эйро.

— Примите же, Эйрайд.

Растерянный Эйро пригубил вино, кожей чувствуя полный ярости взгляд принца.

Айфир взяла его за руку и увлекла за собой, прочь из круга пирующих, в глубину храма. Прочие жрицы ещё явно не определились с выбором (а, скорее, пользовались случаем, чтобы подольше отдохнуть и пообщаться с мужчинами), так что в высокие внутренние двери из драгоценного линнового дерева они вошли только вдвоём.

Единственный мужчина, которому дозволено бывать в Храме дальше зала для празднеств — тот, кого выбирает танцевавшая жрица. Эйро не знал, горд ли он оказанной честью или озадачен. Его только что серьёзно рассорили с Райедом и, возможно, лишили главной поддержки при дворе. Вряд ли случайно, он терпеть не мог все эти женские игры в вызывание ревности. С другой стороны — он проследил взглядом, как колышутся одеяния девушки, открывая стройные бёдра — по крайней мере, он получит удовольствие и в кой-то веке в чём-то опередит Райо. Овладеть лучшей жрицей Тофайны, а то и всей Империи... интересно, на что это похоже?

Внутренние помещения храма казались сплошным лабиринтом. Айфир уверенно повела Эйро по полутёмным, пустынным коридорам, освещённым редкими факелами. Пару раз ему слышался скрип двери и чудился чей-то любопытный взгляд, но не мог поручиться, что это не игра его воображения. Девушка толкнула неотличимую от прочих дверь.

— Будьте моим гостем до рассвета, Эйрайд, — серьёзно произнесла она, переступая порог.

— Это честь и счастье для меня, Айфир, Небесная Дева, — он ни разу ещё не проводил ночи со жрицей, но ритуальные слова, как и всякий зайнериец, знал с подросткового возраста. Жрица молча зажгла свечу.

Комната Айфир оказалась небольшой, скромно, но со вкусом обставленной. Странно, что самая высокопоставленная из танцующих жриц не завела у себя обстановку подороже. Впрочем, Эйро, как и всякий мужчина, мало что знал о порядках в храме, быть может, им это запрещено. Низкое широкое ложе под окном, застеленное пёстрым шерстяным покрывалом, у стены пара покрытых резьбой кресел, расписная ширма в углу, в другом — столик с притираниями и шкатулками, рядом с ним большой сундук. Девушка кивнула гостю на одно из кресел. Затем грациозным движением уселась ему на колени, обдав запахом жасминового масла и свежего пота, коротко звякнули многочисленные серьги. Кожа у неё оказалась мягкой и нежной, как цветочные лепестки, выкрашенные золотой краской губы

приблизились к его губам. Эйро прижал к себе гибкое горячее тело и почувствовал, как в шею ему упирается лезвие ритуального ножа, одного из тех, что жрицы традиционно носят у лодыжек.

— А теперь рассказывай, — жёстко произнесла девушка. — Давно ты служишь ашшианским магам?

— Я не понимаю, о чём ты, — дрогнувшим голосом ответил Эйро. От женщины этха, даже от жрицы он такого ожидать просто не мог.

— Не ври! — из-под ножа скатилась капля крови, зашекотала горло. Айфир пристально смотрела ему в глаза, и выносить этот взгляд было всё труднее. Человек с такими глазами убьёт, применит пытки, но добьётся того, чего хочет. Мужчина с удивлением осознал, что боится. — Я знаю, что они тебя купили.

— Откуда... — Эйро оборвал себя. — Кто сказал тебе такое?

— Я знаю об Ашшианском совете магов. — Девушка в его предательстве явно не сомневалась. — И я точно знаю, что его представители неоднократно виделись с тобой в трактире «Серая Сойка», и даже приглашали тебя к себе. Отвечай, когда они тебя купили? Неужели сразу же, как ты приехал в город?

— Нет, — во взгляде зелёных глаз мелькнуло торжество, нож прижался ещё плотнее. — Год назад.

— Что тебе поручено? Говори!

— Просто узнать... — шею жгло огнём, жрица ещё немного надавила на нож, и порез стал глубже. — Узнать тайну императорской семьи!

— Можно было догадаться. И что же тебе пообещали за помощь? Впрочем, дай угадаю. Магию?

Эйро отвёл глаза.

Общеизвестно, что способности к магии не наследуются, не пробуждаются искусственно и возникают спонтанно, порой уже в немолодом возрасте. В древности эту проблему пытались исследовать, было написано несколько трактатов, но никто так и не понял, почему некоторые люди после самых разных событий в жизни начинают управлять магической стихией.

Так было, пока один из правителей Зайнерии не сделал магом своего сына, а тот своих сыновей. Уже сотню лет любопытные бились над вопросом, как именно в правящей семье этого добиваются, но ответ знал только император и, скорее всего, несколько его ближайших сподвижников. Эйро и сам когда-то расспрашивал отца, а потом Райеда, что именно с ними сделали, но те вспомнить не могли или не хотели, и старались перевести разговор.

Когда на посланника императора вышел Ашшианский совет магов, первое, что они предложили ему, это помочь в обретении способностей, как только поймут, как это делается. И Эйрайд не стал долго колебаться.

— Умно, — Айфир о чём-то задумалась, Впрочем, не прекращая прижимать к его шее лезвие.

— А кому служишь ты? — решил на вопрос Эйро. Жрицы в Зайнерии всегда стояли наособицу, приказывать им не мог даже император.

— Себе, — девушка зло оскалилась. — Мне тоже давно интересна тайна императорской семьи. И не слишком интересны соперники.

— Понимаю, — Эйро действительно понимал. Среди полукровок маги почему-то

встречались чаще прочих. Ей не иметь дара было, должно быть, так же обидно, как и ему. — Если ты меня убьёшь, как объяснишь это моей семье?

— Скажу, что ты был груб со мной и напал первым. Жрицам дозволяется проливать чужую кровь. — Айфир пожалала плечами. — Принц мне поверит.

— Возможно. Но, быть может, мы сможем друг другу помочь? У меня есть способы вынудить нужную информацию при помощи ашшианской магии, ты же лучше меня разбираешься в том, что здесь творится.

— Возможно, — осторожно ответила жрица, чуть отодвинув руку с кинжалом. Эйро счёл это хорошим знаком.

Из храма они вышли рука об руку, задолго до конца ночи. В небе сияла круглая, как монета, луна, озаряя всё вокруг белым холодным светом, её отражение в воде чуть колебалось от ветра. Императорский дворец темнел на другом берегу, удивительно тихий в праздничную ночь. Лишь раз в месяц Богиня полностью поворачивает лик к своим чадам, и почтительные дети должны благодарить её за это, празднуя и веселясь, а жрицы — служить ей танцами.

Айфир подняла узкую ладонь, приветствуя луну, и направилась вдоль озера, крепко держа спутника за руку. Белый рассеянный свет превращал её кожу в сияющее серебро, узкие ленты юбки трепетали от ветра. Город шумел и светился огнями, издали доносились обрывки музыки, но у воды не было ни одной живой души.

Жрица казалась полностью погружённой в свои мысли. Эйро попробовал было завести светскую беседу, но девушка отвечала односложно и невпопад, и разговор увял сам собой. Важные вещи они обсудили ещё в её покоях. Айфир так и не подарила Эйро своей благосклонности, но сейчас он был этому скорее рад — воспоминание о холодном лезвии у горла всё ещё заставляло его ёжиться. Женщина, способная без особых эмоций перерезать человеку горло, вызывала у Эйро что угодно, кроме вожделения.

У озера Айфир отстала. Кивком попрощалась, села на край набережной, подобрав под себя ноги, и уставилась в небо. Когда Эйро обернулся у самого дворца, она всё ещё сидела на том же месте. Неподвижно, словно статуя.

С Райедом они не виделись с самого празднования. Эйро благоразумно не стал искать общества принца, сделав вид, что забыл о совместной охоте. Вместо этого он воспользовался освободившимся временем, чтобы просто отдохнуть и пообщаться с родными. Не слишком много, разумеется — госпожа Граайя, на людях являясь образцом скромной и тихой зайнерийской жены, семью держала железной хваткой. Все её дети были абсолютно уверены, что отец сгинул во время бунта в северных провинциях по собственной воле, лишь бы не возвращаться домой.

Неделю спустя, ранним утром Эйро столкнулся с Райедом на выходе из своих комнат. Тот молча вошёл, запер дверь и только после этого взглянул Эйро в лицо. Принц был бледен и растрёпан, волосы на висках слиплись от пота.

— На Лайна покушались! — выдохнул он вместо приветствия.

— Что?! — Эйро за руку отвёл его вглубь комнаты. Нашёл под столом оставшуюся с посиделок бутылку вина, откупорил и почти силой впихнул в руки Райеда до краёв

наполненную пиалу. Тот выпил его залпом и почти осел на циновку.

— А теперь рассказывай подробно. — Эйро устроился рядом и долил ему вина.

— В его покоях была установлена магическая ловушка. — Вторую чашу принцпил медленнее. — Распылила какой-то яд, как только он вернулся от любовницы, перед самым рассветом. Его нашла служанка.

— Он выжил?

— Да, но без сознания. С ним сейчас Лайян, пытается исцелить.

Эйро кивнул. Близость между принцами-близнецами прочим членам семьи казалась почти неприличной. Они ещё в детстве разрешили друг другу колдовать на себя, так что теперь могли — теоретически, разумеется — в любой момент сотворить друг с другом всё что угодно, даже убить. Ну или исцелить, не дожидаясь, пока пострадавший придёт в сознание.

— Отец допросил всех принцев, — Райед поёжился. Эйро тоже: Арайяд в гневе — не то, с чем хочется иметь дело. — Никто не признался. Охрана сейчас обыскивает наши покои, потом, скорее всего, примутся перерывать дворец.

Эйраяд ощутил, как по спине пробежал неприятный холодок. Некоторые вещи, привезённые им из Ашшиана, определённо не стоило видеть посторонним.

— Ещё скажи, что каждый может доказать, что во время покушения был где-то ещё, — усмехнулся он, мысленно прикидывая, куда спрятать подарки ашшианских магов.

— Как раз наоборот. Один Залэй точно был с женой, но она клялась ему в верности, так что может быть под заклятьем забвения.

Эйро кивнул — далеко не каждая жена мага соглашалась принести мужу клятву верности, давая тем самым возможность воздействовать магией непосредственно на неё. В последние годы поговаривали, что это стоит ввести в обычай, но пока не слишком часто.

— У остальных — даже такого нет. Я так вообще спал! Один. — Райед невесело усмехнулся.

— По крайней мере мы можем утверждать, что близнецы тут не при чём, — попытался ободрить его Эйро.

— Возможно, — Принц достаточно пришёл в себя, чтобы начать размышлять. — А, быть может, как раз наоборот — они, и теперь отводят от себя подозрения. Но наследника отец после такого точно не назовёт.

Эйраяд не нашёл, что ответить. Райед тоже немного помолчал, погрузившись в размышления, потом очнулся, взглянул на приятеля со смесью смущения и злости и заторопился уходить, явно устыдившись своей паники.

Сразу после его ухода Эйро метнулся к стоящему в углу сундуку и вытащил из-под одежды свёрток из тёмной ткани. Несколько минут задумчиво бродил по своему жилищу, ища подходящее для тайника место. Всего две комнаты, в которых за время его отсутствия перестелили полы, уничтожив удобно приподнимающиеся доски, не так уж много мебели... Решившись, наконец, он открыл окно спальни, приподнялся на цыпочки и вложил свёрток в дыру на место давным-давно выскочившего камня над козырьком, которую, хвала Богине, так и не сподобились заделать.

Обстановка во дворце оставалась напряжённой весь день. Слуги шмыгали тенями, стараясь не попадаться никому на глаза, высокородные обитатели предпочитали затвориться в своих покоях и там, вдали от посторонних глаз, вдоволь обсудить неожиданное

происшествие. Благо, из дворца всё равно никого не выпускали. Стража осмотрела все углы и допросила всех жителей, но ничего предосудительного так и не нашла, что только подогрела всеобщее тревожное ожидание. К вечеру по дворцу шёпотом распространилась весть, что принц Лайн будет жить.

Эйро разбудил стук в дверь. «Райед!» — понял он, подорвавшись с постели, затеплил свечу, торопливо отпер замок и так и застыл на пороге. Айфир бесцеремонно прошла мимо него, с любопытством огляделась и направилась в спальню.

— Я вообще-то спал! — Эйро задвинул засов и поспешил следом.

— В таком случае ты редкий счастливчик, — девушка уселась на подушки прямо под окном, подставив лицо звёздному свету.

— Ты как сюда попала? — мужчина остался стоять, нависая над ней, что жрицу нисколько не беспокоило.

Жрица Богини в его спальне, ночью. Вся ситуация до смешного походила на непристойные мечты, которыми мучается каждый юнец, пока не найдёт себе женщину. Сейчас ещё скажет что-нибудь в духе «Я пришла на твой зов» и грациозно расстегнёт жилет...

Айфир вместо этого молча опёрлась спиной о стоящий рядом сундук и грациозно закинула длинные ноги на ближайшую стену. Как ни странно, в этом движении не было ни капли соблазнительности, только смертельная усталость. Ленты юбки (Эйро вновь задумался, что же означает зелёный) разметались по полу, словно диковинные побего.

— Свои секреты, — девушка расслабленно прикрыла глаза. — А теперь рассказывай, что тут у вас творится? По городу слухи ходят один другого страшнее, Верховная с утра во дворец отправилась и не вернулась до сих пор.

Самое неприятное то, что Эйро не мог ничего с ней сделать. Жрицы были равны мужчинам, жрицы высших ступеней — даже магам правящей семьи. И если простую девку он бы мог вышвырнуть из своей комнаты за волосы, а на обычную жрицу пожаловаться Райеду, то эта быланеприкосновенна.

Эйро тяжело вздохнул и принялся рассказывать.

— Понятно, — Айфир поморщилась. — Император это просто так не оставит. Как ты думаешь, кто из них убийца?

— Убийца? — Эйро не сообразил спросонья. — А, ты о старшем принце. Тоже считаешь, что его убили?

— Покажи мне того, кто так не считает! Даже император уверен, что он мёртв, пусть и утверждает, что не называет наследника потому, что ждёт возвращения сына, — она откинула голову назад и тяжело, утомлённо вздохнула.

— И у кого в гостях ты так вымоталась? — не удержался от шпильки Эйро. Сегодня, насколько он знал, в храме не проводилось никаких церемоний, после которых служительницы частенько падали без чувств от усталости.

— С ученицами занималась, — Айфир улыбнулась не открывая глаз. — Замечательные девочки, очень способные.

— Превзойдут тебя? — вновь попытался задеть её Эйро.

— Здесь — вряд ли, — улыбка жрицы увяла. — Здесь слишком давно слишком много магии. Весь город — сплошные дыры, как молью поеденный. Пустота, которую штопаешь-штопаешь, а она только расползается сильнее.

— Ты о чём? — не понял Эйрайд.

— Когда ты в последний раз видел здесь искреннюю любовь? Или дружбу? Честь? Когда кто-то из твоих знакомых создавал что-то новое?

Жрица определённо переутомилась. Или перед приходом к нему чересчур надышалась храмовых благовоний.

— Ты пить не хочешь? — осторожно спросил её Эйро.

— Воды, — Айфир даже сникла слегка. — И поговорим о деле.

В её голосе знакомо звякнул металл и Эйро внутренне поёжился. Как Райед ухитрился влюбиться в подобную женщину, он уже решительно не понимал. Он налил гостю воды и сел рядом, скрестив ноги.

— Думаешь, тогда и сейчас, это был один и тот же человек?

— Не уверена, но почему бы и нет? Тут нужен кто-то достаточно беспринципный и ловкий.

— Айред не подойдёт — он кроме своих книг мало что замечает, — задумчиво отозвался Эйро, — И Залэй — он старший и самый влиятельный, если император не назначит наследника, его позиция и так прочнее всех.

— Залэй император терпеть не может уже давно, — отозвалась Айфир. — Поговаривают, даже как-то вслух сказал, что ни за что не назовёт его наследником. А Айред в последнее время собирает вокруг себя братьев и подозрительно сильно печётся о своей безопасности. И Шайят его сторонится... Кроме того, среди принцев Айред самый искусный маг.

— А самый сильный — Залэй. И ещё близнецы, пожалуй.

— Райеда не забывай, в последнее время он здорово продвинулся в волшебстве.

— Надо же! — Эйро приподнял брови — принц ему такое не говорил.

— К чему гадать, если у тебя есть способ узнать правду? — Айфир безошибочно взглянула на верхний правый угол окна.

Эйро прошиб холодный пот. Она не могла знать, куда он спрятал свёрток, он вообще не говорил ей, что именно ему подарили.

— Не сейчас, — твёрдо ответил он. — И вообще, тебе пора.

После её ухода Эйро несколько минут сидел, собираясь с мыслями. Затем вытащил из тайника свёрток и осторожно развернул. Эйраяд вырос в семье, известной своими колдовскими способностями, но магические предметы всегда вызывали у него трепет. Запретное, но не менее желанное искусство.

Под слоями плотной мягкой ткани оказалось тускло светящееся серебристое зеркало и простой витой браслет с крупным аметистом. Браслет он надел на запястье, спрятав под рукавом, затем осторожно взял в руки зеркальце, погладил простую рамку из матового, покрытого резным узором серебра. Редкий, очень сложный в создании артефакт, позволяющий шпионить за людьми. В Тофайне таких ещё не придумали, это было недавнее открытие кого-то из ашшианцев. Особенно ценное тем, что быть магом для его использования было вовсе не обязательно. Эйро достал нож и с величайшей аккуратностью нанёс на рамку несколько новых чёрточек, порезал палец и уронил каплю крови в центр отполированной поверхности. Та чуть дрогнула и вновь стала абсолютно чистой. Как ему объяснили — основным неудобством таких предметов было то, что следить через них можно было только за теми, кто находится не дальше трёхсот шагов и для этого нужна свежая кровь того, за кем следишь, на худой конец его достаточно близкого родственника. Он задумался, с

кого бы начать.

Эйро, и правда, был, должно быть, одним из немногих во дворце, кому сегодня удалось заснуть. А уж принцы наверняка все как один мучаются бессонницей. Интересно, а что делает Арайяд?

В покоях императора было очень светло. Правитель и Верховная жрица сидели друг напротив друга, пили чай и чинно что-то обсуждали. Невысокая жрица сидя казалась совсем маленькой, совершенно белые волосы окутывали её тонкой паутиной. Они с императором были в чём-то очень похожи, не смотря на то, что он куда моложе. Эйро только сейчас понял, насколько Арайяд выглядит старше своих лет. Он прислушался.

— Как долго ещё? — Верховная спросила это очень тихо и как-то печально.

— Не знаю. И лекари не знают. Так не вовремя... — в голосе императора не слышалось особых эмоций, но жрица всё равно утешающе накрыла его руку своей.

— Ты уверен, что не хочешь всё же назвать наследника?

— Я хочу узнать, кто из них это сделал, Иния. Время ещё есть.

Очень хотелось послушать ещё, но Эйро удержался. Маги предупредили его, что опытный волшебник замечает слежку через несколько минут. Он невольно задумался о том, как бы было просто узнать секрет, если бы у императора были сыновья подходящего возраста. Просто следить за ребёнком, пока загадка не разрешится — что может быть легче? К несчастью, маленькие дети были только у старших принцев, а ситуация при дворе спутала ему все планы. Он коснулся рамки зеркала и постарался подумать о Залэе. Тот сидел на краю постели и читал какое-то письмо. Его жена, тихая, маленькая женщина с собачьим взглядом сосредоточенно расчёсывала ему волосы. Ничего интересного, дальше. Лайян дремал, сидя у постели брата, Лайна почти не было видно под коконом серебристо-синей исцеляющей энергии. Айред...

Эйро вызвал на поверхности зеркала образ принца-книжника и замер, поражённый. Айред был не в своих покоях. Вокруг него виднелась небольшая круглая пещера, в центре которой мягко светился огромный кристаллический сросток. Источник Магии! Самое главное и тщательно хранимое сокровище правящей семьи. В детстве Эйро отчаянно мечтал его увидеть.

— ...Тофайна стоит на магии, — Айред стоял на коленях и добавлял к окружающим источник магическим чертежам какие-то символы мелом. — Древние маги сначала начертили на земле магический узор и запитали его от источника, создав озеро и некоторые другие вещи, и только потом разрешили строить город. Магия приносит вовремя дождевые тучи, магия не даёт пересохнуть озеру и колодцам, магия не позволяет гибнуть урожаем на полях вокруг города. Можешь вообразить, что будет, если это разрушить?

— Ты действительно способен на такое? — в звонком голосе Шайята почти ужас. Он стоит поодаль, за спиной старшего брата, и расширенными глазами смотрит на чертёж.

— Если понадобится, — Айред помолчал. — Но есть способ проще — я знаю, как сделать так, чтобы был разрушен только Источник, но город не пострадал. Представляешь, как братья всполошатся, если им на такое намекнуть?

— Ужасно!

— Ради нашей безопасности я и не на такое пойду.

Айред вдруг поднял голову, напряжённо огляделся по сторонам, но Эйро уже прервал связь.

Он спрятал зеркало и понял, что должен поговорить с Райедом. Эйро рос в семье потомственных магов, но мало что знал о самом волшебстве. Только расплывчатые определения из разрешённых для не-магов книг и крупицы сведений, что порой удавалось узнать у других. Мелькнувшую было мысль рассказать всё Айфир Эйраяд отнёс — жрица в этих вещах точно не разбиралась. Он долго колебался, прежде чем послать принцу записку со слугой. Просто просьба о встрече, Эйро не решился намекать на что-то.

Ответ он нашёл под своей тарелкой на обеде: «На рассвете, большая галерея, восточная сторона». Ни подписи, ни печати, словно в каком-то романе из тех, что любит матушка. Райед на другом конце стола мило беседовал с какой-то дальней родственницей, и на Эйро не смотрел демонстративно. Эйраяд незаметно спрятал записку в рукав.

Обед, согласно традиции, был временем, когда в пиршественном зале собирались все. И атмосфера за столом отнюдь не была лёгкой — ожидание беды и всеобщая подозрительность висели в воздухе, точно ядовитый туман. Эйро поймал себя на мысли, что вполне всерьёз прикидывает, обнаружится ли в каком-то из блюд яд, и как можно незаметнее выбрался из-за стола. Есть расхотелось.

В коридоре его чуть не сбива с ног пара мальчишек лет четырёх. Один, судя по одежде, старший сын Залэя, другой — кто-то из детей слуг, вечно шастающих по коридорам, когда их не занимали делом. В императорской семье на удивление спокойно смотрели на то, что принцы дружат с низкородными. Эйро это всегда удивляло — даже у северных варваров правителям с детства внушали, что они выше прочих, а избранные Небом потомки Богини всё детство возятся с простецами.

Крытая галерея опоясывала дворец на уровне третьего этажа. В этот час на ней не было ни души, бледный рассветный свет золотил плиты красного гранита и тёмное дерево перилл. Принц стоял у ограждения и смотрел на солнце.

— Здравствуй, — Эйро остановился рядом.

— Здравствуй, — принц кивнул, не глядя на него. Судя по усталому виду и вычурному, расшитому драгоценностями костюму, подходящему скорее для пирушки с друзьями, чем для серьёзных разговоров, он ещё не ложился. — Что случилось?

Эйро ощутил внезапный порыв рассказать Райо, что между ним и Айфир ничего не было, но сдержался.

— Я узнал, что Айред исследовал магические основы города, — где-то рядом послышался шорох и Эйро прервался, огляделся по сторонам.

— Продолжай, — принц посторонних звуков демонстративно не заметил.

— Айред обнаружил, что источник можно разрушить, не разрушая город. Ты представляешь, что будет, если он об этом объявит?

— Книжник — один из самых слабых претендентов на престол, он не сможет толком повлиять на ситуацию. — Из-за колонны вышла Айфир, приветственно кивнула обоим и уселась на перила, положив ногу на ногу. Судя по виду Райеда, тот её ждал.

— Он — не сможет, — принц торжествующе улыбнулся, — а вот кто-то другой вполне. Ты откуда это вызнал?

— Подслушал его разговор с братом, — старательно не соврал Эйраяд.

— Боюсь представить, чем это всё закончится, — жрица поёжилась, то ли от страха, то ли от утреннего холода. Принц торопливо укрыл её плечи своим камзолом.

— Новым императором, только и всего, — Райед улыбнулся с деланной небрежностью.

Эйро впервые пришло в голову, что этим новым императором принц вполне серьёзно видит себя.

Следующие три дня в воздухе носилось почти осязаемое напряжение. Сгущалось, натягивалось, как струна, звенело в осторожных разговорах и тревожных взглядах. Напряжение закручивалось в тугий узел, отдавалось гулом в костях. Принц Лайн шёл на поправку, но общаться с кем-то, кроме отца и брата, наотрез отказывался. Высокородное население дворца настороженно следило за малейшими происшествиями, заключало союзы и обещало поддержку наиболее перспективным претендентам. Все понимали, что с покушением шаткое перемирие закончилось, и кто-то из принцев, наконец, возьмёт своё силой. Наиболее умные отправили семьи в загородные имения, госпожа Граайя уехала сама, прихватив домашних и особо доверенных слуг. На прощание она шёпотом попросила Эйро ставить только на того, в ком уверен.

А утром четвёртого дня по дворцу молнией разнеслась весть: принц Шайят убил принца Айреда в поединке и сам погиб. Эйро узнал об этом, когда они с Райедом сидели у того в покоях и играли в «Осаду холма». В последнее время принц не то чтобы простил обошедшего его с Айфир приятеля, но успешно делал вид, что забыл о случившемся. В комнату вбежал взволнованный слуга и, сбиваясь, рассказал новость. Райо поднялся так резко, что смахнул с доски несколько костяных фишек.

— Началось! — в голосе принца звучал какой-то странный азарт. — Вон! — это уже слуге.

— Что будешь делать? — Эйро медленно, очень тщательно собирал закатившиеся под стол фишки.

— Действовать. Мне надо срочно увидеть отца. Поднимайся, пойдёшь со мной.

Выйти из комнаты они не успели — помешал новый стук в дверь. На пороге стояла Айфир, ещё более бледная, чем обычно, с огромными перепуганными глазами. Проскользнула в комнату, не дожидаясь приглашения, и привалилась к двери.

— Что случилось? — при виде жрицы в своих покоях Райо даже как-то растерялся. — Вы как вообще тут оказались?

— Айред? — попробовал угадать Эйро.

— Арайяд, — девушка покачала головой. — Император слёг, как только ему сообщили о смерти принцев. Никого не узнаёт, с ним сейчас Верховная и целители.

Умение этой женщины знать всё обо всех в последнее время начало просто пугать.

— Богиня милосердная! — Райед побледнел и быстрым шагом направился к выходу, Эйро постарался не отстать, с тоской думая, что задание ашшианцев он не выполнит никогда. Рядом бесшумно скользила Айфир, молчаливая и сосредоточенная.

В холле перед дверьми в покои императора уже собралась небольшая пёстрая толпа. Придворные и родственники тихо переговаривались, не сводя напряжённого взгляда с охранников. Те не впускали никого, даже самых близких родственников.

У самых дверей Райо едва не налетел на Залэя. Старший из выживших принцев, высоченный и угрюмый, с нитями ранней седины в волосах, выглядел ещё более неприветливым, чем обычно, за ним толпилась его не менее мрачная свита. Он смерил взглядом Райеда и коротко произнёс:

— Не лезь.

— Ты тоже.

Маги стояли друг напротив друга, две пары миндалевидных чёрных глаз горели почти осязаемой злобой, воздух вокруг них сгустился и потрескивал от пробуждающегося колдовства.

— В сторону, щенок!

— Что здесь происходит? — вокруг близнецов не было свиты, наоборот, придворные расступались, давая им дорогу. Оба были в доспехах и при оружии, у Лайна на щеке и шее ещё виднелись следы ожогов, но держался он также уверенно, как и брат.

— Прекратите немедленно, сейчас не время и не место для дразг. — И, уже охране: — Мы бы хотели увидеть отца.

— Было приказано не пускать никого, приношу извинения, — в голосе стражника действительно было сожаление, но глядел он при этом на Залэя.

Высокие, богато украшенные двери распахнулись, из них вышла Верховная жрица, окинула недовольным взглядом всех присутствующих. Айфир тут же бросилась к ней, стала рядом, женщины обменялись быстрыми кивками.

— Император не принимает, — начала она сильным, мгновенно перекрывшим людское бормотание голосом. — Как только что-то изменится, вам сообщат. Никаких посетителей.

Верховная выразительно взглянула на принцев, желающих спорить с её авторитетом не нашлось. Близнецы покорно ушли, Залэй смерил их неприязненным взглядом и круто развернулся.

— погоди! — Райед окликнул его. — Поговорить надо.

— Иди за мной, — бросил тот, не останавливаясь.

Райед не стал спорить. Эйро тоже последовал за ними — упускать важную информацию не стоило, от этого могла зависеть его безопасность.

— В начале времён ветер встретился с огнём и породил Великую Богиню, — нараспев говорила Айфир, сжимая в руках горящий факел.

— Она огляделась по сторонам, но вокруг была только предначальная бездна, тёмная и пустая, — продолжила другая жрица, чуть старше, но только с одним неполным рядом жемчуга на шее. Они стояли очень прямо, на покрытых белой краской лицах не отражалось ни одной эмоции.

— Тогда Богиня топнула ногой, взмахнула рукой и создала небо и землю. Земля была пуста и безжизненна, и Богиня огорчилась этому. И принялась танцевать с породившими её ветром и огнём. И танцем своим создала деревья и травы, облака и реки, и море, и всех зверей и птиц.

Два погребальных костра, два тела, завёрнутых в белую ткань, двенадцать жриц, провожающих погибших к Богине, толпа ближайших родственников и друзей. Только место императора пустовало, и все помимо воли порой косились на богато украшенный навес, под которым он стоял бы, если бы был здоров. Незанятое место наводило на неприятные мысли.

— Мир был прекрасен, но Богине не хватало тех, кто мог славить её, и она решила создать людей. Она капнула кровью на землю, и из капли крови появился первый мужчина, она капнула кровью в воду, и капля стала первой женщиной.

Все жрицы сегодня были только в зелёном, они стояли вокруг помостов с телами редким кольцом, и Эйро, наконец, вспомнил, что означает этот цвет в символике храма. Скорбь. Он не сообразил раньше, потому что редко с ним сталкивался, мало какая жрица использует в своём наряде больше одной-двух зелёных лент. Интересно, о чём скорбит

Айфир?

— Они стали жить на земле и населять её, и славить Богиню, но не было того, кто ведёт их и говорит им, как поступить. И тогда Богиня спустилась к одному из потомков первых людей и отметила его своей благосклонностью, и поставила править всеми людьми, что населяют мир. И стал он первым из рода величайших правителей.

Легенда завершилась, и жрицы одновременно шагнули вперёд, поднося факелы к облитым маслом дровам. Погребальные костры вспыхнули и присутствующие, наконец, смогли попрощаться вслух. Жрицы отступили и смешались с толпой.

Закат давно отгорел, искры от погребальных костров казались летучими звёздами. Членов правящей семьи после смерти сжигают и развеивают по ветру, чтобы частицы пепла могли достичь породившей их Богини.

Залэй громко, нараспев, произносил последнее напутствие уходящим, окружающие вежливо слушали. Младшие братья погибших, два тихих двенадцатилетних мальчика, жались друг к другу, потерянные и несчастные. Их мать, вторая жена императора, высокая, очень красивая женщина, смотрела в огонь сухими злыми глазами, выбившиеся из её кос волоски шевелились от жара. Насколько знал Эйро, она уже собрала вещи, чтобы уехать из столицы этим же вечером, захватив оставшихся детей. Император счёл бы такой поступок предательством, но её это уже не останавливало.

— Что произошло? — Айфир незаметно подобралась поближе к Эйро. — На тебе лица нет.

Кто-то из присутствующих неодобрительно покосился на них, и тогда жрица просто схватила Эйро за локоть и утащила из толпы, за угол ближайшего здания. Огляделась по сторонам, прислушалась и удовлетворённо кивнула. Пока церемония не завершится, им можно было не опасаться посторонних ушей.

— Рассказывай! — Она прижала его к стене, упёрлась руками по обеим сторонам от лица, взглянула в глаза. Несмотря на провокационность позы, Эйро не ощутил ничего, кроме смутной неприязни. Он глубоко вздохнул и начал рассказ.

В комнате собралось с полдюжата придворных и два принца. Эйро постарался сесть поближе к Райеду, насколько это было возможно, у того среди присутствующих больше сторонников не было. Залэй и Райо сели к столу, друг напротив друга, пристально посмотрели друг другу в глаза.

— Что ты можешь мне предложить? — первым начал старший.

— Я могу предложить тебе трон. — Райед не улыбался. Присутствующие в комнате затаили дыхание. — И близнецы не посмеют спорить.

— Отец ещё может назвать меня, — осторожно ответил Залэй, чуть нахмурившись.

— Ты в это веришь? Он никогда не отдаст тебе трон. Тебя поддерживает армия, и всем прекрасно известно, что, когда отец выскажет свою волю, ты попытаешься взять своё силой. Я, в свою очередь, не желаю рисковать собой в поединке с самым сильным магом Зайнерии, и мне, если честно, никогда не хотелось править.

— Разумно. Что ты хочешь взамен?

— Место первого советника. В Тофайне, а не где-нибудь в провинциях. Ты взойдёшь на трон и не будешь удалять меня из столицы.

— Возможно, я поверю тебе. Как ты можешь повлиять на события?

— А ты? Я никогда бы не предложил тебе помощь, если бы не был уверен, что у тебя

тоже есть, чем подкрепить свои притязания.

Залэй ненадолго задумался.

— Хорошо, я скажу тебе, после того как ты ответишь.

— Я могу уничтожить Источник. — Райед достал из кармана небольшой, мягко светящийся кристалл на цепочке. Даже Эйро мгновенно понял, откуда он взят и от чего отколот. — Вместе с городом, или нет, как уж мне захочется.

Старший принц кивнул.

— Я знаю, как создать мага. Мне не нужно отцовское благословение, чтобы обучить моих детей волшебству.

— Поэтому отец не хотел называть тебя наследником? — потрясённо спросит Райед.

— Отец не знает. Просто мне не стоило высказывать свои взгляды вслух. Многие годы в нашей семье считали, что магия должна оставаться доступной лишь избранным. Это глупо! Я могу создать армии верных мне магов всего за два-три десятилетия. И тогда Зайнерийскую армию не остановит ничто. Именно этим я и займусь, как только сяду на трон.

Эйро отметил про себя число лет. Это наводило на размышления.

— Откуда ты узнал? — осторожно поинтересовался Райо.

— Полагаю, оттуда же, откуда ты узнал об Источнике. Я ни за что не поверю, что ты провёл такие сложные исследования самостоятельно.

Эйро не поверил своим ушам, а Райед только кивнул и едва заметно улыбнулся. Ещё один кусок головоломки стал на своё место.

— Осталось теперь только узнать, кто из них покушался на Лайна... — протянула жрица. Задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Ты не удивлена? — поразился Эйраяд.

— Нет. И Залэй и Райед для достижения цели способны на всё. Убить брата и для одного, и для другого вполне допустимо. Хотя обставить всё как неудачную дуэль — в этом Райо старшего всё же превзошёл.

— Сплетничаете? — Райед, лёгок на помине, вышел из-за угла. Эйро обжёг его острый, злой взгляд.

— Сплетничаем, — Айфир безо всякой поспешности отстранилась от Эйро и повернулась к принцу. — И всё же, кто именно покушался на Лайна? На тебя не похоже.

— На Залэя похоже, — принц и не подумал смутиться. — Близнецы после него — самые серьёзные претенденты.

— Понимаю, — жрица подошла к Райеду почти вплотную, склонила голову на бок, разглядывая его с каким-то новым, тяжёлым и неприятным интересом. — Айред был очень привязан к своим братьям. С Шайятом они в последнее время не ладили, но ради спасения его жизни он всё равно пошёл бы на всё. И рассказал бы все свои тайны.

— Ты чересчур впечатлительна, — ни один мускул на лице Райеда не дрогнул. — Поверь, подобные методы допустимы лишь в самых крайних случаях. Эйро, пойдём, ты мне нужен.

Направляясь вслед за принцем, Эйраяд нащупал какой-то предмет на шее под воротником. Это оказалась записка.

«В полночь, в саду, под старыми соснами».

Он тщательно изорвал её в клочья и выбросил их в попавшийся на пути фонтан.

Три серебристые сосны, привезённые в столицу ещё прадедом императора, за годы разрослись, образовав естественный навес. Айфир сидела на поляне под ними, укрытая размытой кружевной тенью. Там, где звёздный свет касался её, кожа жрицы отливала серебром.

— Что ему было нужно? — спросила Айфир вместо приветствия.

— Потребовал, чтобы я держался от тебя подальше, — чистую правду ответил Эйро, садясь рядом. — И пригрозил, что вызовет меня на дуэль, если ослушаюсь.

— Не вызовет. Он сейчас слишком занят, чтобы размениваться на мелочи. Залэй не потерпит других претендентов рядом с собой, их союз закончится, как только они останутся только вдвоём. Пока не определится новый император, ты в безопасности.

— Это утешает, — Эйро подобрал опавшую шишку и принялся вертеть в руках. — О чём ты хотела поговорить? Нашла, как узнать секрет у самого императора?

— Если бы! — Айфир обхватила сцепленными руками колено. — Ты знаешь, что за последние несколько лет были высланы из столицы или умерли пятеро советников. Совершенно не связанные друг с другом люди, очень близкие к императору. Понимаешь, что это значит?

— Они знали тайну.

— Он хочет унести её с собой в могилу, чтобы не досталась Залэю. Но Арайяд уже допустил ошибку, раскрыв тайну старшему наследнику.

— Как Залэй узнал её? Он же не мог воздействовать на брата магией.

— Нужных сведений можно добиться и без магии, если знать, как. Даже думать не хочу, что Залэй сделал со старшим братом, чтобы узнать секрет, и куда потом спрятал то, что от него осталось. — Девушка скривилась. — Но я вызвала тебя не для этого. Запомни, пожалуйста: Залэй не держит записей, но на всякий случай хранит важные сведения в памяти жены. Ты сможешь вытащить её из дворца, в случае чего?

— Постараюсь, — иногда ему было интересно, есть ли хоть что-то, что эта женщина не знает. — И всё-таки, откуда ты всё знаешь?

— Умею слушать и спрашивать. Ты не представляешь, сколько интересного замечают слуги. — Она поднялась на ноги, отряхнула юбку от налипших иголок. — До завтра.

Эйро кивнул.

А утром в покоях императора собрались все оставшиеся принцы со свитой. Арайяд, правитель Зайнерийской империи, лежал на постели, строгий и странно умиротворённый. Он умер ночью. Верховная жрица сидела у изголовья, рядом с ней беззвучно рыдала маленькая и бесцветная старшая жена правителя. Айфир стояла поодаль, на её лице снова белел траурный узор.

— Император покинул этот мир, — начала Верховная, обведя присутствующих строгим взглядом. Эйро невольно поёжился. — Но перед смертью он успел огласить свою волю и назвать наследника. Лайн, сын Арайяда, с этого момента ты — хозяин Зайнерийской империи.

Лайн улыбнулся, Лайян с явным облегчением выдохнул и бросил на брата ободряющий взгляд.

— Вы лжёте! — глаза Залэя недобро засветились синим, по одежде пробежали магические искры. — Кто может подтвердить ваши слова?

— У меня есть два полагающихся свидетеля. Айфир?

Девушка сделала шаг вперёд.

— Да, я была здесь, когда император пожелал назвать преемника. Он выбрал принца Лайна.

Верховная перевела взгляд на вторую женщину. Та просто кивнула, избегая смотреть на сыновей.

Эйро невольно восхитился простотой и изяществом решения. Последней полумойке ясно, что император уже не мог назвать наследника, но кто посмеет уличать во лжи Верховную жрицу и старшую жену? Оставшимся принцам придётся смириться.

— Нет, — Залэй вдруг шагнул вперёд. — Я не верю вам.

— Во имя Богини, Зэло, не здесь же!

На перепуганный шёпот матери принц внимания не обратил.

— Ты можешь оспорить слова отца любым из принятых способов, — Лайн улыбнулся ещё шире.

— Именно так я и сделаю.

— Поединок? — Лайян приподнял бровь.

— Вы не имеете права вызывать на поединок императора! — Верховная жрица на удивление проворно для своего возраста вскочила на ноги.

— Пока о решении отца не объявлено во всеуслышание, он не император, — вмешался вдруг Райед. — Вызов допустим.

Залэй бросил быстрый взгляд на Райо, но тот лишь едва заметно покачал головой.

— Если вызов будет брошен, я его приму, — Лайн оставался всё так же спокоен.

— В таком случае, я вызываю тебя, брат. Здесь и сейчас, и пусть Богиня нас рассудит!

Они вышли в соседний зал, достаточно просторный, чтобы поединщики могли не мешать друг другу. Зрители прижались к стенам, принцы стали друг напротив друга, обоих окутала светящаяся аура пробуждающейся магии. Верховная жрица неодобрительно поджала губы, но всё же кивком разрешила начинать.

Залэй взмахнул рукой, и яркая мозаика пола взвилась в воздух и устремилась на Лайна. Тот успел закрыться каким-то сложным щитом, отразившим осколки обратно. Большая часть из них пролетела мимо, но один ударил Залэя в бедро, кровь брызнула на пол. Тот даже не пошатнулся. Эйро начал осторожно, боком смещаться поближе к оставшимся на полу каплям.

Лайн тем временем хлестнул брата цепью, собранной из каменных осколков. Несмотря на рану, Залэй легко ушёл в сторону, ответил сорвавшимся с ладони вихрем. Лайн отразил его всё той же цепью. Отошёл на пару шагов, криво улыбнулся. Ему, в отличие от брата, колдовство явно давалось легче и, кажется, даже отнимало меньше сил.

Дальнейшее произошло практически одновременно. Из рукава Залэя вылетел простой метательный нож и вонзился в горло брата, а вихрь, всё ещё бьющий из другой его руки, отклонился в сторону и ударил стоявшего поодаль Райеда в грудь. Тот не успел среагировать, поток воздуха бросил его на стену, словно куклу. Принц ударился о камни всем телом и медленно сполз на пол, оставляя за собой широкую алую полосу. Эйрохватило одного взгляда, чтобы понять, что он умирает.

Потрясённые такой неслыханной бесчестностью придворные растерялись, не зная, как реагировать. Лайян с криком бросился к брату, на ходу формируя из вылетевших из окон

стёкол что-то вроде сверкающего щита. Зайед поднял руки, готовясь к новой схватке.

Мало кто заметил, что Райед медленно вытащил из кармана кристалл на цепочке, окровавленные губы шевельнулись, но Эйро не услышал слов. Зато увидел, как крошится в его пальцах сияющий камень, словно кусок талька. Умереть в одиночестве показалось слишком банальным для потомка избранного Богиней рода. И единственное, что он мог сделать, чтобы этого избежать — попытаться забрать с собой столицу.

На мгновение у Эйро заложило уши и заломило зубы, словно от нестерпимо громкого звука. А потом стены дворца содрогнулись, как живые, из-под земли раздался низкий, на пределе слышимости гул, по стенам побежали ветвящиеся трещины. Громко, словно престолюдинка, завизжала Верховная жрица. Придворные бросились к выходу, только принцы, ничего не замечая вокруг, продолжали обмениваться магическими ударами.

В его сторону никто не смотрел, так что Эйро незаметно наклонился и коснулся ладонью кровавого пятна, огляделся вокруг, ища знакомые лица.

— Ты знаешь, что делать! — Айфир налетела на него, чуть не сбив с ног. — Встречаемся в центральном зале, у двери во внутренние покои.

Во дворце творилось форменное столпотворение. Слуги и придворные метались в панике, прорываясь к выходам. Добираться пришлось порой наперекор людскому потоку, и когда Эйро наконец вышел к комнатам старшего принца, он совершенно искренне возблагодарил Богиню. После чего на всякий случай огляделся по сторонам и коснулся испачканным в крови пальцем аметиста на браслете. Воздух вокруг него замерцал, изменяясь, придавая ему облик Залэя. Эйро впервые в жизни обрадовался, что ниже и уже в плечах, чем большинство принцев — иллюзия получилась вполне естественной. Он быстрым шагом вошёл в двери, едва не потеряв равновесие, когда дворец в очередной раз тряхнуло. Откуда-то из внутренних помещений выбежала молоденькая служанка, бухнулась на колени.

— Позови госпожу, — он на миг замялся, вспоминая имя, — Оллию.

Та шустро метнулась за расшитую птицами занавесь.

Оллия вошла быстрым шагом, почти бегом, глубоко поклонилась Эйро и осталась стоять, выжидательно глядя на него. На её лице не было ни единого следа эмоций, лиловое шёлковое платье в полном порядке, волосы идеально причёсаны и надушены. Словно и не происходит никакой катастрофы.

— Запиши, — неуверенно начал Эйро, стараясь, чтобы его голос звучал похоже на голос принца, — Как создать мага.

«Айфир бы не купилась» — невольно подумал он, глядя, как женщина покорно вытаскивает из ящика тушь, писчую кисть и бумагу. Впрочем, он не знал, сколько свободного разума оставил супруге Залэй. Женщина писала быстро, чётким, каллиграфическим почерком, из-за занавеси за ней наблюдали притихшие служанки.

— Это всё? — спросил он, когда Оллия закончила писать и положила кисть на специальную подставку. Женщина кивнула. Эйро торопливо взял листок у неё из рук, пробежал глазами, затем прочёл ещё раз, внимательнее.

«Лучший катализатор для пробуждения магического дара — чужая смерть. Важен возраст — ребёнок должен быть достаточно взрослым, чтобы осознать случившееся, но достаточно юным, чтобы оно оставило на нём неизгладимый отпечаток. Наиболее удачен период с трёх до пяти лет, тогда велика вероятность, что ребёнок со временем забудет само происшествие, но сохранит оставленный им след, что послужит дополнительной защитой тайны. Для успешного изменения ребёнок должен быть привязан к погибшему, чем сильнее

— тем лучше. И обязательно должен быть свидетелем его смерти. Если горе достаточно глубоко и продолжительно, со временем он станет магом».

Теперь становилось понятно, почему на общение с детьми слуг в императорской семье до определённого возраста смотрят сквозь пальцы. Если бы жертвовать приходилось отпрысками благородных семей — достойной компанией для юных принцев — рано или поздно кто-то докопался бы до правды. В некоторых отношениях слуги и впрямь удобнее. Эйро припомнил, что когда он и Райо были детьми, с ними был неразлучен сын одной из кухарок. Он не помнил, куда тот потом делся, даже и имя мальчика уже давно стёрлось из памяти.

Эйро развернулся к выходу.

— Погодите! — Оллия вдруг схватила его за рукав рубашки, взглянула снизу вверх огромными испуганными глазами. — Позвольте мне уйти! Пожалуйста, разрешите нам уйти отсюда!

— Не сейчас, — он стряхнул её руку и вышел из комнаты.

— Где она? — Айфир уже ждала его, то и дело хватаясь за стену при особо сильных толчках, от которых с потолка облетала декоративная плитка.

— Не важно. Я узнал, как создаются маги! — Эйро триумфально помахал листом, — Давай выбирать отсюда.

Айфир посмотрела на него со странным выражением лица, перевела взгляд на дверь, из которой он пришёл, но та на очередном толчке с грохотом обвалилась, вместе с потолком галереи, в которую вела.

— К главному входу уже не пробраться, — она цепко ухватила его за руку и потянула за собой, почему-то вглубь дворца. — Пошли, я знаю другой путь.

Грохот и далёкие крики звенели в ушах, огромный дворец рассыпался, словно хижина нищего в бурю. Айфир привела его в небольшую комнатку со статуей первого императора в центре. Она сорвала со стены горящий факел, сунула его в руки растерявшегося спутника и налегла на постамент. Тот неожиданно легко сдвинулся, открывая потайной ход.

— Так вот как ты во дворец по ночам проходила! — сообразил Эйро. Ход оказался неожиданно просторным и почти не пострадал.

— Лезь, не отвлекайся. И бегом вперёд! — Айфир пропустила его вперёд и, внезапно ловко выдернула из руки всё ещё зажатый в ней листок, с интересом вчиталась, держась рядом с Эйро.

— А умно! — у неё каким-то образом получалось читать, не сбиваясь со шага. — Маги древности пробовали похожий способ на взрослых, но у них ничего не вышло. Чтобы раскололась душа, привычный мир должен рухнуть в одно мгновение. Взрослому для такого потребуется что-то, от чего он скорее с ума сойдёт. А ребёнку достаточно смерти друга.

Стены хода подрагивали, но держались. Эйро быстро шёл вперёд, пламя факела билось и плясало в его руках. Айфир отставала на пару шагов, странно притихшая и задумчивая.

— Эйро! — неожиданно окликнула она. — Скажи, ты расскажешь об этом ашшианцам?

— Конечно, — Эйррад даже приостановился. — Нам с тобой этот способ не подойдёт. Но своих сыновей я смогу сделать магами.

— И тебя не пугает цена? — голос девушки был странно напряжённым.

— Цена вполне приемлема. Всего одна жизнь, я ожидал чего-то более страшного.

— А если я тебе скажу, что цена — не только жизни?

— Айфир, не говори ерунды! — Эйро шагнул вперёд и вдруг почувствовал, как его шею захлестнула мягкая, но прочная петля. Умер он быстро.

Эпилог.

Я ещё несколько минут стою над телом, тупо сжимая в руках концы оторванной от юбки ленты. Зелёный, цвет скорби, цвет моего личного траура по изувеченной магией столице. Как... символично. Здесь была бы к месту какая-нибудь глупость из романов, вроде: «Прости меня». Пошлость-то какая! Мне тошно и мерзко, хочется забиться в тёмный угол, закрыть глаза и забыть обо всём.

Ещё один толчок приводит меня в себя. Выпускаю из рук злополучную ленту и, не оглядываясь, бегу вперёд по коридору. Скорбь может и подождать.

Поднявшись на поверхность, аккуратно, по введшейся в кости привычке, закрываю за собой потайной ход. Храм уже опустел, на полу валяются камни из стен и сломанная утварь. Что ж, тем проще. Знакомым путём бегу в свою келью. Очередной толчок застаёт меня на пороге, хватаюсь за косяк, чтобы не упасть, с потолка прямо мне на голову сыплется песок и мелкие камешки.

Загодя собранная сумка дожидается под столом. Недолго смотрю на неё, сжимая в кулаке злополучный листок, затем сую его в один из боковых карманов. Вскидываю сумку на плечо и, не удержавшись, окидываю своё разгромленное жилище прощальным взглядом. Четыре года — долгий срок, но мне вряд ли будет его не хватать. Песчаный город наконец-то рухнул под собственной тяжестью. Надеюсь, со временем Степь скроет его следы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net